Экипаж машины боевой (Часть 1)

Виталий Кривенко

SHOUT
SHARE
IT

- Кривенко Виталий

Кривенко Виталий
Экипаж машины боевой (Часть 1)

Виталий Кривенко
Экипаж машины боевой (Часть 1)
ОТ АВТОРА

Главное, что я хотел выразить в этом рассказе, так это те мелкие детали, которые происходили во взаимоотношениях между военнослужащими, сам диалог общения между ними, и постарался это выразить в более простой для понимания форме.

То, что здесь описано, отчасти можно считать плодом моего воображения. Хотя, в общем, события эти происходили на самом деле. Но происходили они не в той последовательности, в которой написаны. Многое я почерпнул из своих воспоминаний, некоторые вещи из рассказов пацанов с других подразделений.

По прошествии времени многие детали, конечно же, стерлись из памяти, и поэтому мне пришлось немного напрячь свое воображение, хотя большого труда это не составляло, потому что я был там, и знаю не понаслышке про службу в Афгане.

Это рассказ о службе одного экипажа БТРа пехотной роты в провинции Герат. Многие фразы из диалогов я напечатал по их созвучию, а не так, как они должны быть в грамматическом написании. Попадаются и некорректные выражения, но это, извините, лишь капля в море, и если излагать полный диалог, то в этом случае прилично выглядеть будут лишь знаки препинания.

МОТОСТРЕЛКОВЫЙ ПОЛК

Отжившие век свой, на лестницу в небо, проходят с парадного входа. А нас, совсем юных, сквозь пламя Афгана впускали из черного хода.

Я уже часа два торчал в оружейке, и от безделья швырял штык- нож в деревянный столб.

Было начало июня 1987 года, и до дембеля оставалось еще два месяца.

Нас -- дембелей -- почти всех оставили до августа, так как не пришла замена из Союза, а те, что пришли, были еще желторотыми "чижами" и на боевые действия их первое время брать было нежелательно.

А мне уже было на все наплевать: быстрее бы в Союз, и ничто другое в голову не лезло.

Недавно вышел приказ "дембелей на боевые действия не привлекать". А все потому, что много писем приходит в министерство обороны от родителей, которые просят объяснить

им одну вещь -- почему они получают письма от сыновей, в которых те пишут: ждите, через неделю или месяц приеду, родители уже в надежде ждут со дня на день сына домой, и вдруг вместо сына приходит цинковый гроб?

Приказ приказом, а из-за нехватки людей приказ этот, мягко говоря, обходили, да и дембеля не возражали: надо так надо, мы так воспитаны, да и время в рейде быстрей идет.

В полку мы находились около недели, но скука уже одолела, и хотелось махнуть куда-нибудь в рейд, только бы подальше от полка и надоевших нарядов и караулов. Наряды-караулы тащишь через день, пока находишься в полку между боевыми операциями, если, конечно, рота не находится на пятнадцатиминутной готовности. А если рота находится на пятнадцатиминутной готовности, тогда ты вообще как прикованный, и отлучаешься от расположения роты только на расстояние слышимости. И если прозвучала команда "рота тревога!", то бросай все и со всех ног лети в оружейку, хватай автомат и патроны и бегом к машинам. А в соседнем полку, что находился в двух километрах от нас, караул не менялся уже две недели, днем они спали на постах, а ночью несли службу. Так что у нас было еще по-божески, за сутки между караулом или нарядом можно было какие- то свои движения сделать.

В оружейку вошел Хасан, наш замкомвзвода, родом он был из Таджикистана, но по-русски говорил свободно, хотя и с заметным акцентом. Настоящее имя его было Хусейн, но я называл его Хасан, так созвучней, он не возражал, а со временем и все стали его так называть. Характер у него был дерзкий, и он не любил ни в чем никому уступать, хотя иногда был и не прав. Хасан говорил на всех азиатских языках, с духами базарил свободно, и частенько его применяли как переводчика, если вдруг возникали трудности в общении с коренным населением.

У меня с ним сложились больше чем хорошие отношения, и я с уверенностью мог сказать, что Хасан был моим другом. Я, бывало, частенько с ним спорил по разной мелочи, но делал это ради хохмы, мне нравилось по "раскумарке" подразнить его, он воспринимал любой спор с неподдельной серьезностью, и было прикольно за ним в этот момент наблюдать.

Я посмотрел на него и спросил:

-- Чего скажешь, Хасан?

-- Сразу после обеда, наверно, выезжаем в рейд, а может быть раньше, так что готовь свое отделение, -- ответил он.

-- Да ну, неужели?! А кто тебе сказал такое? -- с довольным удивлением спросил я.

-- К ротному заходил комбат, они о чем- то там базарили,

потом ротный мне сказал, чтоб готовились.

-- Ну, наконец то, а то я уже запарился. А куда махнем, ротный не сказал?

-- Вроде в старый город, да ротный сам толком еще не знает.

Старый город был для нас печально знакомым местом, частенько там приходилось бывать и кое- чего получать. Одна сторона города была советская, другая духовская, даже мосты через речку, которая протекала по окраине города, были у каждого свой. Наш был железобетонный, который примыкал к бетонке, а у духов глиняный, старинной конструкции, который находился на стороне старого города.

По старому городу мы постоянно наносили артиллерийские удары и периодически прорабатывали его авиацией, происходило это и днем и ночью, и казалось, что там уже не может быть ничего живого. Но стоило только нашим военным туда сунуться, как обязательно они нарывались на засаду, а про мины и разговору нет, их там было понатыкано везде и всюду.

Мы с Хасаном вышли из оружейки и направились к себе в палатку.

Полк наш вошел в Афган в 1985 году, и личный состав располагался в палатках, в общем, до сих пор полк находился в полевых условиях, модульными были штаб, санчасть, магазин и частично офицерские казармы. Частично потому, что многие офицеры младшего состава жили также как и солдаты в палатках. Оружейки с оружием и боеприпасами тоже находились в палатках, в палатках находились склады и столовые, в общем, эдакий палаточный городок.

Подходя к нашей палатке, я увидел невдалеке Серегу из батальонной разведки, и окликнул его:

-- Серый! Иди сюда, сказать что-то надо.

Он медленно направился к нам, подойдя, поздоровался и спросил с растяжкой так:

-- Ну, ч-е-е?

-- Едрена мать, а накурился ты, как удав, -- сказал я ему и спросил:

-- Чарс есть?

-- Да, есть тут кропалек от лепешки.

-- Ну так дай немного, а то сам нахапался и плаваешь между палаток.

-- На вот, бери весь, у меня в парке есть еще.

Он достал из кармана кусок от лепешки и протянул нам.

-- Ну, ни фига себе кропалек, здесь почти пол лепешки, -- удивился я, и протянул чарс Хасану.

-- Хасан, на, забей косяк в оружейке, а я сейчас подойду, мне

тут надо кое-что сказать доблестной разведке.

Хасан удалился, а я обратился к Сереге:

-- Серый, чего вы там паритесь?

-- А че такое? -- удивился он.

-- В прошлом рейде вы кого обстреляли возле духовского моста?

-- Как кого? Духов вроде.

-- Я что, похож на духа? А тебе не показалось, что вы наш взвод обстреляли?

-- А что, это вы были да, вы да?

-- Мы да, мы да, -- передразнил я его, -- наш ротный сказал, что по башке настучит вашему летехе тормознутому за такие приколы.

-- А что вы сразу на нас, может, это духи были, -- начал было возражать Серега.

-- Хасан выковырял из глины пулю, она была от КПВТ, и мы видали ваш БТР, который за сопкой крутился, а когда мы ракетницу пустили, вы поняли, что запарились и сквозанули оттуда.

-- Это Пипок начал орать: вон духи под мостом, духи под мостом, -оправдывался Серега.

-- Пипок ваш придурок, он как накурится, ему везде духи мерещатся, нашли, кого слушать. Ну ладно, я пошел, привет передай Пипку, и скажи, путь бинокль в "шары" себе вкрутит.

Пипок, это парнишка из разведвзвода нашего батальона, родом он был из-под Кишинева, фамилия его Пипонин, отсюда и прозвище Пипок. Он был маленького роста, метра полтора, не знаю, как его только в армию взяли, суетной такой парнишка, но совершенно безобидный, белые волосы его постоянно торчали на макушке, и со стороны он был похож на одуванчик.

Отслужил Пипок полтора года и по праву считался "дедом" Советской армии. Где бы Пипок не находился, везде разносился его звонкий смех, а улыбка никогда не сходила с лица. Даже когда его отчитывал, какой-нибудь офицер за провинность, он смотрел на этого офицера, и глупо улыбался, как будто ему было на все наплевать. По началу это злило командиров, но со временем все к этому привыкли и не обращали на его улыбку внимания.

-- Ну ладно, до встречи, -- сказал Серега и собрался уходить, но потом замешкался и спросил:

-- Слушай, Юрка, а пистолетные патроны у вас есть?

Я сразу задумался, мне стало интересно; а зачем Сереге пистолетные патроны? Серега был пацаном хитрым и скрытным, и так просто он ничего не спрашивал, и если он что-то ищет, то

значит, это что-то имеет к чему-то какой-то выгодный интерес. У нас в оружейке была пара цинков патронов от "Макарова", но я решил Сереге о них ничего не говорить. Спросить, зачем ему патроны? Не имело смысла, все равно он не скажет, но я решил спросить, так просто, ради спортивного интереса:

-- А нафига тебе пистолетные патроны, застрелиться хочешь, что ли?

-- Да так, надо, в общем, скоро ты сам узнаешь, -- ответил он и пошел дальше.

Я еще больше задумался над его словами, теперь я был уверен, что патроны с оружейки надо прибарахлить, пока не поздно. Одного я понять не мог, зачем кому-то пистолетные патроны? Если духам за "бабки" сплавить, то духи в основном брали патроны калибра 7,62 для АКМ, гранаты брали и многое другое из боеприпасов, но чтобы пистолетные патроны брать, меня лично это удивляло. Так ничего и не придумав, я отправился в оружейку. Хасан сидел на ящике из-под гранат и крутил между пальцев косяк:

-- Ну что, побазарил с Серегой? -- спросил он.

-- Да так, сказал ему насчет того раза под мостом, когда эти мудаки нас обхерачили из КПВТ.

-- Ну, а он че?

-- Да ниче, говорит, что это Пипок запарился.

-- Да они там все запаренные были, вместе со своим летехой, -- произнес Хасан, и приготовился "взорвать" косяк.

-- Подожди Хасан, не "взрывай"! Блин, чуть не забыл. Ты слышал, что-нибудь про пистолетные патроны?

-- Нет. А что такое?

Я направился к шкафам с оружием:

-- Серега интересовался, есть ли у нас пистолетные патроны, а ты ведь знаешь, Серега ничего зря не спрашивает, а я где-то видел у нас пару цинков.

Проверяя по очереди шкафы, я нашел эти цинки, и вытащил их. Потом обратился к Хасану:

-- Ну, и куда мы их денем? Пока еще не поздно, их надо затарить.

-- Сапо-о-ог! А ну бегом сюда, -- заорал Хасан.

Сапог -- это один "тормоз" из нашего взвода, он прослужил год, и единственное, на что был способен, так это на выполнение определенных команд, наподобие: пойди, принеси то-то или отнеси что-то, в общем, обычные припахивания, через которые прошли почти все по молодухе, только Сапог в этом качестве задержался. Со временем он опускался все больше и больше, его все гоняли, кому не лень, даже те, кто призвался позже его. Он

перестал за собой следить и стал превращаться в немытого и грязного чмыря. И в один прекрасный момент Хасан взялся за его воспитание, и хотя Сапог туго поддавался дрессировке, но сдвиги все же были. Опуститься ведь намного легче, чем подняться, и я лично не встречал еще таких, кто бы поднялся из чмыря в человека.

А мне ведь пришлось много таких повидать, еще по гражданке, сначала в детдоме города Алма-Аты, потом в спецшколе и, наконец, в детской колонии, куда меня угораздило залететь перед самой армией. А залетел за то, что сначала соблазнил дочь-малолетку директора спецшколы, а потом "бомбанул его хату". Просидел я в колонии год, по выходу меня сразу забрали в армию, и отправили в Афган, конечно не без участия того же директора спецшколы, как говорится, с глаз подальше.

За безопасность данного Сапогу задания можно было не волноваться, мне иногда казалось, что Хасана Сапог боялся больше всего на свете, потому как все его указания он выполнял быстро и с удивительной сообразительностью. Хотя мне ни разу не приходилось видеть, чтобы Хасан Сапога хоть раз пальцем тронул, даже наоборот, Хасан иногда заступался за него.

Спальная палатка была напротив оружейки, и не прошло и пяти секунд, как в дверях появился Сапог, будто джин из бутылки, готовый выполнить любое наше желание.

-- Слушай Сапог, вот два цинка, хватаешь их и относишь в наш БТР. Понял да? -- Хасан в упор посмотрел на Сапога.

Сапог сделал понятливое лицо, и усердно закивал, как китайский болванчик.

-- Только затарь их в рюкзак или замотай во что-нибудь, и чтоб никто не видел, а то я тебя жопой на пулемет натяну.

Сапог подскочил к цинкам, скинул куртку и, замотав туда оба цинка, мгновенно сгинул.

Только мы собрались спокойно раскумариться, как дверь оружейки открылась, и появился наш старшина роты, старший прапорщик Евфстафиади, мы за глаза называли его попросту, Грек.

С Греком у нас были более чем нормальные отношения, мы с Хасаном, когда- то его очень выручили.

Немного отвлекусь и опишу этот случай.

Произошло это год назад, мы были тогда еще годками, а Грек только прилетел с Союза на замену нашему старшине роты. Прошло дня три, с тех пор как Грек принял должность и стал нашим новым старшиной.

И вот как-то раз, мы с Хасаном зашли в каптерку за чем-то,

мы часто бывали в каптерке, там хранились наши личные вещи. В каптерке мы увидели Грека, он сидел за столом, обхватив голову руками, и докуривал очередную папиросу, а на столе стояла пепельница с горой окурков от беломора, банка тушенки, сухари и бутылка, а по запаху, который доносился из кружки, это явно была кишмишовка. Увидев эту картину, Хасан спросил старшину:

-- Что-нибудь случилось, товарищ прапорщик?

Грек поднял голову и посмотрел на нас, а потом заорал:

-- А вам чего здесь надо!? Берите то, за чем пришли, и валите отсюда к ибени матери.

Мы с Хасаном переглянулись, поначалу старшина показался нам нормальным мужиком, веселый такой, общительный и по характеру вроде не "козел", и вдруг, на тебе. Мы прошли молча в каптерку, взяли то, за чем пришли, и собрались уходить. Вдруг старшина окликнул нас:

-- Ребята, подождите. Вы не обижайтесь на меня, так вырвалось с психу. Идите сюда, садитесь.

Мы прошли к столу и сели.

-- Знаете, наверно, что это такое? -- он показал на бутылку.

-- Да, знаем, это кишмишовка, -- ответил я.

-- На аэродроме обменял, отдал пять пачек беломора, -- сказал спокойно старшина, и спросил:

-- Вам налить?

-- Нет-нет, мы не будем, -- замахал руками Хасан.

Хотя от грамм пятидесяти мы бы не отказались, вчера были проводы дембелей, мы нахапались бражки лишку, и сегодня меня немного поташнивало.

-- Да ладно не стесняйтесь, чуть-чуть можно, я разрешаю, а то одному как-то не в жилу, хотя причина есть на этот случай.

Он плеснул в кружку грамм, наверно, сто, и протянул мне.

-- Нет, товарищ прапорщик, лучше в следующий раз, -- начал отпираться я.

-- На, держи! Мы в таком месте, где следующего раза может и не быть, -настоял старшина.

Я взял кружку и подумал, да хрен с ним, чего тут такого, и выпил, закусив это пойло тушенкой.

-- Ну вот, а то "в следующий раз, в следующий раз", я ведь тоже был когда-то таким же бойцом, как и вы, и даже пришлось разгонять бунт в Чехословакии, а теперь вот Афган, будь оно все проклято.

Грек налил еще и протянул Хасану, тот молча взял и выпил.

-- У меня тут проблема, в общем, и не знаю что делать, -- немного помолчав произнес старшина и продолжил:

-- Старшина ваш бывший, меня крупно "кинул", короче

говоря.

Мы вопросительно посмотрели на Грека, а он продолжал:

-- Когда принимал дела, все было на месте, как и положено, я проверил все вещи по описи и накладным и сам лично убедился в их наличии. Потом мы немного обмыли мое вступление в должность и отъезд старого старшины, улететь в Союз он должен был утром. Вечером он ко мне подошел и попросил ключ от каптерки, сказал, что у него там вещи, надо приготовиться к отлету, и все такое. Я без задней мысли отдал ему ключ, а сам спать завалился в офицерской палатке. Утром он вернул мне ключ, мы попрощались, и он укатил в Шиндант, а оттуда в Союз. А вчера вечером я решил разложить шмотье, чтобы знать, что где лежит. И оказалось, что не хватает 30 комплектов летнего ХБ, десять комлектов зимнего ХБ, десять шапок и семь ящиков сухпайка. Я все перерыл, но чего толку искать то, чего нет. А в полку я пока никого не знаю, да и кому теперь доверять после такого. Вот такие-то дела, мужики, -- сказал он обреченно, и спросил:

-- Может, вы подскажете, что теперь делать?

Мы с Хасаном сидели и молчали, лично я не знал, как помочь старшине. Молчание нарушил Хасан:

-- Я вчера слышал, как дембеля говорили про это.

Мы со старшиной посмотрели на Хасана, а он продолжал:

-- Они помогали бывшему старшине провернуть это дело. Все эти шмотки давно в дукане. Ты ведь, Юра, знаешь бывшего старшину? -- Хасан посмотрел на меня и продолжил:

-- Он барыга крученый, и вещи эти он еще за месяц до замены в дукан сбагрил. А те, что вы видели, товарищ прапорщик, он взял на время у старшины РМО, они с ним кореша были. А потом в последнюю ночь он выманил у вас ключ и с дембелями, которые сегодня укатили домой, они перенесли все вещи обратно в каптерку РМО. А дембелям за эту услугу бывший старшина обещал перевезти через таможню дукановские вещи. Каптерщика у вас, товарищ прапорщик, тоже нет, старый укатил на дембель.

Было видно, что греку от этого рассказа не легче, он налил себе, вмазал, и со злостью сказал:

-- Да я сам дурак, не хрен было доверять этому козлу. А к РМО теперь какие претензии предъявлять? Этот прапор пошлет меня на х...й и будет прав. А каптерщика себе я попозже найду. Может из вас кто-нибудь хочет каптерщиком? Я поговорю с командиром роты, и все будет нормально.

-- Нет, товарищ прапорщик, я замкомвзвода, -- ответил Хасан.

Старшина посмотрел на меня.

-- А я командир отделения, -- ответил я.

-- Командиры значит? Ну, давайте тогда выпьем за это.

Старшина нам налил еще по пятьдесят грамм, мы выпили и стали чувствовать себя легко и непринужденно. Я обратился к Хасану:

-- В каптерке РМО каптерщик, по-моему, чижара, и он там, вроде как, ночует. Так да? -- я посмотрел на Хасана.

-- Да, чиж, хохол из Львова, -- ответил Хасан.

У меня под хмелем созрела в голове одна идея, и я предложил вот что:

-- Можно поговорить с нашими чижами из Украины, надо чтоб они этого хохла каптерщика как-нибудь после отбоя из каптерки вытянули. Нальем нашим чижам браги пару фляжек, и пусть они его как земляка к себе подтянут, а мы этим временем бомбанем РМОшную каптерку, она же вот, рядом, напротив нашей. Хасан почесал макушку и сказал:

-- Ну что ж, давай попробуем, только браги надо найти литра три.

Старшина, немного оживившись, сказал:

-- Мужики, если провернете это дело, я, ну не знаю, в общем, можете на меня всегда рассчитывать и все такое, помогу, короче, чем смогу.

Мы посидели еще немного, покурили, поболтали и пошли готовиться к воплощению идеи. Я пошел побазарить с чижами, в роте было три чижа с Украины, двое из Николаева и один из Одессы (один парнишка -- тот, что из Николаева, звали его Слава, позже погибнет в первом своем, и как окажется последнем рейде, его застрелит духовский снайпер: Слава ночью был наблюдающим, закурил сигарету в открытую, а снайпер выстрелил на огонек, и попал ему в голову).

Чижи эти были парни с понятием, так что договорился я с ними без особых проблем, и они обещали все сделать как надо. А Хасан пошел к землякам в танковый батальон занять литра три браги. Вечером после отбоя мы отдали чижам два литра, а литр вмазали сами для храбрости.

Чижи почти сразу вытянули этого каптерщика и уговорили пойти в нашу оружейку.

Мы немного подождали, и когда хорошо стемнело, пошли к каптерке РМО. Действовать надо было осторожно, так как по полку все время кто-то шарахался, а рядом с каптеркой РМО находилась офицерская палатка саперной роты. Замок курочить мы не стали, это было слишком опасно, а прорезали крышу в палатке, так как стены были обиты досками. Я взял фонарик и залез вовнутрь, а Хасан остался снаружи. Долго шариться не пришлось, все было разложено по полкам, мы вытащили оттуда и

шмотья и сухпая раза в два больше, чем было надо. А РМО беднее не стало, на то она и рота материального обеспечения.

Грек был доволен страшно, и обещал нам всегда и во всем помогать, и все, что нужно, мы могли из каптерки брать, когда захотим.

А позже оказалось, что Грек в неплохих отношениях с командиром полка, они вместе с полкачем частенько водку пили.

По рассказу ротного, когда-то давно, лет 15 назад, Грек был начальником склада ГСМ, и к нему обратился один молодой лейтенант, который "пролетел" с горючим. Подробностей я не знаю, но висело, на этом летехе большое количество топлива, и Грек его выручил, а точнее, списал ему это топливо. А недавно оказалось, что этот летеха -- уже полковник, и сидит в штабе Туркестанского военного округа и, ни много, ни мало, возглавляет политотдел. Этот полковник не забыл услугу, которую ему оказал когда-то Грек. И узнав, что Грек в Афгане, этот полковник связался с ним и обещал после замены назначить его командиром хозвзвода в округе, а это одно из "теплых" мест в армии. И командиру полка этот полковник слово за Грека замолвил, и Грек с полкачем после этого стали хорошими приятелями, а мы с Хасаном пользовались поддержкой Грека, который не раз вытаскивал нас из разных переделок. Вот такие отношения были у нас со старшиной...

Старшина, после того как зашел в оружейку, сразу направился к шкафам, потом обернулся и увидел нас.

-- А вы что здесь сидите?

-- Готовимся, после обеда в рейд выезжаем, -- ответил Хасан.

-- Я тоже еду, командира уболтал. А то в полку сидеть постоянно уже надоело.

-- Давайте в наш экипаж, товарищ прапорщик, -- предложил я.

-- Да я бы не против, но на 470-й машине нет командира, я с ними еду.

-- Ну, дело хозяйское, -- сказал Хасан.

-- Слушайте, мужики, а пистолетные патроны никто из вас не видел? -спросил старшина.

Мы с Хасаном переглянулись.

-- Нет, не видели, тут валялся цинк, но его уже давно кто-то утащил, -ответил Хасан и спросил: -- А вам зачем эти патроны, товарищ прапорщик?

-- Да так, надо, в общем. Ну, раз нету, так нету, -- сказал старшина и вышел из оружейки.

-- Так, понятно. Значит все-таки эти патроны мы не зря прибрали, -сказал я, глядя на Хасана.

-- Да мне плевать на эти патроны. Мы косяк сегодня выкурим

или нет? -начал возмущаться Хасан.

-- Пошли в палатку, там сядем в нашем проходе и накуримся, заодно и мафон послушаем, я кассету сегодня в разведроте взял, сам еще не слушал, -предложил я.

-- Давай, давай, Юра, пошли -- в палатку, на палатку, только пошли, а то здесь нам не дадут посидеть, сейчас взводный придет патроны искать, потом ротный и так далее.

Мы вышли с оружейки и направились в палатку. Вдруг перед нами нарисовался Пипок со своей вечной улыбкой.

Хасан подошел к Пипку, посмотрел ему в лицо и сказал:

-- Пипо-о-о-к, нету у нас пистолетных патронов, не-е-ту. Понимаешь?

-- Какие еще патроны? Мне Серега сказал, что чарс вам дал хороший, с героином.

Хасан достал кусок чарса и, повернувшись к солнцу, посмотрел на него, крутя туда сюда (так проверяют лепешки с гашишем, если есть отблески на солнце, значит, гашиш в вперемешку с героином).

-- Да, точно с героином, ну, сейчас накуримся ништяк, -- сказал Хасан с довольным видом.

Я помахал Пипку рукой и сказал:

-- Ну, давай, Пипок, пошли с нами в палатку, только давай шевели ногами, а то сейчас толпа соберется.

Пипок постучал меня по плечу:

-- Юра, тебя искал, этот, ну, на прапора который отучился, эстонец, сейчас он в саперной роте.

-- А, Индрек. А что он хотел?

-- Афошки ищет вроде, точно не знаю.

-- Ну, кто ищет -- тот всегда найдет. Давай, давай, Пипок, пошли быстрей, там поболтаем.

Мы вошли в палатку и направились к своим кроватям. Кровати в палатке были двухъярусные, моя кровать была нижняя в углу, Хасана рядом. Я упал на свою кровать, а Хасан на свою, Пипок сел рядом с Хасаном.

-- Ну что, музон врубим, послушаем, чего там пацаны поют, -- предложил я и достал с тумбочки кассету.

На тумбочке стояла однокассетная магнитола "SHARP-666", эта магнитола досталась мне как трофей. Полгода назад мы разбомбили духовский караван, в одной барбухайке я наткнулся на эту магнитолу и прихватил ее, больше в этом караване, кроме оружия, ничего ценного не было.

В другом конце палатки раздавались голоса, судя по всему, там как всегда Носорог дрочил чижей.

Носорог -- это хохол из Львова, здоровый такой детина, на

конце носа у него была бородавка и к тому же он немного сутулился и со стороны был похож на носорога, беспредельным был этот жлоб, до ужаса, и чижам проходу не давал, он отслужил год, а считал себя чуть ли не дембелем. Я раз как-то сказал ему: "плохо ты кончишь, Носорог, вот помяни мои слова", а ему плевать.

Носорог орал на всю палатку:

-- Дэ хавка? Я же казав, шоб йсты принэслы, казав, чи не?

-- Нам старшина не разрешил, -- раздался чуть слышно "прибитый" голос.

-- А мэнэ ебэ, цэ ващи проблэмы.

Раздалось несколько ударов. Потом опять крик:

-- Вас шо, ебаты трэба бильше, чи шо?

Мне это изрядно уже надоело, и я крикнул:

-- Носорог, а ну пошел на хер отсюда!

-- Шо тоби, Юра? -- замычал Носорог.

-- Это чего тебе от чижей надо? -- спросил я.

-- Воны мини хавкы на завтрик ни принэслы.

-- Че-е-го, чего? Ты че это, урод, припух ваще, я дембель, и то ходил на завтрак. А ну подойди сюда!

Носорог медлено подошел к моей кровати:

-- Юра, тикы ны бый.

Я встал и с размаху заехал ему кулаком в лобешник. Он вылетел из прохода.

-- Да ты не переживай Носорог, в твоей башке все равно нет мозгов, так что сотрясения не будет. А теперь вали отсюда, пока я тебе зубы не выбил, и если при мне чижей дрочить будешь, я тебя самого чижом сделаю.

Носорог смотрел на меня и лупал глазами.

-- Ну чего ты на меня вылупился, или тебе еще раз по балде стукнуть?

-- Не, не, я ужи тикаю, -- брякнул Носорог и пулей вылетел из палатки.

-- Юрка, а ну садись-да, накуримся давай наверно-а, -- с полублатным акцентом процедил Хасан.

-- Подожди Хасан, я вот Пипка спрошу кое о чем, Пипок ведь наш чувак. Да же, Пипок?

-- Ну спрашивай, какой базар, -- спокойно ответил Пипок.

-- Слушай Пипок, чего там за ерунда с пистолетными патронами, не слыхал? -- спросил я.

-- Их духи берут по пятнадцать тысяч афошек за цинк, -- ответил Пипок.

У нас с Хасаном глаза полезли на лоб, пятнадцать тысяч афганей -- это шестьсот рублей чеками, мы поначалу просто не

поверили.

-- Слушай, Пипок, да тебе чарс курить нельзя, ты и так уже "гонишь", -сказал Хасан.

-- Ну, не верите, не надо, -- сказал Пипок, и добавил, -- позавчера мы в кишлаке продали духам три пачки по сто пятьдесят афошек за пачку, а в цинке сто пачек, вот и считайте.

-- Ну ладно Пипок, поживем-увидим, -- сказал я.

-- Живите, смотрите, дело ваше, -- сказал Пипок, и воскликнул:

-- Ну что, может, косяк взорвем, или будем сидеть и удивляться?!

Хасан "взорвал" косяк и два раза затянувшись, передал Пипку, тот, сделав пару затяжек, протянул косяк мне, я глубоко затянулся, чарс был крепкий и я начал кашлять, вторую затяжку уже сделал поменьше. После второго круга появился сушняк и меня начало потихоньку "накрывать", чарс действительно был хороший. Я с трудом приподнялся, вставил кассету в магнитолу и включил, на кассете пацаны пели песню под гитару, и песня эта была как раз в тему.

В Союзе была одна популярная песня с такими словами:

Все напоминает о тебе, А ты ни здесь. Остался день, который вместе видел нас, В последний раз... и т. д.

Эту песню слышали многие, а в Афгане слова этой песни переделали, и зазвучала она примерно так:

Те, кто попал в Афганистан, Ты знаешь сам, Тебе поможет в трудный час Афганский чарс, Афганский план.

Мы начали потихоньку раскумариваться, и вдруг на горизонте появился Сапог.

-- О-о, Сапог-жан, иди ко мне, -- окликнул его Хасан и, вытащив чеки из кармана, протянул их Сапогу.

-- Вот чеки, слетай в магазин и возьми четыре банки "Si-Si"и четыре пакета конфет, только резче, понял.

Сапог взял чеки и побежал в магазин, а мы продолжили добивать "косяк".

После третьего круга я почувствовал, что приплыл капитально, "крыша" не только ехала, а ходуном ходила, язык во рту еле ворочался. А напротив сидел Пипок и цвел как подсолнух, я не мог равнодушно смотреть на его цветущую физиономию, а он, как назло, уставился на меня в упор и залился смехом, забыв про косяк который дымился у него в руке.

-- Пипок, я тебе паранджу привезу с рейда, напялишь ее, когда план с нами курить будешь, а то я не можу спокойно смотреть на твой цветущий лепень.

А Пипку по фигу, уставился на меня и давай дальше "ха-ха"

ловить.

-- Пипок, передавай косяк дальше, придурок, -- подал голос Хасан.

Вдруг в проходе между кроватями послышалось шевеление, и мы все повернули головы, там стояли два сарбоса и смотрели на нас с довольной улыбкой. Я поначалу обалдел, откуда, черт возьми, сарбосы у нас в палатке, неужели "галюники" начались?

Пипок протянул руку, в которой дымил косяк и ляпнул:

-- О, духи! Смарите, вон духи.

Потом меж сарбосовских голов появилась голова нашего замполита полка майора Кудряшова, мы смотрели на них, а они на нас. Мне показалось, что время остановилось, (кто накуривался, тот знает, что время по раскумарке идет очень очень медленно).

Мы все понимали, что надо выключить музыку, потом встать, поприветствовать замполита, и наконец Пипку надо хотя бы затушить "косяк", кумар от которого стоял на всю палатку.

Ни встать, ни выключить музыку мы были не в состоянии, потому что нас прибило наглухо, я попытался выключить мафон, даже руку протянул, но так и застыл с рукой на тумбочке. А Пипок, судя по всему, просто "замкнул" и застыл в своей вечной улыбке, как портрет Джаконды, а между его пальцев торчал косяк, дым от которого тонкой струйкой подымался к потолку.

Из динамиков лился припев той самой песни, где отчетливо были слышны слова:

Вот пошел косяк по кругу, по второму. И легче нам, и легче нам. Что может заглушить тоску по дому? Афганский чарс, афганский план.

-- Пипок, сука, убери косяк, -- прошипел сквозь зубы Хасан.

Вдруг раздался голос Сапога:

-- Товарищ майор, разрешите пройти?

Замполит сделал шаг в сторону, сарбосы тоже расступились. Сапог бесцеремонно прошествовал между ними и кроватями, положил лимонад и конфеты на тумбочку и посмотрел на Хасана.

-- Забери банку "Si-Si" и пакет с конфетами себе, и свободен, -- еле выдавил Хасан.

Сапог взял банку "Si- Si", пакет конфет и спокойно вышел, не обращая внимания ни на сарбосов, ни на замполита, который обалдел, сначала увидев нас обдолбленных, а потом наглого Сапога. Когда мы "включились", замполит и сарбосы уже были в другом конце палатки. Мы даже не заметили когда они ушли.

Замполит, что-то громко говорил сарбосам, навроде: вот у нас красный уголок, вот боевой листок и т.д. Оказывается, это была делегация от сарбосовской армии, и замполит им

показывал, как живут советские военные, их быт и все такое, экскурсия, короче.

Временно нас пронесло, замполит прекрасно все понял, а сарбосы тем более, но сарбосам было по фигу, а что касается замполита, то что он мог в данный момент сделать? Орать на нас было бесполезно, и поэтому он молча ушел. Но, как бы там ни было, в будущем стоило ожидать разборок с замполитом.

Через некоторое время, может через час, может через два, появился ротный, старший лейтенант Савин, родом он был из Краснодара, в Афган попал после военного училища, прослужил два года и ждал замены.

Он подошел к нам и скомандовал:

-- Хорош балдеть, давайте готовьтесь, через два часа выезжаем. Гараев, скажи водилам, пусть готовят машины.

Потом ротный обратился ко мне:

-- А ты, Бережной, возьми бойцов и дуй на склад РАВ, получите боеприпасы и ждите там, пока не подъедут машины, -- и, увидев Пипка, обратился к нему:

-- Пипонин, а ты чего сидишь здесь и улыбаешься во всю харю? Давай вали к себе в подразделение, ваши выезжают через час.

-- Чижи поедут? -- спросил я ротного.

-- Да, троих возьмем, а то не все экипажи укомплектованы, пятерых ведь желтуха свалила.

-- Товарищ старший лейтенант, разрешите взять Сапогова? -- спросил Хасан.

-- Кого, Сапогова!? Духов будете им пугать что ли? -- ротный аж обалдел.

-- Под мою ответственность, товарищ старший лейтенант, мы возьмем его к себе в экипаж, у нас как раз снайпера нету, -- продолжал уговаривать Хасан.

-- Ну ладно, черт с ним, берите. Но только, Гараев, смотри, сам с ним нянчиться будешь, -- сказал ротный и, ухмыльнувшись, добавил: -- Снайпер, смотрите, а то он всех духов перестреляет, воевать не с кем будет.

Я с удивлением посмотрел на Хасана:

-- Ты это че, Хасан?

-- А что, пусть съездит разок, пока я здесь, а то ведь прослужит два года и духов не разу не увидит.

-- Да Сапог тебя за это в жопу расцелует, он уже и не надеялся никогда в рейд вырваться, -- сказал Пипок.

-- Ну иди, Хасан, обрадуй Сапога, заставь его отмыться, побриться, и пусть мой танковый комбез оденет, так уж и быть пожертвую ради такого дела, а то действительно всех духов

распугает, комбез лежит под моей кроватью, -сказал я Хасану.

Ну что поделать, надо готовиться к рейду. Пипок перед уходом подошел ко мне и спросил:

-- Юра, ты магнитофон с собой на дембель увезешь?

-- Нет, я себе двухкассетник в Союзе возьму, а этот оставлю пацанам, -ответил я.

-- Слушай, Юрка. Оставь его мне, а? Ну что тебе надо за него, скажи?

-- Десять литров браги сделай и можешь забирать эту "шарманку".

-- Все понял, брага будет, только после рейда, а то сейчас нигде нету.

-- Ну хорошо, давай после рейда, мне все равно.

И Пипок ушел с довольным видом, а я стал собираться на склад РАВ, который находился за полком, и идти туда надо было минут пятнадцать.

Выйдя из палатки, я увидел Носорога, который стоял под "грибком" и парил мозги чижу-дневальному.

Ну, неисправимый дурак, этот Носорог, подумал я, его хоть убей, а он все равно за свое.

-- Носорог, отстань от дневального и иди сюда.

Носорог подбежал и сделал бравый вид:

-- Слухаю.

-- Так вот, слухай и запоминай, а если с одного раза не запомнишь, повторять буду через вот это, -- я показал Носорогу кулак, и спросил:Понял?

-- Поняв, поняв, ты тикы кажи, а я усэ сдилаю, як надо.

-- Так вот слушай, берешь троих или четверых чижей, и дуете на склад РАВ. Возьмешь свой и мой автоматы, мы там машины будем ждать. С нами в рейд поедут два чижа, Закиров и Мосейко, их не бери на склад, они пусть хватают АГС и дуют на БТР. Подойдете на складе к капитану и скажите, что мы, мол, с третей роты и пришли получить боеприпасы. Ты слушаешь меня, балбес?

-- Да, да, слухаю.

-- А теперь запоминай, что надо получить, с нашей роты поедут в рейд пять машин, на каждую получите по десять цинков патронов 5,45 на автомат, столько же на КПВТ, 7,62 калибр на пулемет ПКТ и для снайперки. И еще, чтоб был один или два цинка трассеров на каждую единицу, кроме того, на КПВТ половина бронебойные, половина разрывные. Понял, Носорог?

-- Усэ ясно, -- ответил с умным видом Носорог.

-- Еще не все, слушай дальше, на подствольник возьмете гранат цинков десять, на АГС столько же, гранат наберете на ручной гранатомет штук по двадцать на каждую машину и просто

гранат ручных ящика по четыре на каждую машину. РГДшек берите по одному яшику и по три ящика эФок, РГДшками будем рыбу глушить, а эФки для боя, сигнальные ракеты не надо брать, их в БТРах полно. Ну, ты все запомнил или повторить?

-- Не, не, я усэ помню.

-- Ну тогда вали, а я позже подойду, если машины раньше меня подойдут, скажешь Хасану, пусть ждут меня на складе.

Носорог пошел выполнять приказ, а я побрел к саперам проверить, чего там хотел Индрек, и заодно узнать, кто там вчера подорвался на мине, а то пацаны с нашей роты чего-то там говорили, но толком никто ничего не знал.

У саперов в палатке стоял полумрак, свет струился из двух полуоткрытых окон, остальные были закрыты. Из угла доносилась игра на гитаре, и пение, я пошел на звук и увидел дембелей, судя по всему, они что-то пили, увидев, что кто-то идет, они сначала притихли, но потом, узнав, крикнули:

-- О, пехота к нам пожаловала, ну проходи, гостем будешь.

-- Да мне некогда, скоро выезжаем, я Индрека ищу. Где он, не знаете?

-- Только что был в офицерской половине палатки, он же теперь с шакалами кентуется, -- ответили мне.

-- Я слышал, у вас вчера подорвался кто-то? -- спросил я.

-- Да, Эдик с Дагестана, да ты, Юра, его знаешь, он у вас в роте часто бывал. Вот поминаем, на выпей браги, извини, спирта не достали.

-- Да ладно, какой там спирт, наливай что есть.

Мне протянули кружку с брагой, я выпил и спросил:

-- Сильно его потрепало?

-- Да какой там потрепало, его фугасом разорвало на куски, мы еле собрали тело в кучу, голову и одну ногу так и не нашли.

-- Что, мина с каким-то приколом была?

-- Откуда знать, мины нет -- взорвалась, Эдика тоже нет.

-- Э-э-э, пидор! Ты куда сел? -- заорал кто-то из дембелей. Я обернулся и увидел чижа, который соскочил с кровати как ошпаренный, а когда присмотрелся, то понял. Оказывается чиж по запарке сел на Эдика кровать, которая была поверх одеяла заправлена наискось красной лентой.

-- Смотри под жопу урод, и ваще, уйди с глаз моих, пока я гитару на твоей тупой башке не разбил!

Чиж, недолго думая, мгновенно исчез из поля зрения, потому как на пьяных дембелей нарваться, это хуже чем на мину.

-- Бля буду, ну что за чижы тупые пошли, я обадеваю просто, -- начал кто-то возмущаться.

Мне некогда было расслабляться, и я встал с кровати, махнув

мужикам рукой, сказал:

-- Ну ладно, мужики, я пошел, а то некогда.

-- А куда едете-то?

-- Да я не знаю, может, на Кандагарский рынок махнем, давно уже мы там пи...дюлей не получали.

-- Ну давай, ни пуха вам, пехота.

-- К черту, -- ответил я и направился к выходу.

Я вышел на улицу, перед глазами стояло лицо Эдика, я его хорошо знал, спокойный такой парнишка. Он частенько заходил к нам в палатку, бывший наш взводный, который месяц назад заменился, был его земляком. Вроде недавно сидел он у нас в палатке и смеялся над тем, как Носорог "наезжает" на чижей, и вдруг нет его, разорвался на мине, и голову разнесло так, что и найти не могли, чертовщина какая-то. За два года не раз приходилось сталкиваться с подобными случаями, но привыкнуть к ним никак не могу, да разве к этому привыкнешь.

Вдруг в памяти всплыл сон, который мне приснился месяц назад, я проснулся тогда от какого-то кошмара, и сразу стало на душе как-то муторно, но содержания сна я не помнил, что-то хреновое, а что именно -- так и не смог вспомнить. А сейчас вспомнил, оказывается, мне приснился Эдик, стоит передо мной на одной ноге и без головы, а его голос откуда-то сверху спрашивает:

-- Юра, где моя голова, как я теперь домой поеду без головы? Мама ведь меня не узнает.

И тут я проснулся от этого кошмара.

Помню еще по гражданке, бывало, попаду куда-нибудь первый раз, знаю точно, что здесь никогда не был, а такое ощущение, будто б я все это где-то уже видел. Или какой-нибудь момент произойдет в жизни, и вдруг в памяти промелькнет -- где-то что- то подобное со мной уже происходило, и в тоже время осознаешь, что не может этого быть, со мной это в первый раз, а оказывается, все это было во сне, такие сны называют вещими. Мне в Афгане часто стали сниться такие сны, и я уже начал боятся их, некоторые не сбывались, но многие моменты из снов через время происходили на самом деле, иногда я даже боялся засыпать. Хотя действительность была куда страшнее, но в снах чувства обостряются, и после этих снов остается неприятный осадок на душе и ожидание чего-то плохого.

В последнее время мне часто снится один и тот же сон, я вижу девушку мусульманку, молодую, с красивым телом и длинными черными волосами, но у нее как будто бы нет лица. Я во сне пытаюсь подойти к ней, но она отдаляется, я пытаюсь разглядеть ее лицо, но оно расплывчато, а ее звонкий смех

разносится эхом в горах. Я чувствую, что эта девушка приближается к пропасти и не замечает этого, я пытаюсь ей что-то крикнуть, но голоса своего не слышу, я бегу к ней, чтобы удержать ее от падения, но она вдруг исчезает, а я падаю в эту пропасть и просыпаюсь. Этот сон я помню отчетливо, но вот не могу понять, к чему он.

Обойдя палатку саперной роты, я подошел к ней с другой стороны, постучал в дверь, потом приоткрыл ее и спросил:

-- Можно?

-- Кто там? А-а, Юра! Привет, да ты проходи, проходи, я здесь один.

Я прошел в палатку, на кровати сидел Индрек и что-то шил.

-- Привет, ну как отучился? -- спросил я его.

-- Да лучше не спрашивай, дрочили как сук, все шесть месяцев напролет.

-- Зато теперь ты прапор, командир как никак.

-- Это точно, жаль, в своей роте не оставили.

-- А что так? Я думал, будешь у нас взводным, а то наш взводный мудак какой-то, ходит деловой такой, еще ни в одном рейде не был, а гонорится, будто б сто лет служит в Афгане, даже советы какие-то нам дает, салабон херов.

-- Да я тоже думал, у себя в роте буду служить, а оказалось, что у саперов нет техника, ну меня командир и направил сюда, да мне какая разница.

-- Да конечно, какая разница -- на мине подорваться или пулю из дувала получить.

-- Сплюнь, дурак.

-- Да чего плевать, если на роду написано, никуда от этого не денешься.

-- Может быть, может быть.

-- Ты, Индрек, чего хотел-то?

-- Афошки есть?

-- Да есть, а сколько надо?

-- А сколько есть?

-- Ну, тысяч пять наберу.

-- Один к тридцати отдашь?

-- Слушай Индрек, ты ведь курс не хуже меня знаешь, и давай не будем торговаться, берешь -- бери, не берешь -- не надо. Мне лично не к спеху, это тебе надо, а не мне. Ты как с шакалами связался, так сразу стал на них похож. Знаешь ведь, как эти "бабки" достаются?

-- Ну ладно, Юра, завязывай, а то разошелся. Беру, беру один к двадцати пяти, -- Индрек полез в карман и достал чеки, вытащил две бумажки и протянул мне.

-- Индрек, мне крупные не надо, давай червонцами, мне через таможню их тащить придется, а стольники звенят, ты же сам знаешь.

-- Ну, на стольник я мелочи дам, а остальное сам разменяешь.

-- Ну ладно, давай хоть на стольник, -- я вернул ему сотенную бумажку.

Индрек опять достал чеки и, отсчитав сотню червонцами, протянул их мне. Я достал афошки и отдал ему:

-- Можешь не считать, там пять ровно.

-- Я верю, а насчет того, что я там с шакалами скорешился, ты, Юра, давай кончай такой базар вести, мы ведь с тобой два года друг друга знаем. Разве я когда-нибудь подляны кому делал?

-- Ты, Индрек, когда из Союза приехал? Месяц, наверно, или больше? А хоть раз ты зашел в свою роту? Только не надо говорить, что у тебя дела были и все такое. Пацаны, вон, Эдика поминают, ты хоть бы подошел к ним, посидел, а ты затарился в офицерскую половину и сидишь сам на сам.

-- Ну ладно, Юра, давай не будем сориться.

-- Да я не собираюсь с тобой сориться, зачем мне это надо. Просто заходи хоть иногда, мы ведь одного призыва, мне скоро на дембель, это тебе еще два года здесь тарахтеть. План, наверно, тоже не куришь с такими как я, да?

-- Если есть давай забьем, без проблем.

-- У Хасана остался, а то бы я с тобой курнул. С шакалами не накуриваешься?

-- Почему же, бывает и такое, все мы люди, все мы человеки. А молодые лейтенанты -- они ведь такие же пацаны, как и мы, только старше на три-четыре года.

-- Да я знаю, чего ты мне объясняешь.

-- Ну а чего тогда спрашиваешь?

-- Индрек, а чего тебе афошки-то приспичили?

-- В дукан хочу смотаться, закупиться немного надо. Я ведь зеленый листок повезу в Союз, может домой смогу заскочить.

-- Эдика гроб ты поедешь отвозить, да?

-- Да, я и еще один парнишка, его земляк с нашей роты.

-- Смотри, чтоб тебя там в Дагестанском ауле не замочили.

-- С чего это вдруг?

-- Помнишь, год назад я и взводный отвозили чижа узбека, который сам подорвался на гранате, он еще хотел гранату из подсумка достать, за кольцо потянул, кольцо вытащил, а граната в подсумке осталась?

-- А, ну да, припоминаю.

-- Он с аула был под Самаркандом. Так вот, когда родня его узнала, что гроб из Афгана пришел, там вой такой поднялся на

весь аул. Меня-то не тронули. Я что? Я такой же солдат. А взводного чуть не затоптали, они с военкомом еле отбились от баб.

-- Да ну, Юра, кончай такое базарить. Напугать меня хочешь наверно?

-- А что пугать, я говорю то, что было.

-- Во-первых, Эдик не с аула, а с Махачкалы, а во-вторых, Дагестан не Узбекистан.

-- Да что ты так запереживал, Индрек, я просто рассказал случай, который произошел со мной, только и всего, а ты сразу начал.

-- Да я не переживаю, просто неприятное это дело, груз 200 сопровождать.

-- Ну конечно. Чего ж тут приятного? Одно успокаивает, что там не ты лежишь, и то ладно.

-- Это точно.

-- Ну ладно, Индрек, я пойду на склад, а то наши выезжают скоро, надо проверить, чего там мои болваны получили из боеприпасов. Ты что куришь-то, блатные есть какие-нибудь?

-- "Ростов" будешь?

-- "Ростов" у меня тоже есть, я думал ты "Морэ" или "Кэмэл" куришь.

-- Да какой "Кэмэл"? Я еще первую зарплату не получил, сегодня надо сходить.

-- Обмывать будешь?

-- Елки-палки, у меня вся получка только на обмывку уйдет, всем надо обмыть.

-- Индрек, мне все не нужны, ты главное обмой своим пацанам, а остальные потом.

-- Ладно, ладно, обмою, какой базар. Хасану и Туркмену привет от меня передай.

-- Ладно, передам и скажу, что ты обещал два флакона водяры. Ништяк?

-- Ништяк, ништяк, передавай, как приеду из Союза, зайду.

Я встал и направился к выходу:

-- Давай, Индрек, заходи, будем ждать, -- сказал я напоследок, и вышел из палатки.

Жара стояла ужасная, наверное, все шестьдесят лупит, да еще афганец задул. Ох, как уже надоел этот суховей, и когда только я не буду видеть эту сумасшедшую жару, раскаленный песок и скалы, когда не буду слышать, как завывает этот проклятый ветер-афганец, подымая песок на несколько метров от земли, а пыль чуть ли не до самого неба. Проклятая страна, и за что нам такое наказание.

Я медленно шел в направлении склада, и мечтал о том, что буду делать по приезду в Союз. Как бы там ни было, а это, наверное, мой последний рейд, а потом долгожданный дембель.

На дембель уже все было готово, и парадка со значками, и дипломат упакован, оставалось главное, провезти в Союз чеки через таможню, а подарков можно будет и в Ташкенте накупить. Хотя кому подарки-то везти? Разве что себе самому. Можно было бы зайти к этой сыкухе -- Ленке, дочке директора, ей уже восемнадцать стукнуло. Да только папаша ее, дурак, как узнает, житья все равно не даст, найдет какой-нибудь повод и посадит к чертям собачим, если конечно я его раньше не прибью, козла.

Так в раздумьях я даже не заметил, как пришел на склад. Носорог, сидя на ящиках, что-то оживленно рассказывал чижам, размахивая руками, а те делали вид, что внимательно его слушают, лишь бы только не злить этого придурка.

Я подошел поближе, Носорог меня увидел и начал вставать, медленно и с большим обломом.

-- Ну что Носорог, все получили?

-- А як же, усе, шо ты казав, получено.

-- Я проверять не буду, но если что-то не так, то ты, Носорог, сам знаешь, что будет.

-- Не, не, тутo усэ, шо ты казав, я провирыв два рази. Мы усе разложилы по кучкам на кажный БэТиР.

Я сел рядом с ними и закурил сигарету, настроение было какое-то тоскливое, разная ерунда лезла в голову, да еще этот сон не дает покоя.

Мы сидели на ящиках с патронами и молчали, думая каждый о своем.

-- Слушайте, -- обратился я к пацанам, -- вам сны снятся?

-- Да бывает, -- ответил парнишка литовец, и добавил, -- дом часто снится, мать, отец, братишка снится, ему было четыре годика, когда меня призвали, через месяц будет уже пять.

-- Оно и понятно, вы недавно из дома. А у меня нет дома, я вырос в детдоме, учился в спецшколе, потом колония, и вот армия. Поначалу мне тоже снился детдом, а сейчас,.. -- я замолчал, что толку говорить кому-то о своих снах, все равно не поймут, я и сам-то в них разобраться не могу.

Тут вдруг в разговор встрял Носорог:

-- А мини дивчина снылась, гарна така дивчина. Я йии раздягаю, усэ сняв, глядь, а у нэй диркы ныма. Я ны пийму, куды суваты-то?

Я не выдержал, и крикнул:

-- Слушай Носорог, заткнись! Сам придурок, и сны у тебя дурацкие. Молчи лучше.

-- А шо я, я кажу шо мини снылось, -- ответил приглушенно Носорог.

-- Лучше не кажи ничего, не нервируй меня. Ты вообще, что-нибудь путное говорил когда-нибудь? Постоянно чушь мелешь, -- сказал я Носорогу.

Показались наши БТРы, ну вот и все, подумал я, сейчас грузимся и вперед, заре навстречу, и вдруг вспомнил, что не ходил на обед. Как вспомнил про обед, так сразу жрать захотелось, ну черт с ним, по дороге в какой-нибудь продуктовый дукан заскочим или, на крайняк, сухпай приговорю.

-- Ну все, подымайтесь, сейчас грузиться будем, машины вон на подходе, -- скомандовал я бойцам.

БТРы мчались на всех парах, подымая пыль. Первым подъехал БТР ротного, второй с новоиспеченным взводным, это был его первый рейд, и у него был боевой вид, он гордо восседал на башне БТР а с АКСом, как царь на троне. Третьим подъехал БТР во главе с командиром второго взвода, потом машина старшины и последним был наш.

Я заметил на броне нашего БТРа Сапога, его было не узнать, в новом танкаче, отмытый, побритый, лицо его излучало счастье и восторг. Хасан сидел позади Сапога и прикалывался, тыча в него пальцом, после чего жестом показал, "мол, как он тебе?" Я показал ему, что все, мол, ништяк, на высшем уровне.

Ротный спрыгнул с брони и крикнул мне:

-- Ну что, все готово?

-- Да, готово, пусть разбирают боеприпасы, здесь разложено на каждую машину, -- ответил я ротному, и спросил:

-- А кто колонной командовать будет, товарищ старший лейтенант?

-- Замполит будет. Командир в Шиндант уехал утром. Чего у вас там утром с замполитом вышло? Он мне на вас жаловался.

-- Не заметили, как он вошел в палатку, не поприветствовали его, ну и так далее.

-- Не заметили, говорите? Да вы его в упор не видели, вы друг друга ни черта не видели, а чего уж там говорить об остальных.

После чего ротный повернулся к машинам и крикнул:

-- Ну, чего сидите как в гостях? А ну давай по быстрому хватайте патроны и грузите в машины, нас колонна ждет на бетонке.

Рота высыпалась с БТРов, и все принялись грузить боеприпасы в машины. Я подошел к Носорогу и взял у него свой АКС и подсумок с двумя связками, по паре "магазинов" в каждой. "Магазины" у меня были от РПК, на 45 патронов.

-- Ну чего стоишь, давай иди помогай своим грузиться, --

сказал я Носорогу и пошел на свой БТР.

Хасан подал мне руку, я запрыгнул на броню и спросил его:

-- Колонна большая?

-- Нет не большая, три танка, наших пять машин, три машины со второй роты, одна машина замполита, другая комбата, потом тягач с ремроты, Урал с РМО, летучка и две "таблетки". Ну вот, вроде и все.

-- Да, не густо. А куда едем-то?

-- На иранскую границу. С дружественного кишлака передали, что сегодня с Ирана ожидается два каравана с оружием и медикаментами для духов, -ответил Хасан.

-- А потом куда? Снарядились-то надолго, не похоже, что за двумя караванами едем.

-- Да откуда я знаю, спроси вон у замполита, если не терпится узнать.

-- Замполиту лучше на глаза не попадаться, хотя бы первое время.

-- Я пошел заколочу. Ты будешь? -- спросил Хасан.

-- Давай делай, буду, конечно.

Хасан запрыгнул в люк БТРа, а я повернулся к Сапогу.

-- Ну что, Сапог! Как жизнь? -- я хлопнул его по плечу.

-- Да нормально, -- пробубнил Сапог со счастливой улыбкой.

-- А чего так вяло, недоволен, что в рейд едешь?

-- Нет, почему, доволен, конечно, -- ответил Сапог уже веселей.

-- Благодари Хасана за эту услугу.

-- Я знаю.

-- Чего ты знаешь? Ни хрена ты ничего не знаешь. Снайперку хоть не забыл, дурень?

-- Да нет, взял, там она в БТРе.

-- Оружие должно быть всегда при тебе, челдон ты недоделанный. А ну, достань, бегом.

Сапог молча полез в люк за винтовкой.

Рота погрузила боеприпасы, и колонна двинулась к бетонке, наш БТР пока стоял. Я постучал автоматом по броне и крикнул:

-- Туркмен, ну чего ты там, уснул что ли? Все уже уехали.

Туркмен, это наш водила, звали его Нурлан, он был по национальности казах, но родом из Туркмении и мы его называли Туркмен. Он полтора года отучился в Ташкентском военном училище, но его отчислили за что-то, и призвали на срочную службу.

Туркмен был спокойный как индеец, но с понятием у него было все нормально, он всегда любые споры и стычки между пацанами "разводил" по уму. Говорил он мало, но конкретно.

Туркмен был нашего с Хасаном призыва и в роте, да и в полку, с ним считались, он на гражданке занимался боксом и дзюдо, и мог любого уложить одним ударом. Но он никогда никого зря не трогал, и в драку вступал, если таковая случалась, только при крайней необходимости, когда уже никакие убеждения не помогали. Некоторые младшие офицеры тоже побаивались его, Туркмен однажды сломал руку одному прапору из ремроты, когда тот попытался ударить Туркмена по лицу. За что они повздорили с этим прапором, я не знаю, Туркмен не рассказывал об этом, да и мы не спрашивали, это их дело. Тот прапор на разборе сказал, что сам сломал себе руку по неосторожности, а когда вышел из госпиталя, то даже извинился перед Туркменом.

Ближе всех к Туркмену были мы с Хасаном, хотя он и был сам себе на уме, но к нам с Хасаном относился по дружески, и терпеливо сносил все наши приколы в его адрес.

РЕЙД

Наконец-то наш БТР двинулся с места, и мы, глотая пыль, помчались за ротой. На бетонке стояла колонна, и ждала наш БТР, комбат погрозил нам кулаком, показывая на часы, мол, время и так нет, и вы еще застряли где-то.

Колонна тронулась, БТР старшины немного замешкался и между машинами получился небольшой разрыв.

Туркмен недолго думая въехал в этот промежуток, я обернулся и увидел обалдевшего Грека.

-- Да вы ох...ели! -- заорал Грек.

-- Там дальше перегруппируемся, товарищ прапорщик, -- крикнул я.

-- Да ладно хрен с вами, -- старшина махнул рукой.

Хасан высунул голову из люка и вопросительно посмотрел на меня.

-- Сейчас КП проедем, потом курнем, -- сказал я ему.

-- А чего тебе КП понадобилось?

-- Земляк там должен дежурить.

-- Какой еще земляк?

-- Он "чиж". Ты его не знаешь.

-- Ну, как хочешь, я лично "взрываю", мы с Уралом пыхнем.

Урал -- это имя нашего гранатометчика в экипаже, по нации он башкир, родом из под Уфы, отслужил Урал полтора года и считался "дедом". В экипаже у нас был еще старший стрелок, это Андрей из Питера, отслужил он год, высокий такой, и "накаченный" пацан. На гражданке Андрей "качался железом" и тело у него было все в мускулах, мы называли его Качок, по характеру Качок был спокойный как танк, они с Туркменом были

чем-то похожи. В большинстве своем, все здоровые люди -- спокойные и безобидные, за исключением редких дураков, таких, например, как Носорог.

Я на БТРе выполнял функцию пулеметчика, моими были два пулемета КПВТ и ПКТ расположенные в башне бронетранспортера. Пулеметчика как такового у нас не было из-за нехватки людей, и поэтому заменять его приходилось мне. Мне нравилось быть пулеметчиком, хотя КПВТ капризный аппарат, то заклинивает, то утыкается, но я со временем научился с ним обращаться.

А помню, как первый раз сел за пулемет, выстрелил несколько раз по дувалу, и пулемет заклинило, а затвор остался во взведенном состоянии. Я берусь за заднюю крышку двумя руками, отвожу защелку и поворачиваю эту крышку, что бы снять ее. А в корпусе пулемета стоит мощная такая пружина для толкания затвора, во взведенном затворе эта пружина находится в сжатом состоянии. Вот я провернул крышку, и вдруг эта крышка (эдакая болванка килограмма на два весом) вылетает из моих рук и с силой бьет меня в грудь. Я отлетел от пулемета и упал на задницу, дыхалку перехватило, и я не могу не вздохнуть, не п..., сижу и хлопаю глазами и ни чего понять не могу.

После этого случая к пулемету подхожу осторожней и когда снимаю крышку с взведенным затвором, упираюсь покрепче, ее можно удержать, если ты готов к этому и знаешь силу пружины. Проезжая КП я посмотрел на бойцов, которые там дежурили, земляка моего не было среди них, и я запрыгнул в люк. Хасан с Уралом добивали "косяк". Туркмен и Качок чарс курили редко, так, от случая к случаю, в этот раз Туркмен не захотел, а Андрей пару раз затянулся и вылез на броню.

-- Да вы припухли, дайте я хоть пятку добью, -- воскликнул я, увидев выкуренный косяк, и забрав его у них, добил остаток сам.

-- А где ты лазил? Я же тебя звал, -- ответил Хасан заплетающимся языком.

Рядом с Хасаном сидел Урал, и улыбался как майская роза. Я посмотрел на него и сказал:

-- О-о, татарин уже готов.

-- М-м-м-да, только я не татарин, я башкир, -- прогудел Урал.

-- А какая на хрен разница? -- спросил Хасан. Урал, немного помолчав, ответил:

-- Большая, как между слоном и БТРом.

-- Ну ты сравнил жопу с пальцем, -- сказал ему Хасан.

-- Татарин, ты и есть татарин, -- сказал я Уралу.

-- Ну пусть будет татарин, мне по фигу, хоть еврей, хоть хохол.

Я, похлопав Урала по плечу, заявил:

-- Ну хрен с тобой, будь татарином. Все, отныне ты татарин.

-- Туркмен, -- крикнул я, -- мы Уралу национальность поменяли, отныне он татарин!

-- Лучше китаец. Он на китайца больше похож, особенно когда обдолбится, -- повернувшись к нам, сказал Туркмен.

Меня тоже зацепило неплохо, я сидел, смотрел на Урала и думал, вот бы одеть этому башкиру тюбетейку и дать в руку пиалу с чаем, классно он бы смотрелся.

Я представил себе Урала, сидящего на ковре в юрте, на голове тюбетейка, а в руке пиала с чаем, меня разобрал дикий смех. Урал, смотря на меня, тоже давай ржать, а я как гляну на него, так закатываюсь, и не могу остановиться. Потом я отвернулся, думаю, не буду смотреть на этого башкира, может, успокоюсь немного, а то живот лопнет. Через время я немного успокоился и, не глядя на Урала, сказал ему:

-- Слушай, татарин, залезь-ка ты на броню, лучше с Качком посиди, а то ему там скучно одному.

-- Почему одному, там Сапог с ним.

-- Все равно иди, запарил ты уже, неужели не понятно, что я не могу смотреть на твою круглую, лопоухую рожу с узкими глазами.

-- Ну не можешь, не смотри, -- ответил спокойно Урал.

-- А как не смотреть, если ты уселся перед моими глазами?

-- Ай, ну ладно, пойду на броню, там интересней, да и движки здесь гудят, заколебали уже, -- сказал Урал и начал пробираться к люку.

Хасан сидел на командирском сидении и что-то оживленно "втирал" Туркмену, а тот спокойно рулил и, судя по всему, не слушал бред Хасана, а только изредка кивал, и то для того, чтобы Хасан не тряс его за плечо.

Я подсел к ним поближе и тряхнул спинку сиденья, на котором сидел Хасан.

-- Хасан, хорош мозги парить Туркмену, он все равно тебя не слушает. Надень лучше шлемофон и послушай, что там "шакалы" трещат, может они в дукан какой-нибудь заскочить надумают, за водкой, например. Не знаю как замполит, а комбат обязательно заскочит.

Хасан надел шлемофон, и стал слушать эфир, откинувшись на спинку и закрыв глаза.

-- Да успокойся Юра, до дуканов еще ехать, как до Китая раком, -ответил Туркмен.

-- Ни фига себе, успокойся, я жрать, блин, хочу.

-- Ну, сожри сухпай, -- предложил Хасан.

-- Да ну на хрен эти сухари, лучше в дукане лепешек взять и винограду, блин, виноград хочу, не можу.

-- Я тоже виноград хочу, был бы виноград, я б с вами чарса курнул, -сказал Туркмен.

-- Ну курни без винограда, -- сказал я Туркмену.

-- Не, без винограда не интересно. Чем сушняк убивать, водой что ли? А с виноградом кайф.

-- Да, Туркмен, ты как всегда прав, с виноградом кайф. Черт, еще колона медленно так движется, быстрее бы до города доехать.

-- А мы, наверное, в город заезжать не будем, до моста только, а потом свернем налево в старый город.

-- Откуда ты знаешь? -- спросил я Туркмена.

-- Я так думаю.

-- Ну, мало чего ты думаешь.

Вдруг Хасан привстал и поднял указательный палец вверх.

-- Что такое Хасан? -- спросил я его.

-- Тихо! Наш полк на связи, слышно плохо.

-- Туркмен, дай сюда второй шлемофон.

-- Он не пашет.

-- Как не пашет?

-- Да так не пашет.

-- А чего ты не заменил его в полку-то?

-- Забыл.

-- Да тихо вы, и так плохо слышно, -- крикнул Хасан.

Мы притихли и стали ждать, Хасан некоторое время сидел тихо и слушал, потом раздался его голос:

-- Да, я слушаю, да 472-й на связи.

Немного подождав, Хасан опять ответил:

-- Да... да, все понятно товарищ старший лейтенант.

Хасан повернулся к Туркмену и сказал:

-- Сворачивай за БТРом ротного, и езжай за ним, только быстрее давай, вон машина ротного уже съехала с бетонки.

-- Что случилось, Хасан? -- спросили мы одновременно с Туркменом.

-- Духи вырезали дружественный кишлак, который недалеко от нашего полка.

-- Это который со стороны свалки, километра три от нас? -- спросил я.

-- Да, он самый, зенитчики говорят, что им передал бача из этого кишлака, бача этот лазил по нашей свалке, а когда стал подходить к своему кишлаку, то услышал сначала крики, а потом увидел незнакомых людей с оружием, которые резали там всех в подряд. Ну, он бегом в наш полк и сразу заскочил к зенитчикам,

они же там с краю стоят. Мы сейчас находимся недалеко от этого кишлака, да и в боеготовности полностью, поэтому они передали сразу нам.

-- Ну, ни фига себе, духи обурели, прям под носом и средь белого дня.

-- Это ведь с этого кишлака сказали, что два каравана должны прийти из Ирана? -- спросил Туркмен.

-- Да, с него, -- ответил Хасан

-- Ну, наверно, из-за этого кишлак и вырезали.

-- Да что его там вырезать, он небольшой -- дувалов десять, наверно, не больше.

В люк заглянул Качок:

-- Куда это мы так полетели?

-- Духи кишлак вырезали дружественный, -- ответил я ему.

-- Какой еще кишлак?

-- Ну, тот, что за свалкой, километра три от нас в сторону гор.

-- А когда вырезали?

-- Да вот только что.

-- Слушай Юра, подай мой автомат?

Я передал ему автомат, магазины и спросил:

-- Что, очко сработало, бронежилет с каской тоже подать?

-- Да нет, нафига, в такую жару да еще это железо.

-- Вы там за моими стволами смотрите, может, я палить буду в случае чего. И смотри за этим тормозом Сапогом, а то он или под пулемет залезет или вылетит на хер вообще.

-- Ладно, посмотрю.

-- Далеко там до кишлака?

Качок исчез, потом опять его голова появилась в люке.

-- Вдалеке показался, километра два-три примерно.

-- Да чего вы паритесь, там, скорее всего, духов давно уже нет, -вмешался Хасан.

-- Ну, хрен его знает, это же духи, они всегда там, где их нет, первый раз что ли такое. Лучше застраховаться лишний раз, ты же не первый день в Афгане, и прекрасно знаешь этих уродов.

Через минут пять Качок, Урал и Сапог залезли в БТР.

-- Чего вы запрыгнули, -- спросил я их.

-- Ротный показал, чтоб мы спрятались, кишлак уже рядом, -- ответил Качок, и повернулся к Сапогу, который забился в угол возле движков и притих.

-- Сапог, чего ты так напрягся? Война еще не началась.

-- Да я ниче, сижу просто, -- пробубнил Сапог.

-- Пошли к нам, чего ты там забился как не родной, -- крикнул ему Урал.

Сапог подвинулся поближе к нам, не выпуская из рук свою

винтовку.

-- Ну все, готовьтесь, подъезжаем к кишлаку, -- сказал Туркмен.

Мы приготовили каждый свое оружие, я снял куртку, напялил лифчик и патронташ с гранатами от подствольника, засунул четыре ручные гранаты в кармашки, взял автомат и запасную связку из двух магазинов.

КИШЛАК

Хасан повернулся к нам и сказал:

-- Ротный передал вот что; мы подъезжаем БТРом вплотную к стене, и прыгаем в кишлак, а машина ротного заедет со стороны входа в кишлак, действовать будем по обстановке. Если духи в кишлаке, то отходим и вызываем подкрепление, бой будем вести за пределами кишлака, а то в кишлаке нас накроют.

Мы открыли десантные люки, на случай если БТР подорвут, чтоб сразу покинуть машину.

-- Все ясно, короче, действуем по обстановке, -- ответил я, и обратился к Туркмену:

-- Туркмен, сядешь за пулемет и, если что, прикроешь нас, пулемет на взводе.

-- Хорошо, я буду готов, вы тоже приготовьтесь, машина ротного уже отъехала, а до кишлака метров двести, -- ответил Туркмен.

Мы молча сидели и ждали, когда Туркмен подъедет к стене, в такие минуты обычно находишься в напряжении, ожидая, что вот-вот раздастся взрыв и завяжется бой.

Через пару минут БТР остановился.

-- Все, мы у стены, ну давайте, ни пуха, -- сказал Туркмен. Хасан отдал шлемофон Туркмену и откинул командирский люк, чтобы вылезти на броню.

-- Хасан подожди, отойди от люка, -- попросил я его.

-- Что такое, Юра?

-- Дай я с подствольника перекину пару гранат через стену, прямо из люка.

Хасан отошел от люка, я достал гранату, вложил ее в подствольник, подобрал угол и пальнул. За стеной раздался взрыв, я вложил еще одну гранату и опять выстрелил, на той стороне раздался еще один взрыв.

Я вылез на броню и присел на корточки, чтоб не торчать над стеной, за мной вылез Хасан, за ним Качок, потом Урал с ручным гранатометом. Туркмен что-то говорил по рации, наверное, ротный услышал взрывы и вызвал нас, чтоб узнать.

-- Ну что? -- спросил полушепотом Хасан.

-- Да пока тихо, -- ответил я и, сняв автомат с

предохранителя, подумал -- была не была, и резко встал, приготовившись стрелять, если за стеной появится какое-нибудь шевеление. В кишлаке была тишина, за мной поднялись все остальные. Мы начали осматривать все вокруг: в центре кишлака лежали трупы мирных жителей, разглядеть повнимательней мешали деревья. Но нас сейчас мертвые мало интересовали, нам надо было узнать, есть ли здесь живые, и насколько эти живые опасны.

-- Ну что, прыгаем? -- спросил Хасан.

-- Пошли, -- ответил я и, взобравшись на стену, приготовился прыгнуть во двор кишлака.

Из люка вылез Туркмен с ручным пулеметом.

-- Давайте, мужики. Я вас, если что, прикрою, -- сказал он и, передернув затвор пулемета, установил его на стену.

Я прыгнул во двор и спрятался за дерево, приготовив автомат для стрельбы, если вдруг что-то произойдет. За мной прыгнул Хасан, потом все остальные. Вокруг ничего не происходило, в кишлаке стояла мертвая тишина. Но, как часто в Афгане, эта тишина была обманчива, мы знали это по своему опыту.

-- Урал, приготовь гранатомет для стрельбы и сидите здесь с Сапогом, -сказал я, и спросил Сапога.

-- Сапог, стрелять-то хоть умеешь с этой "дуры"?

-- Да. Пробовал разок, -- произнес дрожащим голосом Сапог.

-- Да ты не шугайся, еще пока ничего не произошло. Сиди здесь с Уралом и смотри по сторонам, если что заметишь, стреляй сразу. Понял?

-- Да, понял, -- ответил немного уверенней Сапог.

-- И смотри, сука, наших никого не замочи, а то с испугу начнешь палить по своим.

-- Юра, давай пошли, хватит болтать, время идет, -- сказал мне Хасан и дернул за плечо.

-- Ну все, я готов. Короче, идем как обычно, -- сказал я и осторожно пошел к первому ближайшему дувалу.

За мной с разрывом метров пять пошел Хасан, Качок нас прикрывал, потом я присел и стал озираться по сторонам, до ближайшего дувала было метров двадцать. Я показал Хасану, что можно идти дальше, а сам приготовился прикрыть остальных. Хасан двинулся дальше, за ним Качок, потом Хасан присел и показал, что можно двигаться дальше. Я, обойдя Качка и Хасана, стал пробираться к дувалу, наведя ствол автомата на двери, в готовности выстрелить в любой момент. Вероятней всего духов в кишлаке не было, но чем черт не шутит, вдруг какой-нибудь "двинутый" душара засел где-нибудь с буром, как не раз уже бывало, так что любую ошибку надо было исключить, иначе

дырка в башке тебе обеспечена. Кроме, как по сторонам, еще надо было смотреть и под ноги, чтоб не нарваться на растяжку или мину. В такие моменты не о чем постороннем не думаешь и живешь лишь настоящим, не прошлым, не будущим, а реальным моментом.

Подойдя поближе к двери дувала, я вытащил гранату и, выдернув зубами кольцо, выплюнул его.

Вдруг я заметил на другом конце дувала ротного с бойцами, они нас тоже заметили. Я посмотрел на Хасана и показал ему в сторону наших, он кивнул. Ротный показал жестом, что они пойдут по правой стороне кишлака, значит, мы пойдем по левой, осматривая при этом каждый дувал. Со стороны ротного раздался взрыв, мы все посмотрели в их сторону, оказалось, что они гранатами прощупывают дувалы. Я кстати собирался делать то же самое, держа в руке гранату без кольца. Подойдя с боку к двери, я отодвинул стволом занавеску из мешковины, и закинул вовнутрь гранату, через несколько секунд раздался взрыв, мешковина колыхнулась, и из щелей немного пробилась пыль вперемешку с дымом. Немного подождав, я вошел в помещение, внутри никого не было, на полу валялась керосиновая лампа, куски тряпок и еще какая-то ерунда из хозяйственной утвари.

В кишлаке периодически раздавались взрывы, это наши ребята забрасывали дувалы гранатами, стало ясно, что засады в кишлаке нет, и можно вести себя смелее.

Я вышел из дувала, бойцы уже в открытую бродили по кишлаку, были слышны выкрики и разговоры.

С ротным было четыре бойца, все они были деды, Пятрас из Литвы, Серега и Володя братья близнецы из Киева и Бахрадин из Намангана, мы звали его Бача.

Я огляделся, кишлак был небольшой, на семь дувалов, но озеленен неплохо, вдоль стены все было засажено деревьями, по среди кишлака был колодец. Я направился к колодцу, там собрались все наши, и что-то обсуждали. Подойдя к ним, я увидел трупы жителей кишлака, видать, большинство жителей согнали к колодцу, и потом перерезали.

Здесь лежали четыре ребенка от года до восьми лет, шесть стариков и девять женщин, лица женщин были закрыты паранджой. У двух паранджа была откинута, это были старухи, одна старуха лежала с открытым ртом, из которого торчало несколько гнилых зубов, подбородок у нее был в крови, ей перерезали горло.

Все они были зарезаны, кто как, кому перерезали горло, кого просто закололи, в общем, их всех перерезали, как баранов, без всякого разбора.

-- Матерь божья, --невольно вырвалось у меня от увиденного, -- да они вообще озверели суки, уже друг друга режут, хотя бы детей пожалели, дикари.

-- Они не прощают измены, считается, если кто помогает неверным, то есть нам, то значит, они тоже становятся неверными, а значит врагами. Да и вообще, чего тут удивляться? Мы сами сколько этих кишлаков перемесили, счету нет, -- ответил спокойно ротный.

-- Да я знаю эти дикарские законы. Но мы другое дело, мы тут оккупанты, -- сказал я.

-- Ты, Бережной, кончай мне эту политику, оккупанты и все такое. Такие люди, как замполит, могут тебя неправильно понять.

-- Да какая на хер политика? Вот вся эта политика, -- я показал пальцем на трупы. -- Пусть этот замполит подъедет и посмотрит. Жаль, фотоаппарата нету, а то б я сфоткался на фоне этого всего. Хорошая память, не правда ли? Ну да ладно, черт с ней с этой политикой, и вообще. А вот с этим всем, что делать будем?

-- Как что? Хоронить будем, -- сказал ротный, и крикнул Петьке, который шарахался возле какого-то дувала:

-- Каушас! Иди в БТР и вызови по рации тягач. А остальные -- давайте, пройдитесь по дувалам и тащите сюда все трупы, сложим их в кучу, обольем солярой и сожжем ко всем чертям, чтоб зараза не пошла, а то наши танковые точки недалеко. На обратном пути надо будет заскочить на ближайшую танковую точку и проверить, чем они там занимаются, небось, обдолбились как суки, и ни хрена ничего вокруг не видят. Я вот им блядям устрою, -- закончил со злостью ротный, и пошел в сторону ворот. Пройдя немного, он остановился, повернулся к нам и сказал:

-- Детей уложите отдельно, их похороним как людей, как-то рука не поднимается жечь их в общей куче.

После чего ротный не торопясь пошел дальше.

-- А может, каждого отдельно похороним, и кресты поставим, как доблестным крестьянам, -- начал я возмущаться.

-- Заткнись, Бережной, и делай что тебе говорят, и без тебя тошно, -повернувшись сказал ротный и пошел дальше.

Сапог стоял ни жив ни мертв, и смотрел на порезанные трупы, вытаращив глаза, он такое видел первый раз и естественно был ошарашен.

-- Сапог! -- крикнул я ему прямо в ухо. -- Очнись, не слышал, что ротный сказал? Пошли таскать трупы.

К нам подошел Хасан.

-- Там в дувале две бабы валяются, одна молодая -- лет шестнадцать, красивая такая. На хрена ее зарезали? Вот уроды,

могли бы оставить, на развод хотя бы.

-- Сапог вон замкнул, он и так тормоз, а тут у него вообще колодки заклинили.

-- Сапог, очнись! -- Хасан взяв его за шкирку, тряхнул пару раз. -- Я тебя зачем в рейд взял? А ну, бегом в дувал и помогай остальным. Быстро!

Сапог очнулся и побежал в сторону какого-то дувала.

-- Как бы у него крыша не поехала, -- сказал Хасан.

-- Она у него от рождения съеханая, так что не переживай. Все по первой от этого херели, кто больше, кто меньше, а потом ничего, привыкли.

-- Юра, ты вроде хавать хотел? Кушать подано, -- предложил Хасан, показывая на трупы.

-- Уже перехотел.

Я достал сигарету, закурил и направился за Сапогом. Сапог стоял возле входа в дувал и смотрел на дверь, держа снайперку наготове.

-- Ну, чего уставился, заходи и будь как дома, -- сказал я ему.

Сапог отошел в сторону и посмотрел на меня тупым взглядом.

-- Сапог, ну чего ты тормозишь, дубина, если вдруг, не дай бог, засада, тебя же замочат как кота помойного.

-- Там кто-то лежит, -- пролепетал Сапог.

-- Там два трупа лежат, две бабы, их зарезали. Понял?

Я вошел в дувал, на полу валялись две женщины, а вокруг был бардак, везде рассыпана мука, рис и всякое шмотье. Одна из женщин была пожилая и толстая, а другая молодая. Правду сказал Хасан, эта девчонка была красавицей, жаль, что мертвой. Девчонка эта лежала на боку, а голова была повернута вверх, на лице ее была чадра, которая прикрывала лишь низ лица, ноги были голые, остальная одежда разорвана, такое ощущение, будто бы ее сначала изнасиловали, а потом уже убили.

Я посмотрел на другую женщину и подумал, как мы будем нести эту толстуху? Вдвоем с Сапогом наверно не управимся. Да, работа не завидная, лучше с духами воевать, чем после них это говно убирать.

Эх, матушка пехота, приходится тебе собирать всю грязь этой проклятой войны. А хуже всего то, что со временем начинаешь привыкать ко всем этим ужасам, и уже смотришь на все безразлично. И частенько начинаешь задавать себе вопрос: а не свихнулся ли я?

Я оглянулся, ища глазами Сапога, но его не было в дувале, и я крикнул со злости:

-- Сапог, сучара! Ну где ты там?

Сапог сначала заглянул в дверь, потом осторожно вошел.

-- Сапог, сука, ты меня когда-нибудь достанешь. А ну, хватай за ногу эту тетю, и потащили.

Я взял за ногу женщину и оглянулся, Сапог стоял и не двигался с места. Терпение мое закончилось, я бросил ногу, схватил автомат, передернул затвор и дал очередь над головой Сапога. Сапог присел и побледнел с перепугу.

-- Слушай ты, урод! Если ты сейчас же не схватишь ее за ногу и не понесешь, я тебя пристрелю прямо здесь. Ты думаешь, мне хочется этой ху...ней заниматься? А ну хватай, быстро! И скажи спасибо, что они еще свежие и не успели протухнуть.

Сапог подскочил и схватил мертвую женщину за ногу, я взял за другую и мы ее потащили, хоть давалось нам это с трудом, но мы двигались.

-- Я боюсь мертвецов еще с детства, -- чуть слышно пробубнил Сапог.

-- Дурак, боятся надо живых, а мертвые уже ничего плохого тебе не сделают.

Кое-как вытащив ее из дувала, я увидел Качка.

-- Качок! -- крикнул я. -- Помоги давай, не видишь еле прем эту говядину.

Качок подошел и, посмотрев, почесал затылок.

-- Где вы столько мяса нашли? Ее легче взорвать, чем тащить.

-- Давай хватай, потом удивляться будешь, обыкновенная тетя, только толстая.

Ты, Качок, ее один упрешь, ряха у тебя, вон какая.

Качок схватил ее за руку, и мы втроем потащили ее к колодцу. Притащив, бросили ее в общую кучу.

Все уже собрались возле колодца, дети лежали отдельно, метрах в двадцати от остальных трупов, их было пятеро. Ротного не было видно, наверное, пошел в БТР доложить начальству обстановку.

Я подошел к пацанам и попросил Урала:

-- Слушай, Урал, возьми Сапога, и принесите девчонку вон с того дувала.

Урал молча пошел, а Сапог остался стоять.

-- Сапог, ты че, ваще уже затормозил в конец, не слышишь, что я сказал?

Сапог очнулся и побежал за Уралом. А мы сели перекурить, и ждать когда подойдет тягач. Все сидели и молчали, каждый думал о своем.

Ко мне подошел Хасан и сел рядом, он прикурил сигарету, я почувствовал дым от чарса.

-- Ты что, косяк взорвл, Хасан? -- спросил я его.

-- Да. А что? Самое время, по-моему.

-- Ну, давай накуримся, раз так, а то жуть какая-то на душе, сейчас бы браги всосать пару литров, жизнь эта блядская в трезвом виде ужасна, а по раскумарке она ужасней вдвойне.

Хасан передал мне забитую сигарету, я затянулся несколько раз, к нам подошел Качок и сел рядом.

-- Качок, курнешь? -- я протянул ему косяк.

-- Ну давай, курну, почему бы нет.

Качок взял косяк и тоже сделал несколько затяжек, потом передал его Хасану. Я лбом уперся в пламегаситель автомата и уставился в дуло подствольника. Сейчас нажать бы вот так на курок, и все, и нет тебя, и нет этого Афгана, этих проклятых дувалов, трупов, и не слышать бы больше это сатанинское завывание ветра-афганца.

Хасан стукнул меня по плечу.

-- Нет, Хасан, я не буду, передай Качку, меня накрыло уже. В голову и так начинают лезть какие-то дурацкие мысли.

За стеной послышался лязг гусениц и гул дизеля, это подъезжал тягач. Ну, слава богу, подумал я, сейчас закопаем это мясо, и побыстрее отсюда свалить, ко всем чертям.

Урал с Сапогом принесли девчонку и собирались бросить в общую кучу.

-- Урал, положите ее с детьми, ей лет шестнадцать от силы, дите еще.

-- А какая разница? -- спросил Урал.

-- А тебе какая?

-- Да в общем никакой, -- и они с Сапогом потащили ее дальше.

На Сапога жалко было смотреть, на лице его была маска перепуганного шизофреника, который вот-вот расплачется.

Я встал и пошел к воротам, ХБшка, стояла колом от пота, солнце палило во всю силу, а лицо обдувал горячий ветер. Сушняк давил со страшной силой, я отцепил флягу с водой и глотнул, запрокинув голову, перед глазами открылась бездонная голубизна неба, и не было видно ни одной тучки, только сплошная бескрайняя голубизна, и палящий фонарь под названием солнце.

Вдруг со стороны гор появилась вертушка, а за ней еще одна, обе были с красными крестами. Интересно, откуда это они? С нашего полка вроде нигде не воюют, соседний полк тоже никуда не выезжал. Неужели разведроту накрыли где-то?

Подойдя к воротам, я увидел там ротного, который что-то показывал водиле с тягача.

-- Что, не влазит в ворота? -- спросил я ротного.

-- А, это ты Бережной? Да, подкрылками цепляет.

-- Ну так пусть протаранит одну сторону, лопата у него вон какая, можно горы таранить.

-- Да, наверное, придется так и сделать.

-- Что за санитарные вертушки мелькают, товарищ старший лейтенант? -спросил я ротного.

-- Десантура в горах, сегодня утром их туда забросили.

-- Достается, наверное, ребятам в голубых беретах?

-- Да уж, несладко им сейчас. Нас наверно на блок поставят с той стороны гор. Если ДШБ духов из ущелья выбьет, нам придется их встречать внизу.

-- Черт, там десантуру молотят, а мы тут говно хороним, -- я сплюнул загустевшую как кисель слюну.

-- И это тоже кому-то делать надо, и ни чего с этим не поделаешь, -ответил ротный.

К нам подошел водила с тягача, это был парнишка литовец, звали его Витаутас.

-- Ну, что будем делать, командир? -- спросил он.

-- Таранить какую-нибудь из сторон, выбирай любую.

-- Нет проблем, таранить, так таранить, -- ответил спокойно Витаутас и пошел в тягач.

Мы отошли в сторону и приготовились наблюдать за тягачом.

-- Как думаешь, с первого раза протаранит? -- спросил ротный.

-- Да запросто, -- ответил я, и добавил, -- тягач это тот же танк, только без башни.

Тягач развернулся, опустил лопату, отъехал назад метров сто, и с разгона шарахнул по краю стены. Поднялась пыль, посыпались глиняные кирпичи, и ворота стали на пару метров шире. Тягач въехал во двор кишлака и поехал к колодцу.

Я посмотрел на ротного и спросил:

-- Товарищ старший лейтенант, а может, не будем жечь трупы? Закопаем их поглубже, и все, чего зря соляру палить, а то этот запах жареного мяса опять, я когда-нибудь сойду с ума от этого запаха.

-- Ты думаешь, для меня это удовольствие? Я и так уже шашлыки до конца жизни жрать не смогу. Ладно, пойду скажу, чтоб не жгли. А замполиту надо доложить, что сожгли. Это же его идея, лично мне все это, как серпом по яйцам.

Ротный пошел к тягачу, а я побрел на свой БТР, там народу и так хватает и без меня управятся, я лучше с Туркменом посижу.

Запрыгнув в люк БТРа, я увидел там Хасана.

-- Хасан, а ты чего здесь делаешь?

-- Сижу вот, косяк забиваю. Жду, когда ты придешь, и мы

курнем с тобой.

Туркмен вот, тоже захотел раскумариться.

-- А как же виноград, а, Туркмен? Ты ж с виноградом хотел, -- сказал я глядя на Туркмена.

-- Да какой там виноград. Я ходил в кишлак и насмотрелся там винограда.

-- А ты что, ходил к колодцу?

-- Да, сидеть надоело, и решил сходить посмотреть.

-- Ну и как тебе пейзаж?

-- Уж лучше б я здесь сидел.

Хасан прикурил косяк и подсел к нам.

-- Слушай, Хасан, как тебе лезет этот чарс? -- спросил я Хасана.

-- А тебе?

-- Дак ты же постоянно рядом, и постоянно с косяком, куда ж тут денешься.

-- А ты не кури, -- сказал Хасан и передал косяк Туркмену.

-- Я б не курил, да вот неохота смотреть трезвыми глазами на твою обдолбленную рожу.

-- Ну, тогда кури и молчи.

-- Там еще что-нибудь осталось из того, что Серега нам дал?

-- Есть, на три косяка где-то.

-- Хасан, если б у тебя был мешок чарса, ты бы сел, и за пять минут выкурил бы весь мешок?

-- А ты дай мне мешок чарса, и увидишь.

-- А что толку? Ты его один хрен за раз весь скуришь, а что не скуришь, сожрешь.

Пока мы болтали, Туркмен сидел и курил, слушая нас.

-- Туркмен, ты что там прибился? Давай сюда косяк, -- я забрал у него косяк и докурил его сам.

-- Э, вы что это ребята, а где косяк? -- очнулся Хасан.

-- Туркмен скурил, мне только пятка досталась, -- сказал я Хасану.

-- Что, еще забивать, что ли?!

-- Мне хватит, -- сказал я.

-- Мне тоже, --сказал Туркмен.

-- Да пошли вы..., я тогда сам себе забью, --Хасан достал сигарету и стал потрошить.

-- Хасан, ты когда план начал курить? --Спросил я.

-- Еще до того как родился.

-- А ты Туркмен?

-- После того как родился.

-- Ну а я тогда во время родов.

-- Мужики! -- воскликнул Хасан. -- Приезжайте ко мне после

дембеля, я вам мешок плана дам, там, где я живу, его растет навалом.

-- Нашел чем удивить, -- сказал спокойно я, -- приезжайте ко мне в Алма-Ату, поедем к моему корешу, он в Чу живет, я вам вагон этой дряни накошу. Слышали наверно про Чуйскую долину? Хасан прикурил косяк, и сказал затягиваясь.

-- У нас в Таджикистане план лучше.

-- Хрен тебе, самый хороший план на Чуйской долине.

-- Самый хороший план, это афганский чарс, -- сказал Туркмен, и взял косяк у Хасана из рук.

-- Туркмен, только не увлекайся, здесь я еще сижу, -- сказал я шепотом Туркмену.

Туркмен протянул мне косяк со словами:

-- На, Юрик, а то опять скажешь, что я все скурил.

Тут соскочил Хасан, и, ударившись головой о затвор пулемета, сел обратно, схватившись за голову.

-- Хасан, ты хотел что-то сказать? -- спросил я, и затянулся пару раз.

-- Да... да... дай сюда косяк! Вы оху...ли оба, я себе забил, а тут уже х...й ночевал, а кто-то вроде не хотел больше.

Хасан забрал у меня косяк и начал курить, глядя на нас по очереди, то на меня, то на Туркмена.

-- Ну че уставились, хрен вам, вы свое выкурили, -- сказал он.

Мы с Туркменом посмотрели друг на друга и оба "раскололись". Не помню, сколько я угарал, наверное, минут пять. Туркмен от хохота вообще вылез на броню, а Хасан сидел, и с деловым видом докуривал косяк.

-- Э-э-э, наши возвращаются, -- крикнул сверху Туркмен.

Я сел в командирское сидение, а Хасан запрыгнул за руль.

-- Я поеду, -- сказал он заплетающимся языком.

-- Ты смотри, не заедь куда-нибудь.

-- Не ссы, Маруся! -- крикнул Хасан и запустил движки.

-- Ты подожди ехать, пацаны еще не запрыгнули.

Тут в люк заглянул Туркмен.

-- Эй, вы чего там?

-- Тут все занято, так что сиди на броне, -- сказал я Туркмену.

-- Ты Юра смотри за Хасаном, а то он опять, куда-нибудь заедет.

Хасан вытолкнул рукой голову Туркмена из люка.

-- Да не надо меня учить, вы еще под стол пешком ходили, когда я первый раз за руль сел.

-- За руль чего, ишака? -- подколол я Хасана. -- У моего деда был УАЗик военного образца, я на нем по пескам рассекал.

-- А-а-а, ну тогда понятно, тогда поехали, раз такое дело.

Я стукнул автоматом по броне и крикнул:

-- Наверху все?

-- Да, да, все нормально, -- раздался голос сверху.

-- Хасан, ну давай трогай, машина ротного уже отъехала. Или ты забыл, как трогаться? Стремена в бока и кнутом по жопе, а когда остановиться надо, потяни за уздечку. Тебя, наверное, так дед учил?

-- Юра, подколешь меня, когда я срать сяду.

-- Хасан, ты этот прикол от меня слышал, да?

-- Нет. Я его еще по гражданке слышал.

-- Твой дед, наверное, так тебя подкалывал.

-- Бабушка так меня подкалывала! Доволен? -- Хасан в упор посмотрел мне в лицо.

-- Да, да, конечно, доволен, только поехать уже давно пора. Тебе не кажется? БТР тронулся, и медленно начал набирать ход, Хасан сидел за рулем с деловым видом. Я надел шлемофон и настроил волну на "Голос Америки", там как раз шла трансляция про бой в горах, которые находились в трех километрах от нас. "Голос Америки" вещал на всех языках пятнадцати Советских республик, в этот момент шла трансляция на Украинском языке, я толком ничего не мог разобрать, и снял шлемофон, выставив рацию на общий эфир.

Мы направлялись в сторону бетонки, но вдруг ротный, показал рукой по направлению вправо и их БТР свернул вправо.

-- Куда это они? -- спросил удивленно Хасан.

-- Куда, куда. На танковую точку. Он же обещал заскочить туда по пути, -- сказал я Хасану.

-- А зачем?

-- Пиз...ы танкистам вставить. У них под носом средь белого дня кишлак вырезали. Может, и их тоже замочили. Надо же проверить, как ты считаешь, а, Хасан?

-- Я никак не считаю, мне похеру. Мы направились за машиной ротного. Подъехав к танковой точке, мы с Хасаном высунулись из люков, и стали наблюдать за происходящим. А произошло вот что.

Ротный, спрыгнув с БТРа направился в капонир, там должен был находиться экипаж танка, стоящего на охранении полка.

Из двери показался сержант, -- видно, услышав звук наших моторов, он решил посмотреть, кого там принесло.

Увидев офицера, он приложил руку к помятой панаме, и стал докладывать, его слегка качало, как антенну на ветру.

-- Товаищ сташий ейтенант, докладывает командил танковой точки, сейжант Собоев, -- заплетающимся языком пролепетал сержант.

Из капонира раздался крик:

-- Соболь, кого там хрен принес?

Ротный долбанул сержанта кулаком в лоб, и быстрым шагом направился к двери, открыв дверь пинком, он скрылся внутри капонира.

Сержант сидел на заднице и тряс головой, он и так был в полной прострации, а тут еще по башке получил от ротного.

Из капонира раздавался грохот, звон посуды и шквал матов, потом появился ротный, держа в руках двадцатилитровый стеклянный бутыль, в котором было чуть больше половины браги.

-- Петруха! Хватай бутыль и тащи в БТР, -- крикнул ротный.

Пятрас спрыгнул с машины, подбежал к ротному и, взяв у него бутыль, попер его в машину.

Ротный, проходя мимо сержанта, бросил ему:

-- Скажите спасибо, времени у меня нет на вас блядей. Устроили здесь кабак.

Ротный запрыгнул на броню и крикнул нам:

-- Поедем с той стороны гор, -- и показал пальцем в противоположную от бетонки сторону, и добавил:

-- Колонна нас не ждала, они обогнули горы со стороны бетонки и уже, наверное, стали на блок с другой стороны в одном из кишлаков. А нам ближе обогнуть горы с этой стороны. Ну все, двинули.

БТР ротного дернулся и стал набирать скорость, мы двинулись за ними, помахав рукой обалдевшим от переполоха танкистам.

-- Во, ни фига себе ротный отоварился, -- сказал я.

-- Надо будет у ротного литра три вырулить, -- предложил Хасан.

-- Ага, щас, он уже разогнался и отлил.

-- Ну, на чарс сменяем.

-- Ему твой чарс нахер не упал. Да и вообще, у тебя чарс-то хоть есть?

-- Сейчас в каком-нибудь кишлаке возьмем.

-- Ну так сначала возьми, а уже потом меняться думай.

Я высунулся из люка, солнце клонилось к закату и "афганец" начал потихоньку утихать, но все равно в лицо дул поток горячего воздуха. Пыль от переднего БТРа относило в сторону, и на броне более или менее можно было ехать. Надо набрать во фляжку воды из бака, подумал я и стал вылезать из люка.

Сзади на каждом БТРе стояли два бака с водой обшитые кошмой, вода была в Афгане на вес золота. Кошмой мы обшивали баки для охлаждения воды, смачиваешь ее периодически водой, и обдуваемая ветром кошма становится холодной, не дает нагреться воде в баке.

-- Ну, как тут наверху? -- спросил я пацанов.

-- Да все ништяк, вот ждем, когда солнце сядет, а то запарила уже эта жара, -- ответил Урал.

-- Сапог, а ты-то как, не выпал еще?

-- Да нормально все, -- ответил потухшим голосом Сапог.

Я открыл крышку одного бака и засунул флягу в воду, внутри

что-то звякнуло, я не понял. Фляга об стенку бака стукнулась, что ли? Да вроде до стенки еще далеко, я пошарил рукой и нащупал канистру внутри бака. Во, ни фига себе, а это еще откуда? Я оглянулся назад и увидел напряженно глядящего на меня Урала, остальные сидели спокойно, и никак не реагировали.

-- Это моя канистра, -- сказал Урал.

-- Ты что, Урал, вообще охерел, канистру с дизмаслом в бак с водой засунул? -- спросил я, подумав, что в этой канистре дизмасло для продажи.

-- Да там брага, -- еле слышно сказал Урал.

-- Что, брага? -- переспросил я, не поверив своим ушам.

-- Да, да, брага, -- глядя на меня, громко ответил Урал.

Туркмен, Качок и Сапог мгновенно повернули головы к нам.

-- А какого черта ты молчал, Татарин хренов? -- допытывался я.

-- Она еще не готова, а вам скажи, так вы ее выжрете, и не дождетесь.

-- Сколько времени стоит? -- спросил Туркмен.

-- Трое суток будет сегодня вечером, -- ответил Урал.

-- Ну ты, Татарин, даешь, двадцать литров браги, и ты молчишь, -- не переставал удивляться я.

-- Да чего ты, Юра, насел на меня, как будто б я один ее выпить собрался, вот поспеет, и выпьем вместе.

-- Да уже трое суток прошло, ее уже пить вовсю можно.

-- Да успокойся ты, Юра, сейчас на блок станем и спокойно выпьем, не на ходу же ее хлебать, -- сказал Качок.

-- А вдруг меня духи замочат, и я не успею даже браги напиться, -- не унимался я.

-- Замочат, нам больше достанется, -- сказал с подколкой Туркмен.

Тут вылез из люка Хасан и крикнул:

-- Чего вы там у баков собрались?

-- Тут брага, 20 литров, Татарин затарил в бак канистру, а я нашел.

-- Не пиз...и! -- крикнул Хасан, вытянув лицо от удивления.

БТР вдруг повело в сторону.

-- За дорогой смотри, дурак, -- крикнул я ему.

-- Вы там без меня не пейте, имейте совесть. Туркмен, на, езжай. Кто водила, я или ты?

-- Фигу тебе, сам сел за руль, теперь вот и езжай, а мы тут браги похлебаем, -- ответил Туркмен.

-- Я сейчас брошу руль, на фига мне это надо.

-- Да езжай, не боись, никто ничего пока не пьет. На блок станем, потом вмажем, -- успокоил я Хасана.

-- Надо было подрочить этого Таджика, -- сказал Туркмен.

-- Да на фиг он сдался. Ты что его не знаешь? Сейчас руль бросит, и тебе потом ехать. А если он от руля оторвется, то эту брагу придется нам пить сейчас, Хасан просто так не успокоится, -- сказал я Туркмену.

-- А мы ротному завидовали, а у самих брага в баке едет. Ну ты, Урал, даешь, -- покачал головой Качок.

-- Что б вы без меня делали? -- пропел Урал с довольной миной.

В сторону перевала пролетели две санитарные вертушки и четыре "крокодила".

-- Там на перевале, что-то серьезное происходит. Штурмовики начинают подтягивать, -- произнес я, глядя в небо.

-- Нам придется духов у подножья ловить, наверное, -- высказал мнение Урал.

-- Если до темноты до наших доедем, то да, а если не успеем, и стемнеет, то наоборот, духи нас будут ловить у подножья. Так что надо быстрее обогнуть эти горы, и примкнуть к нашим, пока не поздно, -- ответил я Уралу, и полез в люк БТРа.

-- Юра, что там за брага? --спросил меня Хасан.

-- Да Урал затарил канистру с брагой в бак с водой, а я хотел воды набрать, ну и надыбал ее там.

-- А че он молчал-то?

-- Ну как че? Чтоб мы ее не выпили раньше времени.

-- А когда он ее поставил?

-- Вчера вечером, -- я не стал говорить Хасану, что брага стоит уже трое суток, а то бы он бросил руль, и полез ее пробовать, ну а за ним и все остальные, ну и я, конечно.

-- О, завтра уже можно пробовать, -- сказал Хасан с довольным видом.

-- Брага брагой, а я жрать хочу с самого утра.

Я полез в коробку, вынул оттуда пачку сухпайка, открыл ее и достал банку с тушенкой и сахар, кашу брать не стал, она в холодном виде как застывший парафин. С открывашками проблем не было, они шли в комплекте к цинкам с боеприпасами, и к банкам с запалами от гранат. Сухари и кашу я закинул обратно в коробку, а вместо сухарей взял батоны в вакуумной упаковке. Батоны эти были, в общем, ничего, но без воды их жрать было невозможно, потому как они были сухими, не в смысле твердыми, а сухими, то есть очищенными полностью от влаги и слегка проспиртованными. Когда открываешь упаковку, спирт сразу испаряется, и батоны становятся мягкими и на вид как свежие, их было по два в каждой упаковке.

Я достал один батон, открыл банку тушенки и с аппетитом

все это съел, запив водой с сахаром. Для советского солдата этого было достаточно, за два года я уже привык к этим сухпаям и постоянным рейдам.

Я завалился на матрац, который валялся на полу БТРа, положил под голову бушлат, и решил подремать. Монотонно гудели движки, БТР шел мягко, я лежал и смотрел в потолок. Спать не хотелось, я просто лежал и думал о всякой ерунде, о гражданке, о бабах, о вине и водке, в общем, о том, о чем думает обычно солдат вдалеке от дома. О доме я не думал, так как его у меня не было, а может это и к лучшему, если убьют, то хоть горевать никто не будет. Хотя в данный момент мне умирать не хотелось. Я всегда мечтал -- вот вернусь на гражданку, найду себе хорошую бабу, женюсь, заведем детей, и обязательно двух, а может трех, возьмем из детдома, из того, где воспитывался сам, и воспитаем их так, чтоб они никогда не думали о том, что у них не было родителей.

Помечтав немного, я решил узнать, где мы находимся.

-- Хасан! Где мы? -- крикнул я.

-- В Афгане, -- ответил Хасан.

-- Да что ты говоришь? А я думал, мы в Африке. Я спрашиваю, в каком месте?

-- Тебе улицу назвать?

-- Да ты заколебал, Хасан. Нормально ответить не можешь, что ли?

-- Да откуда я знаю! Встань и посмотри.

-- А по рации что трещат?

-- Да ни кого не слышно пока.

-- Пойти что ли Сапога поучить с винтовки стрелять, держать он ее вроде научился, -- сказал я, вставая.

-- Сходи, сходи, заодно и посмотришь, где мы едем, -- ответил Хасан.

Я, взяв свой автомат, полез на броню. Высунувшись из люка, я спросил:

-- Брагу не выпили?

-- Выпили, ты опоздал, -- ответил Урал.

Сапог сидел возле баков и глазел на горы, которые простирались справа от нас. Впереди, метрах в пятидесяти, катил БТР ротного. Я глянул на горы, и по коже пробежали мурашки, неприятное ощущение было от этого вида. Много раз, вот так же как сейчас, двигаясь у подножья, колонна нарывалась на засаду, или на снайпера. По боевому ехать тоже опасно, на мины нарываешься чаще чем на засады, и поэтому немного безопаснее ехать на броне, хотя какая разница, хоть так, хоть эдак, в Афгане по всякому опасно.

-- Сапог, снайперка заряжена? -- спросил я.

-- Да, заряжена, -- ответил он.

-- А ну передерни затвор.

-- Зачем? -- спросил удивленно Сапог.

-- Духов стрелять будем. Понял?

-- Каких духов?

-- Злых духов. Хочу посмотреть, как ты стреляешь.

Сапог передернул затвор и посмотрел на меня. Я огляделся вокруг, подыскивая подходящую мишень.

-- Сапог, видишь вон тот выступ в скале, а на нем коряга торчит или что-то вроде того? -- я показал пальцем на выступ с виднеющейся на нем какой-то ерундой в виде коряги.

-- Да, вижу.

-- А ну, стреляй по этой херне.

Сапог прицелился и застыл в этой позе. Время шло, Сапог целился.

-- Сапог, ты что -- уснул? -- спросил его Качок.

-- Ему, наверно, корягу жалко, -- добавил Урал.

Раздался выстрел, пуля легла метрах в тридцати от цели, Сапог посмотрел на меня.

-- Сапог, дубина, да если ты так будешь целиться, тебя духи не только замочат, но и в плен возьмут вместе с винтовкой. Мало того, ты хотя бы примерно попал, куда целился. А ну, давай снова стреляй, пока не отъехали от места. Целиться будешь три секунды, если дольше задержишься, я тебе в лоб заеду, не попадешь, тоже в лоб получишь. А ну давай быстро цельсь.

Сапог прицелился, я начал считать.

-- Раз... Два...

Раздался выстрел, пуля легла рядом с целью, почти в полуметре от нее. Сапог опустил винтовку и снова посмотрел на меня.

-- Сапог, ты без пиз...юлей, ни чего не можешь делать, так что ли?

-- Ну ведь чуть-чуть не попал, -- промямлил Сапог.

-- Нет, насчет этого я тебе ни чего не говорю, выстрелил ты хорошо, я даже удивился. Я про другое, тебе пока не вставишь, до тебя не доходит. А если пойдем на прическу, или нарвемся на засаду, я что, за тобой буду ходить и пугать, навроде, если не попадешь, то в лоб получишь и все такое, так что ли? Да нас тогда обоих завалят, дурила ты. Станем на блок, ты у меня тренироваться часами напролет будешь. Понял?

-- Понял, -- пробубнил Сапог.

КАРАВАН

БТР ротного вдруг резко стал, мы потихоньку подъехали к

ним и остановились рядом. Ротный смотрел в бинокль.

-- Вот идет караван, по сыпучим пескам, он везет анашу в свой родной Пакистан, -- пропел слова из песни, ротный.

-- Что там такое, товарищ старший лейтенант. Караван что ли?

-- Три барбухайки направляются в сторону иранской границы. Выехали, по-моему, из подножья этих гор. Так, а ну быстро за ними, до границы еще далеко, так что накроем их минут через двадцать, не больше.

Мы рванули вперед, все попрыгали в люки и похватали бронежилеты, боеприпасы, и выскочили на броню.

Бронежилеты у нас были Б-2, они были легкие, 6 килограмм, пуля их конечно пробивала как фанеру, но от осколков и пуль на излете они иногда помогали.

Туркмен пересел за руль, а Хасан, взяв автомат, выскочил на броню. Я приготовил пулеметы к бою и, оставив их на взводе, тоже вылез на броню.

Минут через пять на горизонте показались четыре точки. Ротный, смотря в бинокль, показал четыре пальца, но мы уже и так видели, что там было четыре барбухайки.

-- Может, мирный караван? -- сказал Качок, проверяя затвор своего АКСа.

-- Может и мирный. Только, когда не далеко в ущелье идет бой, мирные караваны навряд ли будут шататься возле гор. Так что, наверняка, это духовский, -- ответил я ему.

Уже ясно стали видны очертания каравана, и было видно, что первым идет верблюд, а за ним три барбухайки с крытыми кузовами навроде будок, расстояние до них было в пределах километра.

Из БТРа ротного пальнул короткой очередью пулемет КПВТ, давая предупредительный выстрел. Мы передернули затворы и сняли автоматы с предохранителей, я сел рядом с люком, чтоб, если что, сразу прыгнуть за башенные пулеметы. Караван остановился, неужели мирный, подумал я, духовские обычно отстреливаются, а этот стал и стоит.

Ротный показал нам, что их БТР заедет спереди, а нам показал заходить сзади. Мы разделились, БТР ротного на всех парах полетел наперерез каравану, а мы направились прямо по курсу, как и ехали до этого, только прибавив скорости. Все молча наблюдали за приближающимся караваном, и с готовностью в любой момент вступить в бой.

Вдруг караван начал рассыпаться: две барбухайки развернувшись, помчались в сторону гор, а верблюд и оставшаяся барбухайка стояли на месте. Далеко отъехать они, конечно, не

смогут, БТР едет намного быстрее этих колымаг, можно было достать их из КПВТ, но они успели заскочить за сопку у подножия гор. Туркмен, высунувшись из люка, показал в сторону отъезжающих двух барбухаек и крикнул нам:

-- Догоняем эти две, я постараюсь перескочить через сопку и срезать им путь к горам.

-- Давай, давай, Туркмен, жми, -- крикнул я ему.

Наш БТР подлетел к сопке и начал на нее взбираться, движки работали на пределе, машина уверенно взбиралась вверх.

Надо отдать должное Туркмену, БТР наш был всегда на ходу, и отказов почти никогда не было, мало того, он пер как зверь, будь то в гору, будь то по пескам. Да еще плюс к тому, Туркмен где-то урвал бескамерные колеса, что значительно сокращало проблемы в рейдах.

Взобравшись на сопку, БТР вдруг накренило вниз, впереди был крутой, почти вертикальный спуск.

-- Держитесь, черт возьми! -- успел крикнуть я, и схватился за крышку люка. Все похватались, кто за что мог: Урал с качком схватились за ствол от башенного пулемета, Хасан схватился за баки с водой, я одной рукой держался за люк, а другой держал за шкварник Сапога, который чуть не улетел вперед БТРа. Туркмен давил на тормоза, но машину юзом тащило вниз, а вода из баков лилась нам на голову. Спустя время, мы сопровождаемые столбом пыли, можно сказать приземлились, клуб пыли накрыл нас. Кашляя, отплевываясь и матерясь, мы начали приходить в себя.

-- Все на месте, никто не выпал? -- закричал Туркмен.

-- Если даже Сапог здесь, значит все, -- крикнул Урал.

-- Ну, тогда двигаем дальше, -- сказал Туркмен.

Пыль рассеялась, я оглянулся назад и обалдел, мы летели метров сто вниз, почти по вертикальному склону.

Вдруг перед нами выскочила барбухайка, я в какое то мгновение даже успел увидеть удивленные рожи двух духов, сидящих в кабине. Не успели мы обалдеть, как барбухайка развернулась к нам бортом, за ней выскочила вторая, и тоже резко вырулила вбок, все это произошло в считанные секунды. Я посмотрел вперед, и меня пробило холодным потом -- на нас в упор смотрели два ствола ДШКа.

-- Ложись, ДШКа в кузове! -- успел крикнуть я, и нас всех как ветром сдуло с брони.

Раздался грохот, и пули зазвенели по броне. Я упал на землю и прижался к десантному люку, рядом со мной почти одновременно тоже кто-то грохнулся.

Если сказать, что я испугался, то значит, вообще ничего не сказать.

-- Бля, пиз...ец, на дембель в цинковом ящике, на этот раз точно, -услышал я чей-то голос, оказалось, это был Хасан, который лежал рядом со мной.

-- Урал, ты живой? Давай мочи из гранатомета, иначе нам всем жопа! -заорал я, и посмотрел вверх.

На броне сидел Сапог, вцепившись в ствол КПВТ. Я обалдел, от него по идее и мокрого места не должно остаться после такой канонады. Его счастье, что БТР был накренен на бок, и пули рикошетом улетали в сторону. Я подпрыгнул и, схватив Сапога за штанину, резко дернул вниз, он упал на землю, как мешок. Башня БТРа мгновенно развернулась, и заработали сразу оба башенных пулемета, это, скорее всего, Туркмен прыгнул за пулеметы, но из-за Сапога, который можно сказать висел на стволе, Туркмен не мог развернуть башню пораньше. Потом раздался взрыв впереди БТРа, я пальнул пару раз из подствольника в сторону, где предположительно находилась барбухайка.

Вокруг происходило непонятно что, одновременно работали и ДШКа и КПВТ с ПКТ, свист пуль раздавался со всех сторон. Я огляделся вокруг, рядом лежал Сапог, распластавшись, как лягушонок, за колесом сидел Хасан и плевал из подствольника, сопровождая все это благим матом. Высовываться из-за БТРа было как-то страшновато, если пуля от ДШКа попадет в голову, то башка разлетится как арбуз. Но желание увидеть, что все-таки происходит, оказалось сильнее страха, и я высунулся, держа АКС наготове. Метрах в ста пятидесяти горела барбухайка, накренившись на один бок, у нее не было заднего колеса. ДШКа продолжал работать, но пули уже не долетали до БТРа. Из-за сильного наклона кузова, угол подъема на станине, где крепились пулеметы, не позволял поднять стволы выше. Потом духовские пулеметы заглохли, из кузова барбухайки выскочил дух и, прихрамывая, побежал в противоположную от нас сторону, я выстрелил очередью ему по ногам, он упал. Вторая барбухайка была в полукилометре от нас и направлялась в сторону гор.

Возле меня открылся десантный люк, из него появился Туркмен:

-- Все живые? -- спросил он.

-- Да х...й его знает! Качок, Урал! Вы живые там? -- крикнул я.

-- Да, да все нормально, Качок ранен в бок, но не тяжело, -- крикнул в ответ Урал, с другой стороны БТРа.

-- Давайте быстро в машину и погнали за второй барбухайкой, а то уйдет сука, -- крикнул Туркмен.

-- Не уйдет. Дай мне "муху", только быстро.

Туркмен исчез в люке и через секунду появился обратно с трубой в руках. Я взял трубу, выбежал на равнину, взводя на ходу

установку. Присев на одно колено, я поймал в прицел барбухайку, шла она на подъем и двигалась медленно, к тому же расположена была боком к нам. Цель была прекрасная, расстояние составляло метров пятьсот-шестьсот от силы.

-- Ну, держите бакшиш, сучары, -- произнес я со злостью, и нажал на спуск. Ракета быстро пошла на цель, блеснула вспышка в районе кабины, и барбухайка встала, было четко видно, как заполыхала кабина. Я отбросил в сторону пустую трубу, сел на землю и достал сигарету, руки дрожали от пережитого стресса, я с трудом прикурил сигарету, сделал несколько глубоких затяжек, потом медленно поднялся и побрел к БТРу. Неужели все обошлось, я не верил, что остался живой, а перед глазами стояли две дырки от стволов ДШКа, состояние, мягко выражаясь, было жуткое.

Недалеко горела другая барбухайка, я хотел пойти заглянуть в кабину и посмотреть, остался ли кто жив из духов, но потом подумал, да ну их на хер, к тому же Туркмен там поработал из башенных пулеметов, так что навряд ли кто живой остался.

-- Ни хрена себе дела, так и ебан....ться можно, -- сказал я приглушенным голосом, подойдя к мужикам.

-- Юра, что это было, черт возьми? И вообще, откуда они взялись?! -спросил Хасан с обалдевшим взглядом.

-- Пиз...ец подкрался незаметно, вот что это было, -- ответил я и сел под колесо БТРа. Потом посмотрел на Хасана, и спросил:

-- Хасан, а че ты косяк не забиваешь, а? Как раз самое время.

-- Что-то не хочется, -- ответил Хасан.

-- Руки дрожат наверно? -- начал я подкалывать Хасана, хотя самому мне было не смешно.

Хасан подскочил и протянул мне руки со словами:

-- На, на, смотри. Ну, где они дрожат?

-- Да ладно, убери руки. У меня у самого они дрожат, еле сигарету подкурил, -- сказал я глядя на Хасана.

-- Скоре всего, духи хотели заскочить за сопку, чтоб слинять из зоны обстрела, а мы двинули наперерез, и перескочили через эту сопку, -- заявил Туркмен высовываясь из люка.

-- Скажи, что мы наебн...лись с этой сопки. Туркмен, так ведь можно и в пропасть улететь. Ты че, не видел, куда летишь?

Туркмен посмотрел вверх, потом на меня и, присвистнув, спросил:

-- Мы живые, или нет?

-- Что-то я ангелов не вижу, -- помахав руками, как крыльями, сказал Хасан.

-- А вон они горят, ангелы твои, -- ляпнул я Хасану. И тут вспомнил, что Качок-то ранен. Я встал и спросил:

-- А Качок где, что с ним?

-- Там он, с другой стороны, наверное, с Уралом, -- ответил Хасан.

-- А придурок этот где?

-- Здесь в БТРе сидит, если еще не сдох с перепугу, -- ответил Туркмен.

Я встал и обошел БТР, Урал что-то колдовал над Качком.

-- Урал, возьми гранатомет и пальни пару раз по кузову, той барбухайке кабину я подорвал, а будка вроде целая, хоть там никого не видно было, но для верности все же не мешало б еще долбануть.

Урал молча встал, взял гранатомет, и полез в люк за гранатами.

Качок полулежал на боку, облокотившись на локоть, бок его был перетянут бинтом, а лицо было перекошено от боли.

-- Ну, как ты? -- спросил я его.

-- Если не считать пробитого бока, и то, что я чуть не обосрался от страха, то в остальном все нормально.

-- Бок сильно задело?

-- Да не знаю, черт... боль жуткая, там торчит что-то, я чувствую.

-- Дай посмотрю, если есть там что-то, то надо вытащить, а то так и будешь мучиться.

За БТРом раздался выстрел, потом второй, это Урал из гранатомета добивал барбухайку.

Я снял перевязку сделанную Уралом, рана была как порез, сантиметра четыре длиной, кровь шла не очень сильно, я раздвинул рану, что б посмотреть глубоко ли его зацепило.

-- А-а-ай! Юра, ты че делаешь, гонишь что ли?! -- закричал Качок.

К нам подошли Хасан и Туркмен, и сели на корточки.

-- Ну, че там? -- тихо спросил Хасан.

-- Да хрен его знает, на пулю не похоже, -- ответил я. Потом спросил Качка:

-- Качок, может, когда ты падал, зацепился за какую-то ерунду?

-- Какой хер зацепился, я же говорю там торчит что-то, -- стеная, ответил Качок.

-- Так. В общем надо доставать. Качок, ты как, готов терпеть боль?

-- А что мне остается? Или может, посоветуешь, как ее не терпеть?

-- Давай косяк ему забьем, он выкурит, может, не так больно будет, -предложил Хасан.

-- Да че толку твой косяк, надо героин или на крайняк промедол. У нас есть что-нибудь? -- спросил я.

-- Только "баян", но заправить его нечем, -- ответил Туркмен, разводя руками.

-- Сапог! -- крикнул я.

Из люка показалась морда, вся в пыли.

-- Канистру тащи! -- крикнул я ему.

-- А? -- издал короткий звук Сапог.

-- Ну че ты на меня уставился? Канистру с брагой неси, труп ходячий. Сапог полез на броню за брагой.

-- Бля буду, везет же дуракам, на броне остался, и ни хрена ни одна пуля не попала. Я наверх посмотрел, вижу, Сапог сидит на броне, уцепившись за ствол пулемета. Ни фига себе думаю, подпрыгнул и дернул его за штанину, он грохнулся оттуда, как мешок с говном, -- начал я рассказывать, смеясь.

Тут Туркмен подпрыгнул:

-- А я думаю, че за ерунда, поворотный механизм на пулеметах заклинил, что ли, а это оказывается Сапог на них висел, ишак.

Мы начали смеяться, напряжение и страх прошли, наступило время обсуждать произошедшее.

-- А-а-ах, бля! Да не смешите вы, и так больно, черт возьми, - простонал со смехом Качок.

-- Мужики, надо Качка оперировать, а то мы забазарились. Сапог, ну где ты там, черт тебя возьми? Давай быстрее брагу неси, тормоз х...ев! -крикнул я Сапогу.

Я легонько похлопал Качка по плечу, и сказал:

-- Держись, Качок, сейчас браги литр хапнешь, и будет все нормально, вытащим тебе эту канитель.

Сапог принес канистру и поставил рядом со мной.

-- Ну как ты Сапог, крыша не поехала еще? -- спросил я его.

-- Чуть не поехала, -- дрожащим голосом пролепетал Сапог.

-- Скажи спасибо, что тебе ее не снесло вообще. Кружки тащи, и пару банок тушенки.

Сапог опять убежал. Я посмотрел на небо, день шел к закату, через часа три-четыре стемнеет, надо побыстрее сматывать отсюда.

-- Дело к закату, мужики, -- показав на солнце сказал я.

-- Время еще есть, успеем, -- сказал спокойно Хасан.

-- А БТР как? -- спросил я Туркмена.

-- В командирское окно пуля попала, на своем-то я успел щиток захлопнуть, а в остальном, все нормально.

-- Ну надо же, мы просто в рубашке родились, я думал нам пи...дец всем, а тут все так обошлось, я до сих пор не могу

поверить.

-- Ну, это кому как, мне вон бочину пробили, -- сказал Качок, кривясь от боли.

-- Да это ерунда, главное, что не смертельно, -- успокоил я Качка.

Появился Сапог с кружками и тушенкой.

-- Давай, открывай тушенку, -- обратился я к Сапогу.

-- Открывалку забыл, -- с сожалением проговорил Сапог.

-- Я сейчас тебя пристрелю, сука, если ты не растормозишься, -- я встал, схватил Сапога за шкирку и толкнул к БТРу. Он со свистом заскочил в десантный люк.

Я налил по очереди пять кружек, потом взял одну и протянул Качку, он взял кружку и медленно выпил, потом выпили мы, одна кружка осталась полной.

-- А где Урал? -- спросил Хасан.

-- Да хрен его знает, улетел наверно, вместе с гранатой, -- сказал я и крикнул:

-- Урал! Где ты там?!

Появился Сапог с открывалкой, и принялся открывать тушенку.

-- Сапог, а где твоя кружка? -- спросил его Хасан.

-- Там, в котелке лежит, -- ответил Сапог, показывая в сторону БТРа

-- Ну так неси ее, и тоже выпьешь, ты ведь теперь в составе экипажа.

Сапог молча пошел за кружкой, через минуту он вернулся и поставил кружку рядом с канистрой, я налил в нее браги.

-- Ну, давай Сапог, вмажь, за то, что жив остался, -- проговорил Хасан.

Сапог выпил и покривился.

-- А тебе, Качок, еще две кружки залпом, и я попробую вынуть тебе из бочины то, что ты там якобы чувствуешь, -- сказал я, повернувшись к Качку.

Я налил кружку и протянул Качку, он выпил, я налил еще одну и опять протянул ему.

-- Дай отдышаться, черт возьми. Ух, крепкая падла, -- сказал Качок, потом достал сигарету и прикурил ее.

-- Действительно крепкая, неужели за сутки так покрепчала, -- произнес Хасан с удивлением.

-- Трое суток уже стоит, мы тебе не сказали тогда, чтоб ты не накинулся на нее, -- ответил я ему.

Да где же этот Татарин, елки палки, подумал я, потом встал и пошел посмотреть, куда он делся.

Я увидел, как Урал тащил что-то тяжелое.

-- Урал, что ты там волочешь? -- крикнул я ему.

-- Духа тащу, с перебитыми ногами. Помоги лучше, чем спрашивать, -ответил он.

И я вспомнил, как прострелил ноги духу, который выскочил из кузова барбухайки.

-- Урал, да брось ты его нахер.

-- Зачем бросать, он еще живой, и к тому же в сознании.

-- Ну тогда сам и тащи его, -- ответил я ему и пошел обратно к пацанам.

-- Че там такое, Урал духа что ли тащит? -- спросил Туркмен, и все посмотрели на меня.

-- Да, духа прет, я прострелил ему ноги, и забыл про него, это дух, который за ДШКа сидел.

-- Бля, да я его сейчас пристрелю козла, -- сказал Хасан, и встал передернув затвор АКСа.

-- Успокойся Хасан, пристрелить всегда успеем, лучше заберем его с собой, садись, садись давай, -- сказал я, и дернул Хасана за штанину.

К нам подошел Урал, увидев налитую кружку, он взял ее, и молча выпил.

-- Ну, куда денем этого душару?

-- А куда ты его дел? -- спросил я Урала.

-- Там лежит, за БТРом.

Хасан встал и пошел за БТР.

-- Хасан! Ты там не замочи его, -- крикнул я Хасану.

-- Да не ссы ты, я просто побазарю с ним немного, -- ответил из-за БТРа Хасан.

-- А он не уползет? -- опять спросил я Урала.

-- Нет, я связал ему руки его же чалмой.

-- А не сдохнет? -- спросил Туркмен.

-- Нет, не сдохнет, я перебинтовал ему ноги тряпкой, -- ответил спокойно Урал.

-- Ну, ты Татарин заботливый такой, прям как сестра милосердия, -сказал я ему.

Потом я встал и залез в БТР, там у нас в аптечке лежали медицинские щипчики с загнутыми концами похожие на ножницы, я не знаю, как они там у медиков называются, но мы их называли щипцы. Мы специально возили их с собой, на случай если придется вытаскивать пулю или осколки из тела.

Я достал щипцы и йод, после чего вылез обратно.

-- Ну Качок, готовься, сейчас будем тебя оперировать. Брагу вмазал? -спросил я его.

-- Да вмазал, только подожди, покурю вот, а потом приступай, -- сказал Качок.

-- Ну, кури, кури, никто тебя не торопит.

Сапог стоял радом, и пялился на Качка. Я посмотрел на него и спросил:

-- Сапог, ну чего уставился, Андрюху первый раз видишь что ли? Иди вон, лучше на духа посмотри. Да не ссы ты, он не укусит тебя, а если укусит, то выбей ему зубы, я разрешаю.

Сапог молча пошел за БТР, куда минуту назад пошел Хасан.

Послышался гул мотора.

-- Это ротный! -- крикнул я, и быстро налил брагу в кружки.

-- Давайте, берите быстрее. Сапог! Беги сюда, быстро.

Сапог подбежал и спросил:

-- Че такое, Юра?

-- Че такое, че такое! А ну хватай канистру, и бегом ее с глаз долой!

Мы спешно выпили, и Сапог утащил канистру в БТР. Через минуту нарисовался БТР ротного. Развернувшись, он остановился рядом с нашим.

-- Как вы там?! -- крикнул ротный и, спрыгнув на землю, направился к нам.

-- Да вот, Качок ранен, а в остальном, вроде пронесло. А у вас как дела, че так долго не было? -- спросил я ротного.

-- За верблюдом гонялись.

-- А что, верблюды быстро бегают?

-- Если в твою жопу посмотрят два пулемета, ты тоже быстро побежишь.

-- Мне они, только что в морду посмотрели.

К нам подошли пацаны из БТРа ротного, водила Петруха, Серега с Володей, Олег и Бача.

-- Ну, как вы? -- спросил Олег.

-- Да вот, живые вроде. Правда пришлось немножко испугаться, барбухайки из-за сопки выскочили, а у одной в кузове пара ДШКа оказалась, а мы все на броне. Да мало того, еще и вон с того откоса слетели, не успели после приземления прийти в себя, а тут еще духи перед глазами, я их маму еб...л, думали труба всем приснилась. Но вроде пронесло и на этот раз, -- закончил рассказ Хасан и спросил:

-- А вы-то как?

-- Да мы тоже, вроде, ништяк, барбухайку замочили, она была с ранеными духами в кузове, человек двадцать, наверно, мы их гранатами закидали. А верблюд вез медикаменты, провизию, муру в общем разную, его мы тоже замочили. Одного духа живым взяли, того который на верблюде ехал, -рассказывал Петруха, размахивая руками.

-- Мы тоже одного взяли, там за БТРом валяется, -- перебил

его Урал.

-- А мясо вам не надо верблюжье? Мы маленько того верблюда обдербанили, вот только надо его побыстрее захавать, а то протухнет, -- предложил Олег.

-- Давай, давай, надо, надо, давно я верблюжатины не ел, -- потирая руки, сказал обрадованный Туркмен.

-- Так вы оттуда прилетели? -- удивленно спросил ротный, показывая пальцем на крутой спуск.

-- Да, оттуда, -- сказал спокойно Туркмен.

-- Ну ни хрена вы даете! Думали, наверно, что БТР летать умеет? -- не переставал удивляться ротный.

Потом подошел Закиров, и сел рядом с пацанами, слушая, как они рассказывают друг другу о недавнем приключении. У Закирова это был первый рейд, видно было, что ему этих впечатлений было больше чем достаточно, но для него это было только начало. Я разговаривал с Закировым еще в полку, он как никак мой земляк, на первый взгляд он мне показался неплохим парнишкой, кое какие понятия у него были, а там дальше видно будет. Я не стал подключаться к общему базару, а направился к Качку.

-- Мужики, а чего это вы такие веселые, на обкуренных вроде не похожи? -- спросил вдруг ротный, глядя мне в глаза.

-- Время провели весело, вот и веселые, -- сказал я, смазывая йодом щипцы.

-- Да я не об этом.

-- А о чем? -- спросил я у ротного, а потом обратился к Качку:

-- Ну как ты, Качок, готов?

Он кивнул, после чего, я начал развязывать Качку рану.

-- Да тут запах какой-то специфический, -- не унимался ротный.

-- Ну, товарищ старший лейтенант, сами понимаете, это дело хозяйское. Вы у танкистов тоже, вроде, кое-что забрали со специфическим запахом.

-- Да ладно, я ничего против не имею, просто так интересуюсь. Ну, в общем, базар базаром, а надо побыстрее отсюда валить. Давай Юра, побыстрей приводи в порядок Андрея и поехали. А вторая барбухайка где, их вроде три было? Одну мы замочили, одна вон горит. А третья ушла что ли?

-- Да нет, не ушла, она во-он там на склоне горела, уже наверное потухла, хотя вон дым еще видно. Но я ее конкретно приложил из "мухи".

-- И я еще из гранатомета пару раз по кузову пальнул, для верности, -сказал Урал.

-- Вы что, живого духа взяли? -- спросил ротный, вставая.

-- Да, только он ранен в ноги, -- ответил Урал.

-- Что с собой возьмете, или? -- ротный провел пальцем по горлу.

-- Возьмем, не помешает, может пригодиться, если не издохнет по дороге.

Я разбинтовал рану Качку.

-- Ну, Качок, терпи, я полез тебе в нутро, -- промолвил я.

Двумя пальцами я раздвинул рану и потихоньку сунул туда щипцы, Качок застонал от боли.

-- Терпи, Андрюха, -- успокаивал я Качка.

Щипцы наткнулись на что-то твердое, это был металл. Зацепив эту штуковину щипцами, я на мгновенье подумал: вытащить потихоньку, или резко выдернуть, и как-то самопроизвольно рванул щипцы. Качок взвыл от боли и, выругавшись матом, схватился рукой за бок.

-- Ты че, сука, больно ведь, еб..!

-- Ничего Андрей, все нормально, -- спокойно сказал я ему, разглядывая осколок вытащенный из раны.

-- А ну дай сюда, -- сказал ротный протягивая руку.

Я подал ему щипцы.

-- Что это за чертовщина? -- спросил Хасан.

Я оглянулся, оказывается, все пацаны собрались вокруг нас, и наблюдали за процессом.

-- Это медная рубашка от пули ДШК, товарищ старший лейтенант, -заметил я.

-- Да, ты прав, Юра, -- ответил ротный.

-- Качок, тебе повезло, ты в рубашке родился, -- показывая на окровавленный осколок сказал Хасан.

Медная оболочка пули была ровно развернута, и походила на отрезанный под конус кусок красного картона.

-- Надо же, как ровно развернулась, прям как из под пресса, на, Андрей, бери на память, -- сказал ротный, протягивая осколок Качку.

Качок взял кусочек медяшки и, внимательно посмотрев на нее, сказал:

-- Я же говорил, что у меня что-то торчит в бочине, а вы не верили.

-- Ну ладно, мужики, давайте закругляться, пора сваливать отсюда, -скомандовал ротный и, посмотрев на Качка спросил:

-- Ну, как ты, Андрей, в госпитализации нуждаешься?

-- Да нет, товарищ старший лейтенант, со мной все будет нормально, бывало и похуже, -- ответил Качок.

-- Ну, тогда по машинам, и вперед, -- махнув рукой, сказал ротный, и направился в свой БТР.

МИНА

-- Урал, перебинтуешь Качка в БТРе, -- сказал я Уралу, потом подхватил за руку Качка, Хасан взял его с другой стороны, и мы направились в БТР. Качок держал рану куском бинта, между пальцев сочилась кровь. Мы подвели Качка к десантному люку, дальше он полез сам. Хасан и Сапог запрыгнули на броню, а я полез в люк за Качком, поддерживая его сзади.

-- Юра, да не пекись ты обо мне, я нормально себя чувствую и сам смогу залезть, -- сказал мне Качок.

-- Ну, мало ли чего, вдруг тебе помощь нужна.

-- Нет, не нужна, да и вообще, я уже залез.

Я тоже залез в БТР и захлопнул люк.

-- Ну как все, на месте? -- спросил Туркмен.

-- Да, все. Поехали давай, -- сказал я.

-- Духа нету, которого я притащил, -- опомнился Урал.

-- А где он? -- спросил я.

-- Там впереди БТРа лежит, -- ответил Урал.

-- Да на хрен он сдался, этот твой дух, -- сказал я Уралу, и крикнул Туркмену:

-- Туркмен! Там где-то впереди БТРа дух раненый лежит, переедь через него.

-- Щас сделаем, какой базар, -- ответил Туркмен.

БТР сначала отъехал назад, потом резко двинулся вперед.

-- Аля, бесмеля, готов душара, -- произнес Туркмен.

В командирский люк заглянул Хасан и выкрикнул:

-- Э-э, мы духа задавили!

-- А тебе что, жалко его стало? -- спросил Туркмен.

-- Да в общем нет, ну я думал, может, взяли бы его с собой, да поприкаловались бы с него.

-- Что, за два года не наприкаловался еще? -- сказал я Хасану.

-- Да он, наверно, снюхался с этим духом, пока они там базарили, -приколол Хасана Туркмен.

-- Да, кстати, а о чем вы там с этим духом трещали, а, Хасан? -спросил я его.

-- Я спрашивал, откуда они.

-- Ну, и откуда?

-- С гор, там у них бой идет с десантурой, а эти раненых развозили по кишлакам, и тут мы им обломились, ну а дальше случилось то, что случилось, -- ответил Хасан и голова его исчезла из поля зрения.

Урал разорвал санитарный пакет и достал бинт. Качок убрал руку с окровавленным шматком бинта, кровь хлынула из раны. Урал по быстрому начал перевязывать рану.

-- Может, зашьем рану, Качок ты как на это смотришь? --

предложил я.

-- Смотрю отрицательно, ты и так мне чуть кишки не вырвал, -проговорил Качок, стиснув от боли зубы.

-- Скажи спасибо, что рубашка развернулась так ровно, а то бы точно кишки вырвало.

-- Да уж, ты прав, Юра, мне самому интересно, как это она так ровно распласталась.

-- А куда ты ее денешь, а, Качок, на шее будешь таскать, да? - поинтересовался Урал.

-- В жопу засуну, -- простонав, ответил Качок.

-- А ну, покажи, как ты это сделаешь? -- спросил я Качка.

-- Да пошел ты, и без того тошно. Черт что-то кровяна хлещет через бинт, -- приподнимаясь и смотря на рану сказал Качок.

-- Урал, на еще пакет, намотай побольше, -- я подал Уралу еще один пакет.

-- Качок! Как ты там, живой еще!? -- крикнул Хасан, опять заглянув в командирский люк.

-- Нет, не живой, помер ужо! -- ответил ему Качок.

-- Пусть будет земля тебе пухом, Качок, -- опять крикнул Хасан.

-- Аминь, -- ответил Качок.

-- Хасан, забей лучше косяк, -- обратился я к Хасану.

-- Осталось всего на косяк, и больше нету, -- ответил Хасан.

-- Забивай давай, приедем на место, у пацанов возьмем, -- сказал я.

Хасан запрыгнул в командирское сиденье и принялся за дело, он достал иголку, насадил на нее кусочек чарса, потом подогрел его на огне от спички, и раздавил пальцами.

Мы часто так делали, грели чарс на огне, и пока он горячий, раздавливали его пальцами, а так он был прессованный и жесткий. Иногда мы отламывали от лепешки маленькие кропалики величиной со спичечную головку, но этот процесс был долгим, да и пальцы от этого болели, особенно указательный и большой, и ногти этих пальцев всегда нарывали.

Окно напротив командирского сиденья было закрыто защитным щитком, так как оно было выбито пулей от ДШКа. Хасан сначала привстал поближе к открытому люку, но там был ветер, который мог сдуть чарс с ладони, Хасан наклонился к Туркмену и стал забивать, пользуясь светом от его окна.

-- Хасан, не мешай ехать, иди забей возле лампочки, -- сказал Туркмен отталкивая Хасана.

-- Дай забить, Туркмен, потерпишь пару минут, -- возмутился Хасан и снова наклонился к водительскому окну.

-- Хасан, сука! Над обрывом едем, не видишь что ли. Вали

отсюда со своим чарсом, сейчас, вон, в пропасть улетим к чертям собачьим, -- крикнул Туркмен и снова отпихнул Хасана. На этот раз Хасан перелез в десантный отсек, и начал забивать под лампочкой, плафоны в десантном отсеке были бледно-зеленого цвета, и видимость была плохая, но руки Хасана были с детства натренированны на это дело, и он без особого труда забил косяк. После чего посмотрел на нас, и спросил:

-- Ну, кто будет?

-- Все будут, чего зря спрашивать, -- сказал я Хасану.

-- Я не буду, мне и браги хватает, -- ответил Туркмен.

-- А я курну маленько, -- отозвался Качок.

-- Может Сапога обдолбим, -- предложил Урал.

-- Да он тогда ваще потеряется навсегда, и бесповоротно, -- ляпнул Хасан, прикуривая косяк.

Мы курнули косяк, стало легко и свободно, все обломы, те, что были и те, что будут, стали как-то глубоко похеру. Я прыгнул в командирское кресло и натянул шлемофон, как раз в это время шли переговоры между ротным и комбатом, из наушников доносилось прерывистые слова:

-- Березка, Березка, я Тайга. Как слышно? Прием.

Березка -- это позывной нашей роты, а Тайга -- это комбат, он был родом из Сибири, и позывной у него был или Тайга, или Сосна.

Дальше послышался ответ ротного:

-- Я Березка, слышно нормально. Где вы, Тайга?

-- В одиннадцатом квадрате. Березка, почему не выходили на связь, как у вас?

-- У нас все нормально, с караваном пришлось повозиться, один ранен, но не тяжело.

-- Березка, давайте быстрее подтягивайтесь, до темноты надо кишлак прочесать, сейчас над ним работают штурмовики. Полк уже здесь, артдивизион на подходе. Как понял?

-- Все понял, минут через сорок будем на месте. Конец связи.

Я снял шлемофон и повернулся к пацанам.

-- Полк уже подъехал.

-- Куда подъехал? -- спросил Хасан.

-- Туда подъехал, -- ответил я, показывая указательным пальцем по ходу БТРа.

-- Юра, че ты паришься, какой полк, куда подъехал? -- опять спросил Хасан.

-- Полк, говорю, подъехал, он уже на месте. Понял? Я хрен его знает, где точно, в одиннадцатом квадрате, короче. Но это херня, сейчас на прическу пойдем.

-- Че, по рации услышал, да? -- спросил Урал.

-- Да, ротный с комбатом только что базарили, -- ответил я.

-- А что еще они базарили? -- спросил Туркмен.

-- Да не много. Комбат спросил, чего не выходили на связь, полк говорит, уже подошел, в кишлаке работают вертушки, по приезду будем чесать кишлак, в общем.

-- А че, завтра что ли нельзя прочесать, обязательно сегодня, -- начал возмущаться Хасан.

Я протянул ему шлемофон, и сказал:

-- На, скажи это комбату.

Хасан махнул рукой, взял автомат и полез на броню, за ним вылез Урал. Стало слышно, как разносился раскат взрывов, где-то вдалеке.

Туркмен думал о чем-то о своем, в такие минуты с ним бесполезно говорить, он все равно ничего не будет слушать. Качок кемарил, он потерял много крови, и по этому его от слабости тянуло на сон. Я взял автомат, запрыгнул наверх и сел на броню, облокотившись о крышку люка.

Хасан с Сапогом о чем-то беседовали, сидя возле баков с водой, точнее, Хасан что-то втирал Сапогу, а тот слушал и кивал. Я осмотрелся вокруг, справа от нас были отвесные скалы, слева глубокая пропасть, ехали мы по горной дороге, ехали медленно, так как эта опасная дорога шла серпантином.

Я сидел и думал, сколько же, черт возьми, за эти два года пришлось исколесить по этим проклятым горным дорогам, и сколько бронетехники улетело в пропасть вместе с экипажами. Куда ни глянь, везде братские могилы, да вообще весь Афган -- это братская могила. Из этой войны два выхода, как при менингите, или умер, или сошел с ума, и еще не известно, что лучше.

Помню, как-то в наш детдом, какие то блатные притащили видик, в начале восьмидесятых это была диковина, мы никогда не видели ничего подобного. Показали нам фильм ужасов, мы были ошарашены, после этого просмотра я первое время боялся один оставаться в темноте. А сейчас, после всего увиденного и пережитого в Афгане, и вспоминая этот фильм, я про себя думаю, какая это была наивная сказка. Видеть ужасы на экране, и видеть их в натуре, мало того, еще и участвовать во всем этом кошмаре самому, поверьте мне, это огромная разница.

Я посмотрел на Сапога, как раз в этот момент он перечитывал какие-то письма, наверно из дома. Ах, как я ему завидовал в этот момент, сам я за эти два года в Афгане не получил ни одного письма. Да и кто мне напишет, у меня ведь нет никого, ни родных не близких. А если вы спросите, как же друзья по детдому? Да они, скорее всего, по зонам расфасованы, и того, что я сейчас в

Афгане, они возможно и не знают. И когда в роту приносят почту, на душе такая тоска наступает, аж выть охота, в такие минуты начинаешь думать, застрелиться что ли, один хрен никто оплакивать не будет. И вот видя, как Сапог читает письмо, мною опять овладели подобные мысли.

Вдруг БТР ротного резко остановился, мы уткнулись ему в зад.

-- Что случилось?! -- крикнул Хасан.

-- Петруха увидел на дороге что-то похожее на мину, -- ответил Закиров.

Меня как током ударило.

-- Товарищ старший лейтенант, разрешите -- я пойду, -- крикнул я.

-- Бережной, ты знаешь, на что идешь, -- ответил ротный.

-- Да, я знаю, разрешите выполнять?

-- Иди, Юра.

-- Есть, -- ответил я, и направился в сторону мины.

Я подошел к месту, где предположительно должна была находиться мина и откинул несколько камней. Под камнями и вправду лежала мина, это была английская мина с круглым пластмассовым корпусом и резиновым взрывателем на воздушной подушке. Такая мина с первого раза могла и не сработать, взрыватель срабатывал от давления воздуха внутри воздушной подушки, так что неизвестно где она шарахнет, или под первым колесом первого БТРа, или посреди колоны.

Вдруг откуда-то появился скорпион и заполз на мину, наверно, вылез из под камней, которые я расшевелил.

-- Дурила, знал бы ты, на чем сидишь. А ну, кыш отсюда, -- я махнул рукой.

Скорпион ощетинился и принял боевую позицию, жало его было наготове и клещи подняты к верху, он, постояв немного в такой позе, стал потихоньку пятится назад.

-- Что, разозлился, сученок? Вот так все вы здесь к нам относитесь. Наверно думаешь, явились сюда гости не званные, в чужой монастырь со своим уставом. Да хотя, что ты можешь думать, тупое насекомое? -- я вытащил штык-нож и, подцепив скорпиона острием, откинул его в сторону.

Потом я посмотрел на круглый черный пятак взрывателя, на душе была какая-то пустота, страха я не ощущал. Возможно, по этой мине уже кто-нибудь проезжал, а может нет, с какого времени она стоит, неизвестно, может час, может день, может год, черт ее знает. В голове промелькнула страшная мысль, сейчас стоит нажать на эту черную точку и все, быстрая и безболезненная смерть, тебя разорвет на куски, не успеешь даже

осознать, что произошло. Я не раз видел, как умирают мучительной смертью, видел, как горят живьем. Не раз приходилось видеть, как духи подбрасывали наших пленных после жутких казней, на них страшно было смотреть, тела были изувечены до неузнаваемости. Я не хотел такой смерти, я всегда думал, пусть лучше убьют сразу, но только бы не остаться калекой, или мучиться, перед тем как умереть. А тут передо мной лежала мина, я был один на один с этим смертоносным механизмом, и был выбор или жить, или умереть. Я где-то слышал, что у каждого человека все предрешено судьбой, или, как еще можно выразиться, "на все воля божья".

Но все-таки, если я не хочу жить, то меня уже ни что не остановит, ни судьба, ни воля божья. Подумав об этом, я протянул руку к мине, и нажал на резиновый взрыватель. По спине пробежала мелкая дрожь, и я почувствовал, как на лбу выступил холодный пот, сердце бешено стучало. Мина не взорвалась, я со злостью ударил кулаком по взрывателю с криком:

-- Черт, будь ты проклята, сука!

Дальше играть в русскую рулетку у меня не хватило духа, когда она взорвется неизвестно, а испытывать эти муки после каждого нажатия у меня не было сил, и я встал.

-- Бережной! Ну, чего там такое?! -- крикнул ротный.

-- Мина на воздушной подушке, сейчас я ее вытащу! -- ответил я и снова присел на корточки.

Я небрежно отбросил еще несколько камней прикрывающих мину, разгреб землю вокруг нее и, взявшись за корпус, вытащил мину из ямы. Повертев ее в руках, я подумал, да, тяжелая зараза, и, оглядевшись вокруг, бросил мину в пропасть, потом посмотрел на место, где она лежала, и увидел пару торчащих наконечника от танковых снарядов. Духи частенько ставили подобные мины, сверху обычная мина, а снизу один или два снаряда от танка или САУ. Если такая дура ухнет под БТРом, то днище от взрывной волны прилипает к потолку, и если кто в это время находится в десантном отсеке, то его по стенам размажет. Сидя на броне, еще есть шанс остаться целым, а вот водилам частенько доставалось от таких мин.

Но это еще ничего, вот разок мне пришлось увидеть, как танк наехал на мину, под которой лежала авиабомба. Так там шандарахнуло так, что от танка катки и траки как семечки разлетелись в разные стороны, башня улетела как фанера, а броню разорвало как жестянку. От экипажа ничего не осталось, а от командира танка, который ехал высунувшись из люка башни, нашли лишь голову, которая отлетела метров на сто от взрыва.

-- Ну, ни хрена себе арсенал, -- произнес я шепотом, глядя на головки снарядов.

На мгновение я даже пожалел, что хотел взорваться на этой мине, черт возьми, чтоб от меня осталось? Наверно одна пыль, б-р-р-р, какая жуть, надо взять себя в руки, иначе, когда ни будь точно на тот свет загремишь, да к тому же по своей дури. Пацаны не хотят умирать и умирают, а меня считай, постоянно проносит, это же, можно сказать, голимая везуха, а я, дурак, сам сую башку в пекло, нет, хватит, надо это дело прекращать, а мысли эти дурацкие надо выкинуть из головы.

-- Юрка, ну че ты там сидишь? Солнце вон уже заходит, -- крикнул Петруха.

-- Все нормально, можно ехать, -- крикнул я в ответ, и направился к машинам.

Я не торопясь шел к своему БТРу, взгляд мой был устремлен вперед, но смотрел я в никуда, как бы насквозь, а все окружающее видел каким-то боковым зрением.

-- Юра, с тобой все в порядке? -- услышал я голос ротного, когда поравнялся с его машиной.

-- Да, командир, я в порядке.

БЛОК

БТР ротного тронулся с места и, гудя движками, прокатил мимо. Я запрыгнул на броню, и наш БТР тоже двинулся. Все сидели и молча смотрели на меня, мне это надоело и, посмотрев на всех по очереди, я спросил:

-- Ну, че вы на меня уставились?! Видите, живой я, живой! Понятно?

-- Да нет, мы видим, что ты живой, только ты бледный весь, -- негромко сказал Хасан.

-- А ты что хотел, Хасан. По-твоему, я должен сиять от радости, да? Сейчас вот возьму гранату, сорву кольцо, а потом отпущу чеку, дам тебе ее в руки и посмотрю после этого на твою рожу.

-- Да успокойся ты, Юра, я же не подкалываю тебя.

-- Я сейчас как раз спокоен. Это пять минут назад я беспокоился. А где Сапог?

-- Там внутри, наверно, где же еще ему быть, -- ответил Урал.

Я постучал автоматом по броне и крикнул в люк:

-- Сапог, вали сюда!

Из люка показалась голова Сапога, он вопросительно посмотрел на меня.

-- Хватай кружку, канистру и налей каждому по кружке браги. Мне кажется, повод для этого есть? -- Я посмотрел на пацанов.

-- Да, да, конечно, какой базар! -- воскликнул Хасан, потирая

ладони.

-- Хасан, я с тебя балдею, меня чуть миной не разорвало, а тебе лишь бы браги вмазать. Если б меня разнесло, то вы бы за упокой всю канистру выжрали, наверно.

-- Да, конечно, и еще бы у ротного заняли, -- подколол Хасан.

Появился Сапог, Хасан взял у него из рук налитую кружку и передал мне со словами:

-- Но не разорвало же, так ведь? Это значит, долго будешь жить. Понял?

-- Да, поживешь тут, --пробубнил я себе под нос, потом приподнял кружку со словами:

-- Ну ладно, пьем за нас, чтоб долго жили, и за тех, кому не досталось пожить.

Я выпил, потом все остальные вмазали по кружке. Солнце быстро заходило за горизонт и начало быстро смеркаться. В низине у подножья гор показался наш полк, отчетливо была слышна стрельба, и трассера веером летели во все стороны; расстояние до полка, было километра два.

Я осмотрелся вокруг и промолвил с досадой в голосе:

-- Через полчаса будет темно, если погонят на проческу, я лучше застрелюсь нахер.

-- Да не погонят никуда. Полкач наш не дурак ведь? -- произнес Хасан.

-- Да хрен знает, что у них там на уме, -- вмешался в разговор Урал.

-- А что, на блоке легче? Наверху десантура укрепилась, туда духи не полезут, а через блоки попробуют прорваться, как пить дать. Да и ваще, че гадать, приедем посмотрим, -- закончил я.

-- Черт, мы мясо от верблюда забыли, -- воскликнул Хасан.

-- Ну, а че ты его не забрал? -- спросил я Хасана.

-- А ты че не забрал?

-- Да мне до мяса было, что ли. Да и вообще, ну его нахер это мясо, с ним возиться одни проблемы. Лучше подумайте, как мы сейчас спускаться вниз будем, -- сказал я, показывая пальцем на крутой спуск.

Дорога круто пошла вниз, и БТРы наши на пониженных скоростях начали спускаться вниз по горной дороге, местами приходилось съезжать на тормозах, и казалось, что вот-вот занесет машину, и улетим мы все в пропасть ко всем чертям. Мы молча смотрели вниз по ходу БТРа и держались за броню, чтоб не выскользнуть, каждый в душе молил бога: быстрее бы добраться до подножья.

Ну вот, наконец, мы и внизу, я глянул на часы, спускались мы чуть более двадцати минут, а казалось, что прошла целая

вечность. Впереди уже отчетливо были видны наши блоки, невдалеке от них расположился артдивизион, чуть дальше расквартировалась ремрота и медики. Весь кишлак был взят в полукольцо, через каждые сто метров стоял БТР или танк, со стороны блоков по кишлаку велся беспорядочный огонь.

При подъезде к блокам машина ротного свернула в сторону и остановилась возле БТРа комбата, там же стоял БТР взводного, мы тоже свернули и стали рядом. Ротный спрыгнул с брони и пошел на доклад к комбату. Я и Хасан тоже спрыгнули, и направились к БТРу взводного узнать от пацанов, что тут за обстановка.

Взводный как орел восседал на башне БТРа, повернувшись к нам, он ехидно так заявил:

-- Ну что, вояки, явились? Пока вы там болтались где-то, мы успели с духами постреляться.

-- Ну а вы, товарищ лейтенант, уже шило намылили, чтоб дырку в кителе для ордена колоть? -- ляпнул со злостью Хасан.

-- А ну, повтори, что ты сказал? Ты сержантишка чмошный, да я тебя разжалую нахер, и не посмотрю что ты дембель, да ты у меня будешь ходить с одной соплей, я тебя вонючим вафлейтером сделаю.

Я заметил, как Хасан весь напрягся и побелел от злости, рука его с силой сжала цевье автомата висящего на плече. Я дернул Хасана за рукав.

-- Хасан, успокойся, не стоит вязаться с этим козлом, -- негромко сказал я ему.

Но Хасан с силой отдернул руку, и почти срываясь на крик, заявил, глядя взводному в глаза:

-- Лучше заткнись, пиздюнант вшивый! Не ты мне давал эти лычки, не тебе и снимать, а когда я их получал, ты в это время, салабон сопливый, еще зеленым кадетом "машку" (полотер) тягал по казарме.

Взводный привстал от удивления, глаза его округлились, он некоторое время даже не мог подобрать слова, а Хасан стоял и смотрел на него, готовый ответить на любой выпад взводного. А я стоял и наблюдал, что же произойдет дальше, тормозить Хасана было бесполезно, когда он в таком состоянии, ему никакие убеждения не помогут.

Вдруг сзади раздался голос ротного:

-- Что здесь за разборки? А ну прекращайте! Не хватало еще драки. Гараев, Бережной, а ну быстро в машину и поехали. Давайте быстро, быстро. Гараев, кому сказал, быстро в машину.

Мы с Хасаном направились к своему БТРу.

-- Я с тобою в полку разберусь, -- крикнул взводный Хасану

вдогонку. Хасан повернулся, но я схватил его за плечо, развернул, и толкнул вперед.

-- Ну все, хватит на сегодня, потом в полку разберетесь, -- сказал я Хасану.

-- Да я его пристрелю как собаку! Вот пидор, думает, раз он шакал, то можно борзеть без меры.

-- Да успокойся ты, наконец.

-- Я спокоен, пусть этот козел теперь беспокоится, я ему устрою, -- не унимался Хасан.

Мы подошли к БТРу и запрыгнули на броню.

-- Ну что, куда едем? -- спросил Туркмен, высунувшись из люка.

-- А хрен его знает, -- ответил Хасан.

Я вдруг вспомнил, что Качка надо к медикам завезти, он же с температурой в БТРе валяется.

-- Блин, Качка же надо к медикам. Туркмен, скажи ротному по рации, что мы завернем к медикам, пусть посмотрят рану Качку, может, у него там кишки порубило, у него вроде как температура, или, может, он от браги такой горячий. Ну, короче, передай и завернем к медикам. Понял?

-- Да передам, не волнуйся, -- ответил Туркмен.

-- Че, к медикам едем? -- спросил Хасан.

Я посмотрел на него, и ответил:

-- Да, едем. А че?

-- Давай сначала к танкистам заскочим, возьмем чарса, к тому же они вон, рядом.

-- Да пошел ты со своим чарсом! Не успеешь что ли? Качок, вон, горит весь, -- ответил я Хасану.

-- Да не, я ниче не имею против, поехали к медикам, просто я хотел как лучше, -- оправдывался Хасан.

-- Туркмен! -- крикнул я.

-- О-у! -- раздалось из люка.

-- Ну, че там ротный базарит? -- спросил я заглянув в люк.

-- А че он скажет? Говорит, езжайте, раз надо, потом на блок станем между крайним танком и БТРом Грека. И еще сказал, что полкач приказал ночью вести беспокоящий огонь в сторону кишлака, боеприпасов хватает. А утром рано на прическу, надо успеть до ветра, а то если "афганец" подымет песок с пылью, то пиз...ец. Нас наверняка вертушки поддерживать будут, а то получится как в Шолбофоне, когда пехоту из соседнего полка свои же вертушки ракетами накрыли.

-- Ты мужиков из санчасти хорошо знаешь? -- спросил я Туркмена.

-- Ну как тебе сказать, общаемся, в общем.

-- Шириво можешь у них выцепить, морфия пару стекол хотя бы.

-- Да не знаю, спрошу, в общем. А чего это ты морфий захотел? Сейчас у мужиков героина возьмем.

-- Да героин бадяжить надо и все такое, хлопотно, а морфий набрал, ширнулся, и нет проблем.

-- Ты что, Юра, вмазаться захотел? -- спросил удивленно Туркмен.

-- Да не сейчас, завтра кишлак чесать будем, а там мало ли чего, я боли не выношу, если что, то ширнусь, а потом пусть хоть в "цинковый фрак" одевают.

-- Ладно, сделаем.

-- И "баян" возьми.

-- А твой где?

-- Разбил, давно еще.

-- Ну ладно, возьму, какой базар.

БТР наш резко остановился, я стукнулся головой об крышку люка.

-- Приехали, -- сказал Туркмен, посмотрев на меня, и засмеялся, увидев, как я долбанулся башкой.

-- Тормозить надо плавно, водила ты липовый, -- сказал я Туркмену.

-- Так точно, товарищ сержант. Каску надо одевать, Юрик.

Я спрыгнул и осмотрелся: уже изрядно стемнело, на горизонте показался серп луны, это хорошо, что ночь лунная, из-за луны опасность налета резко снижалась, и наблюдающим было намного легче. За мной следом спрыгнул Хасан и Туркмен, рядом стояла палатка медиков и несколько "таблеток".

-- Ну, я пошел к земляку, заодно и позову какого-нибудь айболита, -сказал Туркмен и, махнув рукой, пошел в палатку. Спустя примерно минуту из палатки вышел капитан медиков и, подойдя к нам, спросил:

-- С чем пожаловали, воины?

-- С раненым, товарищ капитан, -- ответил я.

-- А кто ранен-то, носилки надо?

-- Да нет, вроде не надо, --ответил Хасан.

Я постучал по крышке десантного люка и крикнул:

-- Урал, Качок! Ну че вы там?

-- Уже выходим, Качок спал как убитый, еле разбудил, -- ответил Урал открыв люк.

Потом показалась голова Качка с сонной рожей.

-- Где мы? -- спросил он сонным голосом.

-- В раю, Качок, ты помер и в рай попал, вот ангел стоит, -- сказал Хасан, показывая на капитана.

-- Да пошел ты, Хасан, знаешь куда? -- пробубнил Качок и, держась за бок, вылез из люка.

-- Сам можешь идти? -- спросил капитан Качка.

-- Да, могу.

-- Ну все, ребята, отремонтируем мы вашего товарища, будет как новый, а вы можете ехать.

Мы сели рядом с БТРом и стали ждать Туркмена. Минут через десять появился Туркмен и, подойдя к нам, бодро сказал:

-- Ну че, заколебались, наверно, меня ждать?

-- Да нам, в общем-то, похеру, или здесь сидеть или на блоке, -сказал, вставая, Хасан.

-- Тогда прыгаем и поехали, -- воскликнул Туркмен и, ударив меня по плечу, добавил:

-- Все нормально Юра, сделал все, что ты просил.

-- Ну, я не сомневался, ты, Туркмен, всегда все делаешь как надо.

Туркмен протянул мне сверток из бумаги со словами:

-- На, держи, здесь "баян", пара стекол морфия и пара промедола.

-- Ну ты, Туркмен, молодец, я твой должник.

-- Да ладно, сочтемся, -- сказал Туркмен, залезая на БТР.

Я запрыгнул в десантный люк, и мы тронулись с места.

Подъехав к блокам, мы стали между танком и БТРом Грека. Луна заметно поднялась, и стало более или менее светло, даже вдали вырисовывались силуэты, с одной стороны -- танка, с другой -- БТРа.

-- Ну что, мужики, может браги вмажем на ночь грядущую, и заодно похаваем? -- спросил я пацанов.

-- Глупый вопрос, конечно же, вмажем, -- сказал Урал.

-- Не, подождите немного, я к танкистам за чарсом смотаюсь, -предложил Хасан, и подозвав Сапога, сказал:

-- Возьми большую фляжку, пластмассовая которая. Понял? И набери в нее браги, только не разливай, а то я тебя задушу.

Сапог, сняв свою флягу с ремня, начал шариться по отсеку, ища вторую фляжку в полумраке.

-- В вещмешке моем возьми, тормоз, а то до утра будешь здесь лазить, -сказал я Сапогу, и показал пальцем, где лежал мой вещмешок.

Сапог, недолго порывшись в мешке, нашел фляжку и вылез на броню за брагой.

-- Пошли на свежий воздух, чего мы здесь сидим в этом железе, -предложил Туркмен.

Мы все вылезли из люков и расположились позади БТРа, чтоб огоньками от сигарет не привлекать внимание духовских

снайперов.

Через минут пять появился Сапог с фляжками, и Хасан, взяв их, отправился к танкистам за чарсом, а мы расположились поудобней, закурили и стали болтать о всякой ерунде.

Минут через сорок появился Хасан, он был обдолбленый в доску. Хасан подошел и сел напротив, он смотрел на нас, мы смотрели на него.

-- Ну, че ты пялишься своей обдолбленной харей. Взял то, за чем ходил, или забыл за чем ходил? -- спросил я Хасана после небольшой паузы.

Хасан протянул кусок лепешки величиной с пачку сигарет и пару пластинок.

Я взял у него одну пластинку и положил себе в карман.

-- Остальное пусть у тебя будет, -- сказал я Хасану.

-- У меня еще что-то есть, -- заплетающимся языком прошепелявил Хасан.

Он залез во внутренний карман, вытащил небольшой пакетик и начал размахивать им у меня перед глазами, улыбаясь, как медведь после бани.

-- Че это такое? -- спросил я его.

-- А это белый порошок, который называется героин, если я не ошибаюсь, -- произнес Хасан.

-- А я-то думаю, чего это ты такой балдежный. Ну, давай сюда эту герашу, мы сейчас ее хапнем, а тебе, по-моему, хватит, нам еще брагу квасить, -- сказал я, забирая пакетик у Хасана.

-- Не, я еще хапну маленько, -- пролепетал Хасан.

-- Вот крендель, нахапался уже до упора, а все равно мало. Ну ладно пусть хапает, нам браги больше достанется, -- произнес Туркмен.

-- А я и брагу буду тоже.

-- Ну, это мы посмотрим позже, -- сказал я Хасану, и обратился к Сапогу.

-- Сапог, тащи сюда хавку, только кашу не бери, ее греть надо, бери тушенку и завтрак туриста, готовь на стол и брагу тащи.

Я размотал пакетик и посмотрел на содержимое, в темноте не очень-то разглядишь, и я спросил:

-- У кого есть зажигалка или спички, посветите, а то не разберусь?

Урал зажег спичку, и заглянул в пакетик:

-- О-о-о, да здесь пол-Китая можно раскумарить, -- произнес с удивлением Урал.

Я снял часы, вытащил штык-нож и отковырнул заднюю крышечку от часов, потом достал шариковую ручку, открутил ее и, вытащив пасту и колпачок, положил их обратно в карман,

оставив только нижнюю часть.

-- На, Урал, будешь первым, -- я протянул ему половинку от ручки и спросил:

-- Пятак есть?

-- Да, есть, -- ответил Урал и достал из кармана пятикопеечную монету (пять копеек мы клали ребром под язык, когда затягивались дымом от героина, дым был горячий и мог обжечь горло, а проходя через медный пятак, дым остывал, половинка от ручки заменяла трубочку, через которую втягивался дым).

-- Сапог, щипцы тащи сюда.

Сапог сбегал и принес щипцы, которыми я вытаскивал из Качка "рубашку" от пули. Я взял щипцы, зажал в них крышку от часов и сказал Уралу:

-- Давай, сыпь дозу.

Урал насыпал небольшую горку героина на крышку.

-- Туркмен, давай поджигай.

Туркмен взял у Хасана из кармана зажигалку, поджег, и направил пламя на дно крышки от часов. Урал закинул под язык пятак, потом взял в зубы трубку от ручки и приготовился ловить дым от сгорающего героина.

-- Ну смотри, Урал, не промажь, -- сказал я ему.

Через несколько секунд появился дымок, Урал втянул его через трубку, после чего посидел некоторое время, потряс головой и передал трубку и пятак Туркмену.

-- Татарин уже приплыл, -- сказал Туркмен, беря у него причандалы. После чего Туркмен провел такую же процедуру, потом ее проделал я, кайф сначала волной прошел по всему телу, потом навалилась приятная расслабуха.

Я, летая в нирване, вдруг почувствовал, что кто-то трясет меня за плечо. Повернувшись, я увидел Хасана, который вопросительно-обдолбленным взглядом смотрел на меня. Я, преодолевая бешенный кумар, выдавил вопрос:

-- Хасан, что тебе надо?

-- Юра, про меня забыли что ли?

-- Урал, дозу! -- обратился я к Уралу, и протянул ему крышку от часов и пакет с героином.

-- Айн момент, -- прошипел Урал и, взяв пакет, насыпал дозу в крышку.

Я чиркнул зажигалкой, и поднес пламя к дну крышки.

Пока Хасан взял трубку и прицелился, героин сгорел и дымок улетучился.

-- Хасан, тебе надо дым взять, положить в ложку, и засунуть в рот? Хочешь хапнуть -- сам делай, -- сказал я, и бросил щипцы с

крышкой на землю.

-- Юра, ты меня глухо обломал, -- выдавил Хасан.

-- Хреново, когда тебя обламывают? -- спросил я к Хасана.

-- Да, Юра, хреново, -- ответил Хасан.

-- Раз знаешь, тогда не обламывай меня. Если хочешь, то припаши Сапога, пусть он на тебе тренируется.

-- Ну ладно, хрен с ним, потом хапну.

Вокруг раздавалась беспорядочная стрельба, пунктиры трассеров, пересекая друг друга, летели в сторону кишлака, сигнальные ракеты одна за другой вспыхивали в воздухе, освещая территорию. И по раскумарке весь этот фейерверк напоминал дискотеку, только вместо музыки была пальба и трескотня.

Появился Сапог с тушенкой, брагой и кружками, он открыл банки и разлил по кружкам брагу.

Мы сначала накинулись на еду, нас начал пробирать голодняк. Немного подкрепившись, мы начали потихоньку, небольшими глотками пить брагу, утоляя навернувшийся сушняк. Брага была в самый раз, в меру крепкая, до конца не доигравшая, и была похожа на шипучку.

Вдруг по броне зазвенели пули, мы пригнулись и обалдели. Что за хрень такая, откуда?

-- С кишлака, что ли, долбят? -- спросил Туркмен.

-- Да хрен его знает. Наверно. А может наши дураки запарились? -удивленным голосом ответил я.

-- В кишлаке ДШК работает, пули об лобовую броню рикошетят, -- сказал Туркмен.

Нас начали пробирать шуги, такое по раскумарке часто случается.

-- Сапог, неси сюда автоматы! -- крикнул Хасан.

-- И мой гранатомет, -- добавил Урал.

-- И ящик с гранатами, -- крикнул я.

-- А гранаты нафига? -- спросил Хасан.

-- Да пусть будут, так спокойней.

Сапог притащил охапку автоматов и гранатомет, положив все это рядом с нами, он снова убежал, и через время появился с ящиком гранат.

-- А где гранаты от гранатомета? Тормоз! Чем я буду стрелять? Черт возьми! -- кричал Урал, тряся трубой перед мордой Сапога.

-- Татарин, да пошел ты со своим гранатометом. Сапог, давай открывай запалы быстрей и вкручивай их в гранаты. Быстро! -- крикнул я.

Сапог схватил банку с запалами и начал открывать.

-- А вдруг они взорвутся. Целый ящик, прикиньте только. Нас

вместе с БТРом разнесет, -- испуганно произнес Урал, отодвигаясь от ящика с гранатами.

-- Сапог, неси отсюда ящик нахер! -- опять крикнул я.

Сапог, весь в непонятках, схватил ящик и убежал опять в БТР.

-- Стоп! Стоп -- мужики, -- заорал Туркмен, -- мы все на изменах, хватит париться, давайте спокойно сидеть и пить брагу, а то эти гонки до утра не закончатся.

Мы все притихли и уставились на Туркмена.

-- Ну че вы на меня пялитесь? Включитесь лучше. Какие к черту духи? Они в кишлаке за пару километров от нас, а везде вокруг наши, вон танк, вот БТР Грека. Сапог, наливай брагу, и не слушай этих дураков, а делать будешь, что я скажу. Понял? -- Туркмен посмотрел в упор на Сапога.

Сапог закивал головой.

-- И вы все тоже будете делать, что я скажу. Устроили здесь заморочки. В полку будете гусей гонять. Сейчас пьем брагу, и спать, утром на прическу. Забыли уже? Я буду первым за наблюдающего, а вы за это время разтормозитесь, -- Туркмен взял налитую кружку.

-- Ну, все, пьем -- и через час отдыхать.

Мы молча взяли кружки и выпили. До нас стало доходить, что мы запарились немного, один Туркмен контролировал себя, и никто не осмелился с ним спорить.

Раздалось несколько залпов, это танкисты из пушек долбили по кишлаку, наверное, духи обстреляли танковые блоки.

-- Может и нам пострелять по кишлаку, -- предложил Урал.

-- Да там и без нас стрелков хватает, давай лучше посидим спокойно, -ответил я.

Мы посидели еще часа полтора, выпили по паре кружек браги, за это время кайф от героина немного развеялся, мы залезли в БТР и начали располагаться на ночлег, а Туркмен остался за наблюдающего.

Не знаю, как остальные, а я уснул сразу же и спал как убитый. Сквозь сон я почувствовал, как меня кто-то толкает за плечо, это был Урал, он будил меня на вахту.

-- Сколько время? -- спросил я зевая.

-- Четыре утра, ты последний, там возле бака сигнальные ракеты, если нужны, -- ответил Урал.

-- Ну, ложись тогда, в шесть я всех бужу и будем готовиться.

Я взял автомат, нацепил бронежилет, каску, и залез на броню, изредка доносилась стрельба из блоков, кое-где вспыхивали сигнальные ракеты. Зачерпнув из бака воды, я сполоснул лицо, под утро на улице было прохладно, ночи вообще здесь прохладные, днем сумасшедшая жара, а ночью

пронизывающий холод. Немного гудело в голове от вчерашнего пиршества, но в основном состояние было сносное. Зайдя за БТР я закурил сигарету, пряча огонек в ладони, и залез на броню, за время службы в Афгане прятать сигарету в ладони стало привычкой, даже днем, когда никакой опасности нет, все равно по привычке сигарету прячешь в руке.

Умостившись возле бака с водой, я стал смотреть в сторону кишлака, башня в БТРе невысокая, и поэтому из-за нее хорошо проглядывалась местность впереди БТРа. От нечего делать я начал из автомата стрелять по сигнальным ракетам, трассера ровной строчкой летели в сторону горящей ракеты, но в сигналку не так уж легко попасть. Увидев это, с других блоков тоже начали стрелять по ракетам. Расстреляв обе связки рожков, я достал из ящика цинк с трассерами и, открыв его, начал набивать патронами рожки. Расстреляв еще четыре рожка по ракетам, я посмотрел на часы, было пять утра, время пролетело быстро за этим занятием, сейчас начнет светать.

Через час надо поднимать пацанов и готовиться к прическе, часов в семь, наверное, начнем штурмовать. Исход сегодняшнего боя предвидеть невозможно, но потери будут, это я знал точно. Духи так просто не сдадутся, они загнаны в угол, а загнанный зверь опасен вдвойне, так что строить иллюзии насчет удачного финала не стоит. О том, что меня убьют или убьют кого-то из моих друзей, о таком даже не хотелось думать, но это произойти может, ведь здесь война, и в нас стреляют.

Тяжело в такие минуты оставаться одному, тяжело бороться со своими мыслями, и что хуже всего, от этих мыслей ни куда не деться, они безжалостно преследуют тебя, каждую секунду, каждый миг.

Я задумался о вере в бога, мне нечасто такие мысли приходили в голову, но иногда бывало.

Духи нас называют неверными, по их понятиям мы не верим ни в бога, ни в черта. Это не правда, без веры в бога жить нельзя, просто у каждого свой бог, и верит в него каждый по-своему, и не обязательно для этого ходить в храм или сидеть перед иконой, главное верить. Я никогда не углублялся в понятия какой-либо веры, не читал религиозной литературы, не посещал божью обитель. Если говорят, что бог вездесущ, то зачем идти в церковь, к богу в таком случае можно обратиться отовсюду, где бы ты ни находился.

Что там, за чертою жизни? Я слышал, что, умирая, люди попадают на небеса, и мне всегда представляется эдакая длинная лестница ведущая в небо, и люди, отжившие свой век, вбирающиеся по ней наверх.

Я не заметил, как закемарил, мне в полудреме приснилось, как я взбираюсь по этой лестнице, и видел я себя как бы со стороны. Вот я восхожу на эту лестницу, все старики толпятся у входа, а я захожу на нее откуда-то сбоку и начинаю взбираться, но видел я себя не стариком, а молодым, таким как сейчас.

Очнувшись от дремоты, я заметил, что начало светать, часы показывали полшестого утра, кемарил я минут десять, не больше. Что за чертовщина мне приснилась, я видел себя взбирающегося по лестнице в небеса. Но почему я видел себя таким, как сейчас? Может потому, что я боюсь старости, и мне трудно представить себя немощным стариком, одиноким и никому не нужным. А может быть? Не, не, об этом лучше не думать, только не сейчас.

Стрельба почти прекратилась, кое-где изредка раздавались выстрелы, наверное, всем уже надоело стрелять без всякого толку. Послышался гул моторов, и через минуту подъехал БТР, потом раздался голос комбата:

-- Есть кто живой?!

-- Да есть, товарищ майор. Сержант Бережной, -- ответил я, и выглянул из-за баков.

-- Ну, как дела, сержант?

-- Да нормально, ночь прошла спокойно.

-- В шесть поднимай экипаж, и готовьтесь. После того, как вертушки поработают кишлак, сразу пойдет пехота. Сидите на связи и ждите команды.

-- Понял, товарищ майор.

БТР комбата дернулся с места и поехал в сторону танковой точки. Я спрыгнул с брони и зашел за БТР, чтоб облегчиться по малому, и спокойно покурить. Последние пол часа тянулись долго, в голову непроизвольно лезли мысли о боге, о жизни, о смерти, в сознании всплывал недавний сон. Хотелось закричать: "Да пропади все это пропадом!" и бежать, бежать, бежать -- от жизни, от смерти, от войны, от себя, но что-то сдерживало весь этот порыв, и я покорно сидел и ждал, тешась мыслью, а может, пронесет и в этот раз?

Я посмотрел на часы, ну что ж, пора будить пацанов, хотя солнце еще не взошло, но было уже светло, наступало утро.

Запрыгнув на броню, я залез в командирский люк БТРа, пацаны спокойно спали, посмотрев на них пару минут, я ткнул Туркмена в плечо:

-- Туркмен, вставай, пора.

-- Не, не волде, -- на родном языке выкрикнул Туркмен.

-- Вставай Туркмен, -- я продолжал его трясти.

Туркмен открыл глаза, посмотрел на меня, потом огляделся вокруг и спросил:

-- Юра, это ты? А сколько время?

-- Начало седьмого, буди остальных, -- сказал я ему и вылез на броню.

Я сидел на броне и набивал "магазины" патронами готовясь к прическе, вдали показался БТР, через минуты три к нашему блоку подкатила машина ротного. Пацаны уже попросыпались и начали друг за другом вылезать из люков.

-- Ну, как спалось, вояки? -- спросил ротный.

-- Спалось нормально, теперь надо думать, как бодрствовать будем, -ответил я.

Петруха, высунувшись из люка, начал мне показывать жестами из-за спины ротного, мол, чарс есть?

Я кивнул, Петруха нырнул опять в люк, спустя время из десантного люка вылез Закаров и направился ко мне. Когда он подходил, я заметил у него синяк под глазом, и еще он закусывал губу, судя по всему, она была разбита.

-- Петруха меня послал к тебе, -- сказал Закиров опустив лицо, чтоб я не видел синяк у него под глазом.

-- Кто тебе фонарь поставил?

-- Да это я ударился в БТРе.

-- Кому ты эту туфту вешаешь, Закиров? Ротному будешь эти

сказки рассказывать. Смотри на меня.

Закиров поднял голову.

-- Носорог? -- спросил я его.

-- Да нет, Юра, это я сам.

-- Так, значит Носорог, больше не кому. Ну ладно, я ему Козу сделаю.

Я достал из кармана пластинку чарса и протянул ему, он взял и направился в свой БТР.

Ротный в это время, усердно что-то разглядывал в бинокль.

-- Что там такое, командир? -- спросил я.

-- А это фрагмент из кинофильма "к нам приехал цирк", -- ответил ротный, продолжая разглядывать подъехавшую технику.

-- Какой еще цирк? -- спросил я ротного.

-- Сарбосы прикатили, наверное, с нами на прическу собрались.

-- Это что, шутка? -- с удивлением произнес я, и перепрыгнул на БТР ротного.

-- Да нет же, все это вполне серьезно, -- ответил ротный и протянул мне бинокль со словами:

-- На, посмотри на это ополчение.

Я взял бинокль и стал смотреть: возле крайнего танкового блока действительно расположились сарбосы, там я заметил несколько танков образца Т-34 и пару машин БТР-40. Какой-то сарбосовский офицер стоял на броне танка, и что-то торжественно объявлял своим воякам. Меня приколола видуха БТР-40, этакий броневик с открытым верхом, в кузове которого сидели сарбосовские солдаты в два ряда, они держали перед собой автоматы и слушали офицера.

-- Если одеть буденовки этим воинам в броневике, то смотреться это будет, как Ленин в октябре, -- промолвил я и передал бинокль ротному.

-- Ну ладно, готовьтесь, а я смотаюсь к крайнему блоку, узнаю, что там за катавасия, -- сказал ротный и крикнул водиле:

-- Петруха, трогай!

Ротный укатил в сторону сарбосов, а я продолжил набивать рожки патронами. Подошли Туркмен с Хасаном.

-- Че ротный хотел? -- спросил Хасан.

-- Да так, мотается, делать ему нечего. К нам "зеленые" прикатили, на прическу пойдут тоже.

-- Да ну, сарбосы с нами на прическу? Ты шутишь, Юра, -- удивился Хасан.

-- Да какие шутки, вон они у крайнего блока.

Хасан залез на броню и стал разглядывать сарбосов.

-- Да ты иди глаза промой, и вообще умойся весь, а то у тебя

вид, как будто по твоей роже танки буксовали, -- сказал я Хасану.

-- Точно сарбосы, вот прикол. Сапог, возьми котелок, набери воды и польешь мне! -- крикнул Хасан, слезая с брони.

Со стороны гор показались четыре вертушки и взяли курс на кишлак. Я встал и крикнул пацанам:

-- Мужики, готовимся быстрей, хорош тормозить, вертушки уже летят бомбить кишлак, скоро нас припашут.

Я запрыгнул в БТР и стал надевать на себя причандалы. Особенно готовиться не надо было, все уже было давно готово, "лифчик" затарен всем необходимым, магазины забиты патронами, оставалось все это напялить на себя и ждать приказа к выдвижению. Надев на себя все необходимое, я вылез из машины, и стал все это на себе поправлять. На мне была каска, бронежилет, поверх бронежилета я напялил "лифчик" с дополнительными боеприпасами и сигнальными ракетами. Потом я нацепил фляжку с водой на ремень и затянул его покрепче, чтоб бронежилет не болтался, поверх ремня я надел патронташ с гранатами для подствольника, проверил штык-нож, ножны от которого были закреплены к полусапожку на правой ноги. Ну, вроде все в порядке, и все на месте, и закурив сигарету я приготовился наблюдать, как вертушки будут пахать кишлак, вертушки в это время как раз были на подлете к кишлаку.

Спустя время ко мне подошли пацаны и тоже сели рядом, один Туркмен остался в кабине на рации, мы некоторое время сидели молча, и наблюдали за бомбежкой. Вертушки кругами вились над кишлаком, и черные полосы от ракет то и дело резали воздух, разнося в пыль дувалы.

Хасан достал забитую сигарету и предложил нам, мы отказались, тогда он прикурил ее и стал курить сам. Я вообще удивлялся с Хасана, ему пофигу, когда обкуриться, перед боем, после боя, или во время него. Я же старался не обкуриваться в экстремальных ситуациях, чтоб не торчать на изменах, да и обламываться под кайфом не очень-то приятно, тут и в нормальном состоянии нарываться на засаду облом, а по раскумарке облом в двойне. Хотя в Афгане подобные ситуации предугадать невозможно, и бывало не раз, когда колонна попадает под обстрел, а ты в этот момент накуренный, как удав. Духи, конечно, тоже все обкуренные чарсом, и еще покруче нас. Но тут разные ситуации, духи настроены на обстрел, ждут его и готовятся, поэтому им по кайфу долбить по нашим колоннам, особенно с гор. А мы-то не ожидаем этого, и думки у нас левые, а тут вдруг -- нате вам, посыпался свинец на головы и пошла канонада. И уже после всего произошедшего сидишь и думаешь, неужели я живой, неужели пронесло, и зарекаешься, что все, мол,

больше курить не буду этот проклятый чарс, но проходит час-другой и снова пошел косяк по кругу, и ничего с этим не поделаешь, это Восток, кто не был там, тому не понять.

ПРОЧЕСКА

-- Мужики, готовимся! -- раздался голос Туркмена.

Мы попрыгали на броню и стали ждать команду к движению в сторону кишлака.

Первыми пошли танки, отъезжая, они стали растягиваться, беря кишлак в полукольцо, за ними двинулись наши БТРы. С левого фланга двигались машины второй роты, справа первой, мы были в середине.

Две вертушки отлетели от кишлака и, обогнув горы, исчезли из виду, остальные две, спустившись пониже и кружа почти над самыми дувалами, продолжали бомбежку, видно, им удалось обнаружить духов или пулеметные точки, потому как, сделав петлю, они стали заходить в одно определенное место. Одна вертушка на втором заходе задымилась и, сделав какой-то замысловатый вираж, стала снижаться. Было видно, как летчики пытались вывести горящую машину за пределы кишлака, им это отчасти удалось, и вертушка упала на окраине, справа от кишлака, недалеко от подножия гор. Мы все с напряжением ждали взрыва на месте ее падения, но взрыва видно не было, неужели летчикам удалось посадить горящую машину?! Вторая вертушка, пальнув еще раз ракетами, развернулась и полетела в сторону падения первой. Зависнув над местом падения, вертушка, снижаясь, скрылась за крышами дувалов, минуты через три она показалась и, набирая высоту, улетела через горы в сторону расположения полков.

Я заглянул в люк БТРа, крикнул Туркмену:

-- Что по рации говорят? Летчики живы? Забрали их?

-- Не знаю насчет живы они остались или нет, но полкач послал пару машин из разведвзвода на место падения вертушки. С летчиками разговора я не слышал, -- ответил Туркмен.

Наставало наше время, БТРы медленно и уверенно приближались к кишлаку, мы готовились к прическе, каждый повторно проверял свое оружие и снаряжение. Мы ни о чем не говорили, эта операция была не первой, и каждый знал, что ему делать, лишь один Сапог рассеяно смотрел на всех нас по очереди, и нервно сжимал свою СВДшку. Я его прекрасно понимал, и в памяти всплыли события первого моего рейда.

Наш взвод в составе двенадцати бойцов и двух офицеров нарвался на засаду в зеленке, я помню, куда-то стрелял, но духов не видел, вокруг раздавались взрывы, стрельба, свист пуль и осколков, и еще помню -- было очень страшно. Количество духов

превосходило нас примерно в два раза, но каким-то чудом нам удалось выйти из зеленки, погибли два бойца и лейтенант замполит роты, один пацан был дембелем, другой "чиж", моего призыва с Азербайджана, дембелей я в то время еще толком не знал. Потом подошло подкрепление, и мы взяли эту зеленку в кольцо и прочесали, убитыми мы нашли одиннадцать духов, но половина из них все же куда-то испарилась. Я надолго запомнил свое первое боевое крещение. А Сапог, уж точно запомнит этот рейд, если живой вернется.

Танки остановились метров за триста, не доезжая кишлака, наши БТРы поравнялись с ними. Ротный скомандовал, покинуть машины. Мы передернули затворы и попрыгали с брони на землю. Каски мы побросали в БТРе, и напялили панамы, толк от каски небольшой, только мешает больше, болтается как кастрюля на голове. А надели мы их перед выдвижением, чтоб такие уставники, как замполит, не полоскали нам мозги насчет нарушения формы.

Туркмен вылез из люка и крикнул нам:

-- Пацаны, ни пуха вам!

Я махнул ему рукой, и мы, обойдя танки, стали продвигаться к кишлаку. Стены вокруг кишлака не было, кое-где торчали деревья и кусты, остальная зелень была скошена бомбардировкой. Я всегда удивлялся, почему после бомбежки дувалы, хоть и были заметно повреждены, но в основном оставались целыми. Наверно они были сделаны из какой-то вязкой глины, приходилось даже видеть, как снаряды втыкались в них и торчали.

В кишлаке не было видно никакого шевеления, кое-где виднелись струйки дыма, кишлак сам по себе был большой, дувалы стояли плотно друг к другу, и проходы были узкими. Если понадобится броня, то вряд ли танки смогут нам помочь, в этих переулках ни повернуться, ни развернуться, а соваться в кишлак на технике -- это самоубийство. Да, придется нам здесь горя хапнуть, промелькнуло у меня в голове. Пробирались мы к кишлаку, небольшими перебежками, ожидая обстрела в любое время и из любого дувала. Духи в кишлаке были, это было ясно, но когда от них ждать удара, было не ясно, они могли запустить нас в кишлак, а могли открыть огонь и на подходе к нему. Это ожидание изматывало нервы, наш взвод шел в числе первых, и поэтому мы первыми должны были взять удар на себя, а это перспектива не завидная.

Мы все ближе и ближе подбирались к кишлаку, там было по-прежнему тихо. Ротный шел впереди недалеко от меня, рядом шел Хасан, сзади шел Урал с гранатометом, Сапог шел рядом с Хасаном почти бок о бок, позади нас шел радист Алешка с

Оренбурга, неся на себе кроме автомата и боеприпасов еще и радиостанцию.

До первых дувалов оставалось метров сто, мы все были на пределе, я беглым взглядом просматривал каждый дувал по очереди, но из кишлака по-прежнему не доносилось ни звука, и не было видно никакого шевеления. Неужели готовят какую-нибудь ловушку, или, может, не хотят заранее определяться, потому как, обнаружив духовские огневые точки, наши могут дать координаты и артдивизион начнет по ним работать, духи это хорошо знают.

И вдруг из-за первого дувала с диким криком выскочил ишак, подпрыгивая как козел, он мчался прямо на нас. Я мельком заметил, что на спине ишака висят какие-то тюки и, инстинктивно повернув дуло автомата, нажал на курок, раздался выстрел, ротный тоже выстрелил в этого ишака -- тот упал примерно метров за 80 от нас. Ротный, развернувшись, крикнул:

-- Ложись! -- и сам упал на землю. Мы все тоже попадали на землю, я закрыл голову руками, и застыл, лежа на песке. Секунд через пять раздался мощный взрыв, меня окатила горячая волна вперемешку с песком, и запахло свежим навозом. Спустя пару секунд я поднял голову, в ушах звенело. Что за хрень такая? Недалеко от меня на корточках сидел ротный и тряс головой. Я стал подниматься, отряхиваясь от песка, рядом со мной сидя на заднице матерился Хасан а возле него лежал Сапог. Слава богу, наши вроде все целы. Ротный крикнул:

-- Все живы?!

-- Че за ху...ня! -- закричал, вставая, Грек, который шел сбоку, шагах в тридцати от нас.

-- Духи решили пошутить перед намазом, -- крикнул ему ротный.

Все поднялись на ноги и отряхивались от песка и навоза, многие даже не поняли, что произошло. Я взялся рукой за панаму и снял ее, рука моя оказалась в какой-то серо-зеленой каше вперемешку с кровью, это было дерьмо от ишака, я стал вытирать об песок эту парашу. Ну, начало есть. Что же будет дальше?

Ротный махнул рукой, и мы осторожно двинулись дальше.

В стороне раздался еще один взрыв, я резко пригнулся и повернул голову, в районе, где шла первая рота, поднялся столб песка и пыли, -- черт, мина, не повезло кому-то, подумал я, и стал внимательней смотреть под ноги. Хотя внимательность эта была до задницы, в песке мину обнаружить практически невозможно. Если мины ставились этой ночью, то можно обнаружить следы, так как ветра ночью не было, а если раньше, тогда ветер устелил песок равномерно, да и духи не такие дураки, чтоб оставлять за

собой следы. Ротный показал жестом залечь, и подбежал к радисту, спустя время вся пехота остановилась и залегла.

Два танка с тралами (приспособление для разминирования, железные катки впереди танка) стали прокатывать местность между нами и кишлаком. Проехав пару раз туда-обратно, и не обнаружив мин, они укатили обратно на позиции.

Позднее зажигание у нашего командования, надо было раньше прокатать местность, одной жертвы можно было бы избежать, но, как говорится, пока гром не грянет...

Пехота подошла вплотную к кишлаку, наступал ответственный и напряженный момент, мы готовились войти в кишлак, и хотя такое уже случалось не первый раз, все равно с каждым разом ждешь чего-то нового, духи не постоянны, иначе это были бы не духи. Уж что-что, а воевать эти суки могут, и на уловки разные у них изобретательности хватает, даже взять этого ишака-камикадзе. Ну кто мог предугадать такое? Я лично подобное встречаю первый раз. Проклятый Восток.

Вот и первые дувалы, мы вошли в кишлак, озираясь по сторонам и держа оружие на взводе, шаг за шагом мы двигались дальше. Дувалы как ступеньки пошли вверх, все выше и выше, вдали, примерно в километре, виднелись скалы. Тишина, вокруг ни души, тишина эта напрягала, страх сковывал душу. В голове пульсировала мысль, кто же первый возьмет свинец на себя. Вокруг одни дувалы, натыканы везде и всюду, какой долбай проектировал эти лабиринты непонятно, с будуна такого не настроишь, можно сто раз обойти кишлак вдоль и поперек и в сто первый раз там заблудиться.

Мы все глубже и глубже проникали в кишлак, ротный шел чуть спереди, Хасан и Урал поравнялись со мной, Сапог кралcя чуть ли не уткнувшись Хасану в спину. Хасан стукнул Сапога локтем, и показал, чтоб он шел рядом, а не тыкался ему в спину.

Я заметил боковым зрением, как сбоку -- метров пятьдесят от нас -что-то шевельнулось, резко развернув дуло автомата, я от перенапряжения чуть было не нажал на спусковой курок Оказалось, это прапорщик Приходько, командир третьего взвода, и с ним пара бойцов, Мамедов и Канатов. Мамед был из Азербайджана, а Канат из Узбекистана, оба отслужили по году. Черт, хоть бы своих ненароком, не положить, подумал я, особенно Мамед, вечно небритый, и если бы не форма, вылитый дух.

Они направились в нашу сторону, прапор показал жестом: "Ну как там?" Ротный пожал плечами.

Справа от нас вынырнули из-за дувала братья близнецы, потом Бача, Закиров и с ними Грек. Перед нами открылась небольшая площадь, посередине виднелся кяриз, возле него

валялся дохлый верблюд, развороченный ракетой. Жителей кишлака не было видно, ни живых, ни мертвых, может ушли в горы, может, попрятались.

В стороне от нас раздались выстрелы, сначала очередь из ДШК, после уже автоматный огонь, и началась перестрелка, скорее всего это первая рота нарвалась на засаду и вступила в бой. Не успели мы ничего понять, как где-то рядом раздался залп из ДШКа. У меня сбило панаму и чем-то обрызгало лицо, я упал на землю. Сбоку недалеко от меня раздался крик, началась стрельба. Медленно подняв голову, я посмотрел по сторонам. В трех метрах от меня лежал прапор, половина черепа у него была снесена пулей от ДШК. Чуть дальше ворочался в пыли Мамед, по всей вероятности он был ранен.

Я перекатился к кяризу и укрылся за его камнями, на мое счастье кяриз был обложен булыжниками. Проведя по лицу ладонью, я нащупал что-то липкое, посмотрев на руку, я увидел, что это были мозги прапора перемешанные с кровью.

Мамед пытался встать, я крикнул ему:

-- Мамед, перекатывайся за дувал! Быстрее же. Только не вставай!

Мамед сел на корточки, я заметил, что одна рука у него как-то неестественно болтается. Немного посидев на корточках, он снова упал. Я стал осматривать впереди стоящие дувалы, ища взглядом, откуда же лупят духи, но ничего не было видно. Наши забежали за дувалы и оттуда вели стрельбу по сторонам, видно, они тоже ни черта не могут понять, из какого дувала работает ДШК.

Я пополз к Мамеду, поравнявшись с прапором, я перевернул его лицом вверх, пуля попала ему в район глаза, и вырвала левую верхнюю часть головы. Я примерно прикинул, где бы мог находиться духовский пулемет и, взяв автомат прапора, пополз дальше. Жалко его, прикольный был мужик, разговор у него был интересный такой, с полублатным одесским акцентом, а сам он был родом из Николаева.

Мамед лежал в пыли и стонал, его АКС валялся рядом, я схватил за ремень его автомат, потом закинул через плечо его правую руку, и потащил все это за рядом стоящий дувал. Левая рука у него была оторвана под самое плечо, и болталась на небольшом куске кожи. Мамед был в шоке, и пока не понимал, что с ним произошло. Я вытащил штык-нож, и перерезал кожу на которой болталась рука, увидев это, он начал кричать в истерике:

-- Ты че наделал, сука?! Зачем руку отрезал?! Зачем!?

Потом Мамед начал вырываться, и так неудобно было тащить его из-под огня, да еще три автомата, а тут он начал упираться и

вырываться, кричать как сумасшедший.

-- Брось меня! Куда ты меня тащишь?! Я не хочу жить! Где моя рука?! Как я теперь без руки?!

-- Ну ведь другая же есть, твою мать! -- крикнул я ему.

С горем пополам мне удалось затащить его за дувал, здесь как раз сидели ротный с радистом, ротный что-то трещал по рации с полкачем. Достав "баян" со "стекляшкой" промедола, и зарядив шприц содержимым, я вкатил укол Мамеду. После чего приготовился его перевязывать, он потерял много крови и начинал терять сознание. Перевязочного материала не было, и пришлось обходиться тем, что было под рукой. Я снял тельник, скомкал его и засунул в панаму, приложил панаму с тельником к ране Мамеда и перетянул ее ремнем.

К нам подбежал ротный:

-- Тащи его на край кишлака, я вызвал "таблетку".

-- Духи бьют примерно оттуда, -- я показал пальцем в сторону, откуда предположительно летели пули.

-- Да сейчас сам хрен не поймет, кто и откуда долбит! Они скорее всего уже перетащили станок в другое место! -- крикнул ротный.

Мамед корчился от боли, промедол мало помогал, рана в плече очень болезненная, а ему мало того, что руку оторвало, но и размолотило плечо чуть ли не до шеи, пуля была разрывная, а может он поймал их две подряд. Я зарядил шприц морфием и вмазал ему в вену, эта хрень посильнее и должна помочь на некоторое время.

-- Там Приходьку убило, вот его АКС, -- крикнул я ротному.

-- Да я видел. Ты тащи Мамедова отсюда побыстрее, а мертвому уже все равно, -- ответил ротный.

Откуда-то появился Хасан со своим хвостом -- Сапогом, они подбежали к нам. Сапог выглядел уже по божески, и был не так перепуган, значит, стал привыкать к стрельбе и взрывам.

-- Что с ним? -- спросил меня Хасан, показывая на Мамеда.

-- Не видишь что ли, руку ему оторвало, -- ответил я.

-- Надо выносить его, -- выдвинул предложение Хасан.

-- Это я и без тебя знаю. Я его вмазал кайфом, но не знаю, на сколько хватит.

Недалеко от нас раздались два взрыва один за другим, предположительно, лупили из ручного гранатомета.

По всему кишлаку раздавались выстрелы, особенно сильная канонада доносилась из района, где находилась первая рота, видно, влипли мужики конкретно.

-- Вон, вон с того дувала шарахнули! С АКСа бесполезно, нужен гранатомет, -- крикнул Хасан показывая ротному откуда

велась стрельба из гранатомета.

-- Где АГС? Е... вашу мать! -- заорал ротный.

-- У Закирова с Мосейкой где-то! -- крикнул я, оттаскивая Мамеда подальше от обстрела.

-- А где ручной? -- опять спросил ротный.

-- Урал где-то был недалеко, я его видел недавно. Урал, где ты?! -крикнул Хасан.

-- Сейчас, сейчас. Я вижу, откуда духи стреляют! -- услышали мы крик Урала из-за соседнего дувала.

-- Сапог, помоги мне Мамеда дотащить до "таблетки", и возьми его автомат.

Мы с Сапогом осторожно взяли Мамеда, и поволокли на окраину кишлака.

-- Быстрее возвращайтесь, мы пока будем здесь! И захватите резиновый мешок для Приходько, если у них есть, -- крикнул нам вслед ротный.

Я взял правую руку Мамеда и перекинул ее через свое плечо, Сапог взял его ноги как носилки, и мы потащили раненого. Мамед был в полубессознательном состоянии, он что-то бредил на родном языке.

-- Сапог, идем молча, смотри по сторонам и под ноги. Мало ли чего.

Сапог кивнул, и мы молча двинулись вперед.

Подходя уже к окраине кишлака, я заметил, как сбоку, метрах в пятидесяти от нас, между дувалами промелькнули две чалмы. Первая мысль была -- духи, они наверняка нас не заметили. Но откуда они здесь? Черт возьми. Ведь у окраины кишлака стоит наша бронетехника, а духи, судя по всему, направляются как раз туда.

Я тихонько окликнул Сапога и показал ему жестом, что надо положить Мамеда на землю. Сапог положил ноги Мамеда, и я осторожно опустил его на землю. После чего я посмотрел на Сапога и показал ему жестом, чтоб он оставался рядом с раненым, а я сейчас вернусь, может быть.

Приготовив автомат к стрельбе, я, пригнувшись, стал подбираться к промежутку между дувалами, где только что проскочили два духа. На ходу я перебирал варианты возможной встречи с духами, в голове мелькали мысли: А вдруг они нас заметили и спрятались, и не успею я выглянуть из-за дувала, как получу пулю в лоб, а может там их вовсе не двое, а больше, в этом случае они из меня решето сделают в пять секунд. Но ноги сами по себе делали шаг за шагом, приближаясь к дувалу. При подходе к краю дувала сердце у меня бешено забилось. И тут я заметил, что дувал за который заскочили духи, с одной стороны сделан

полукругом, и как раз с той стороны, к которой я приближался, облом был конкретный. Ну какая же бл...дь такую хибару сварганила, чтоб у этой скотины руки отсохли. Вспомнился анекдот, про то, как Петька бегал вокруг круглого дома, ища угол, чтоб поссать, но в данной ситуации мне было не до смеха.

Я все же пересилил себя и стал пробираться вперед, прижимаясь к стене, рука судорожно сжимала АКС, палец был на спусковом крючке.

За дувалом раздался выстрел из гранатомета. Пробираясь по полукруглой стене дувала, я сделал осторожно шаг в сторону и, наклонившись, посмотрел в сторону, откуда раздался выстрел. Примерно в двадцати шагах от меня, возле большого куста анаши находились два духа. Один упершись на колено, держал на плече гранатомет, другой дух стоял сбоку и заряжал в этот гранатомет гранату, оба они были расположены спиной ко мне. Впереди, на самой окраине кишлака, дымилась "таблетка", сбоку, разворачивая башню, заезжал танк, прикрывая ее броней.

-- Это был ваш последний выстрел,суки, -- прошептал я сам себе и, сделав два шага вперед, выстрелил очередью по духам.

Промахнуться с такого расстояния -- грех, и поэтому оба духа были моментально скошены очередью. Духу с гранатометом пули попали в спину, его "труба" отлетела в сторону и он, раскинув руки, плашмя грохнулся на землю. Второй душара успел повернуться ко мне лицом, очередь из АКСа попала ему в грудь, он выронил гранату, сделал пару резких шагов назад и упал на спину.

Я глянул вперед и обалдел, из-за куста прямо на меня глядело дуло от танка. Танк находился возле крайних дувалов, от меня он был на расстоянии ста метров. Видно, танкисты заметили, откуда стреляли духи, и заслонив "таблетку" броней, развернули ствол прямо на куст, а за этим кустом нахожусь я. Выпустить ракету, чтоб предупредить танкистов, не было времени, и мне ничего не оставалось, как не чуя под собой ног броситься за дувал. Раздался выстрел, и гул от летящего снаряда пронесся где-то сбоку, через секунду раздался взрыв. Я упал на землю, слава богу, успел слинять, потом я достал дрожащими руками сигнальную ракету и выпустил ее, а не то танкисты сейчас перепашут снарядами это место. Немного подождав, я убедился, что больше сюда никто не стреляет, видно, заметили сигнальную ракету. А теперь пора идти к Сапогу с Мамедом, и я направился к ним. В глубине кишлака стрельба становилась все сильнее и сильнее, в районе нашей роты уже во всю воевали, наверное, вычислили, где находятся духи. Я достал сигарету и прикурил, но к горлу подкатил какой-то комок, сделав пару затяжек, я смял

сигарету, и выкинул ее. Еще один такой стресс и нервы мои не выдержат, я сорвусь, не знаю, в чем это выразится, но когда-нибудь это произойдет. С другой стороны, я прекрасно понимал -- что бы не случилось, надо держать себя в руках, иначе тебе кранты. Сколько было случаев, когда пацаны "слетали с катушек" и, наделав глупостей, гибли. А ведь частенько возникает непреодолимое желание встать во весь рост и с диким криком броситься вперед, круша все вокруг и стрелять, стрелять, а когда закончатся патроны, грызть зубами этих проклятых духов. Но в Афгане атаки, как в Отечественную, не практикуются, у духов нет регулярной армии, здесь нужен расчет и осторожность, прав был Сухов из фильма "Белое солнце пустыни", когда сказал "Восток -- дело тонкое", я бы еще сказал "Восток -- дело хитрое". Вот показался и Сапог с Мамедом, Сапог сидел на корточках и вертел стволом от Мамедовского автомата, его СВДшка лежала рядом.

-- Че там было? -- спросил испугано Сапог.

-- Два духа с гранатометом, они подорвали "таблетку" -- суки.

-- А где эти духи?

-- Аллаха пошли проведать. Давай, понесли быстрее.

Взяв Мамеда, мы потащили его дальше.

-- Сапог, свою винтовку оставишь, а возьмешь АКС Мамеда. Понял?

-- Ладно, возьму, -- ответил Сапог.

Мы вышли на край кишлака, в стороне стоял танк, который недавно чуть было не замочил меня, танкисты ходили вокруг подорванной "таблетки", мы направились в их сторону.

Танкисты заметили нас, и двое из них направились к нам навстречу. Один из них был прапор, техник взвода, в рейдах мы часто встречались, а боец был Хасана земляк, но я не был с ним хорошо знаком, так, здороваемся, когда встречаемся, и не больше.

-- Привет, "соляра". Чего тут у вас? -- спросил прапор, подойдя к нам (соляра, от слова солярка, так называли пехоту в Афгане.)

-- Да вот, руку пацану оторвало, надо к медикам его, -- ответил я и спросил:

-- Я вижу, таблетку духи спалили?

-- Да, спалили, как видишь. Там самим медикам помощь нужна, водилу насмерть, а летеху тяжело ранило. Давайте мы вашего тоже заберем заодно, тащите его в танк, -- предложил прапор.

-- Вы там меня чуть не замочили из пушки.

-- Это ты ракетницу пустил? -- спросил земляк Хасана и, пристроившись рядом с Сапогом, стал помогать нам тащить Мамеда.

-- Да, я, два духа за кустом с гранатометом, я их грохнул, а

потом увидел, как ваше дуло прямо на меня смотрит, и еле успел смыться.

-- Ну что ж, бывает. Откуда мы знали, что ты там торчишь, -- сказал прапор.

-- Да я не виню вас.

-- А в кишлаке как дела? --Спросил прапор.

-- Хреново, на ДШК нарвались, Приходько убило, командира третьего взвода, полчерепа ему снесло.

-- Это хохла-то? Ну, дела-а-а, -- промолвил с сожалением прапор, и спросил:

-- А еще есть погибшие?

-- Не знаю, с нашей роты, вроде, никого больше, а про остальных не знаю. Первая рота сильно бучкается.

Мы подошли к танку, к нам подошли еще танкисты и стали помогать грузить Мамеда на броню.

-- Ну, прощай, Мамед, может, свидимся еще, -- сказал я, глядя Мамеду в глаза.

Мамед ничего не говорил, и никак не реагировал, глаза его были открыты и смотрели в одну точку, только слезы скатывались по его щекам. Я не стал больше ничего говорить, и спрыгнул с брони. Тяжело было парню, я это понимал.

На трансмиссии лежал мертвый водила с "таблетки", я глянул на его лицо, лицо знакомое, приходилось в полку с ним несколько раз встречаться.

-- Дембель? -- спросил я пацанов, показывая на мертвого водилу.

-- Не знаю, вроде "дед", -- ответил один танкист.

-- Вот винтовка, оставите ее на 472-м БТРе, он по пути вам попадется, стоит вон там, как раз напротив.

Я показал танкистам в сторону, где примерно стоял наш БТР, и добавил:

-- И Туркмену привет передайте, это наш водила. Скажите, что Юрку с Сапогом видели. Передадите, что Приходько убили, и Мамеду руку оторвало.

-- Ладно заедем, -- сказал прапор.

-- Хасану привет передай от Шавдета, -- попросил земляк Хасана.

-- Хорошо передам.

Мы с Сапогом отправились обратно, а танк, запустив движки, двинулся в сторону расположения полка. Солнце поднялось над горами и начало чувствительно припекать, скоро задует афганец, и тогда принимай, "шурави", еще один облом ко всем прочим.

Мы вошли в проход между дувалами, откуда недавно выходили. Я повернулся к Сапогу и сказал:

-- Сапог, будешь осматривать местность позади нас, в общем, чаще оглядывайся, и если что заметишь, похожее на духов, стреляй не задумываясь. Понял?

-- Да, понял, -- ответил Сапог.

-- Ну, тогда погнали быстрей.

Надо было торопиться, обстановка может измениться в любой момент, и там где были наши, могут оказаться духи. Судя по выстрелам, наша рота вроде была на том месте, где мы ее и покинули. Хотя нет, выстрелы раздаются намного ближе, вот уже рядом прерывистой очередью лупил АГС.

Осторожно пробираясь между дувалами, я сначала выглянул, чтоб убедиться наши это или нет, у духов тоже были АГСы. К счастью это оказались наши. Мосейко стрелял из АГСа, а наш взводный что-то кричал ему на ухо. Я махнул Сапогу, и мы направились к ним.

Взводный, увидев нас, что-то выкрикнул, но из-за грохота АГСа я не расслышал его.

-- Да хорош долбить! Заеб...л уже своим грохотом! -- крикнул я Мосейке.

-- Откуда вы? -- спросил взводный, когда АГС заглох.

-- Мамедова вытаскивали, -- ответил я, и спросил:

-- Где наш взвод?

-- Там за дувалами ротный с бойцами, -- взводный показал рукой в сторону ближайших дувалов, и добавил:

-- Смотрите, тут духи везде, и снайпер где-то работает, он заеб...л уже здесь всех, мы вот из гранатомета простреливаем то место, где примерно он сидит. Пока стреляешь, он вроде молчит, как мы перестаем стрелять, так он начинает щелкать.

-- Никого еще не щелкнул?

-- Вроде нет, но бьет сучара прицельно, и не дает перемещаться.

-- Ну ладно, долбите дальше, пусть уж лучше он молчит, а мы погнали дальше.

Забежав за дувалы, мы увидели ротного на рации и с ним Хасана с Уралом. Рядом лежал убитый прапор, голова его была полностью замотана его же тельником. Немного в стороне сидел Носорог, и строчил куда-то из своего АКСа. Тут были и Закиров с Бачей, они разложили НСВТ (крупнокалиберный пулемет) и короткими очередями обстреливали верхние дувалы.

-- Ну, как у вас тут? -- спросил я подойдя к Хасану, он как всегда был обдолбленный.

-- Как в Сочи! Не видишь, что ли? Мне вон руку прострелили суки, -Хасан показал руку, перевязанную тряпкой чуть выше локтя.

-- Ты, наверно, зацепился за куст какой-нибудь или за ветку, а думаешь, что прострелили.

-- Че, развязать, показать?! -- Хасан, тыкая мне локтем в рожу.

-- Да не надо, я и так вижу, как ты ей машешь. Она у тебя выглядит, лучше, чем здоровая.

-- Кость не задело, шкуру только пробило.

-- Еще бы, я не раз еще не видел, чтоб веткой кость пробило.

-- Юрка, блядь! Не веришь, да?! На, смотри, сука, -- Хасан начал нервно развязывать узлы на перевязке.

-- Да успокойся ты, Хасан. Это я так, подрочить тебя хотел немного. Когда ты только привыкнешь к этому?

-- А-а, да пошел ты, -- Хасан махнул рукой и подошел к Сапогу.

Ротный, закончив разговор по рации, подошел ко мне и спросил:

-- Ну, как вы?

-- Таблетку духи подорвали, водилу насмерть, а летеха тяжело ранен. Мы Мамедова танкистам передали.

К нам подошел Грек и тоже поинтересовался:

-- Ну, что делать-то будем, командир?

-- Духи ушли на тот край кишлака, ближе к горам, дальше они не сунутся, там десантура сверху. Мы сейчас будем пробираться туда, где они сидели недавно, и зажмем их возле гор, потом вызовем вертушки и подключим артдивизион, пусть перепашут их к чертям. С первой ротой связи нет, вроде стрельба ведется с их стороны, а в эфир не выходят. Вторая рота продвинется параллельно с нами, а замкнут круг сарбосы с левого фланга. Справа первая рота должна пойти, а замкнет правый фланг разведвзвод. Попробуем зажать их в капкан.

-- А полкач что говорит? -- спросил Грек.

-- Да хрен их поймет, они там с летунами и сарбосами треплются. Замполит -- дубина, броню первой роте послал, -- духи танк спалили сразу же, как только те сунулись в кишлак. Но ихний комбат сразу отозвал танки обратно, и замполита потом на весь эфир х...ями поливал. В общем, там у них полный дурдом в эфире. Только с комбатом нашим удалось нормально переговорить.

-- Какого хрена замполит лезет со своими приказами, полкач же рулит делами? -- спросил я.

-- Наверно, орден хочет заработать, -- ответил ротный и, повернувшись, крикнул:

-- Рота! Продвигаемся дальше!

Мы все в спешном порядке стали пробираться вперед, простреливая и забрасывая гранатами из подствольников дувалы

и дворы.

При подходе к дувалам, где предположительно недавно были духи, мы услышали гул летящих снарядов, через мгновение впереди нас разорвалось несколько снарядов. Все сразу попадали на землю и стали отползать назад.

-- Какой пидарас вызвал огневую поддержку?! Быстро все назад! -- кричал ротный.

Все начали прижиматься к стенам дувалов и заборов, закрываясь от летящих осколков и кусков глины.

-- Ракетницы! Ракетницы пустите! -- продолжал кричать ротный.

Все похватали ракетницы и начали палить ими в воздух, но обстрел не прекращался, артдивизион по чьей-то команде продолжал упорно и уверенно простреливать территорию, где недавно были духи. Нам повезло, что мы не успели продвинуться дальше, тогда бы нам всем была крышка.

Я, Хасан, Сапог и Грек успели заскочить в какой-то двор и спрятаться в дувале.

-- Что за ебатина такая? -- отряхиваясь от пыли, прокричал Грек.

-- Да хрен его поймет, наши, вроде, долбят из САУшек, -- сказал Хасан.

-- Да че они там вообще двинулись, придурки? -- продолжал возмущаться Грек.

-- Придурки не они, придурок тот, кто дал им наводку, -- ответил я.

Снаряды продолжали рваться, только немного сместившись в сторону.

-- Пошли посмотрим, где наши, а то уйдут, а мы останемся тут, -предложил Грек.

Мы вышли из дувала и, пригнувшись, побежали в направлении, откуда раздавались чьи-то маты. Но не успели мы отбежать от дувала, как рядом засвистели пули. Хасан с Греком успели выскочить со двора и спрятаться за глиняным забором, а я и Сапог заскочили обратно в дувал. Черт возьми, с одной стороны долбят наши, с другой обстреливают духи, дурдом какой-то получается.

Да еще ветер-афганец начал немного задувать, ну, сейчас начнется пыльная пурга, а тут и без того тошно.

-- Сапог, сиди здесь, а я вылезу и посмотрю, откуда нас обстреливают, -- сказал я Сапогу.

Я медленно вышел из дувала, потом подбежал к стене и, прижавшись к ней, стал пробираться в конец двора.

За стеной раздалась короткая очередь, наверное, кто-то из

наших, подумал я и выглянул из за глиняного забора, -- он был невысокий, метра полтора, выложенный из глиняных кирпичей. Недалеко от забора сидел Закиров, а метрах пятидесяти от него валялся Носорог, судя по всему, Носорог был мертв, поблизости никого из наших не было.

Закиров повернулся, увидев меня, он испугался и побледнел, он смотрел на меня, а я на него, мы оба молчали. Я догадался, что здесь произошло.

-- Юра, ты меня сдашь? -- спросил дрожащим голосом Закиров.

-- Сдают мочу на анализы, а в армии докладывают, -- ответил я.

-- Ну, ты доложишь об этом?

Я немного помолчал, глядя Закирову в глаза, а потом ответил:

-- Нет, я не скажу никому об этом. Я сейчас уйду отсюда, и будем считать, что я ничего не видел. А ты разверни Насорога ногами вон туда, -- я показал пальцем в сторону гор.

-- Спасибо Юра.

-- Не надо меня благодарить, ты о себе подумай, тебе с этим жить. И все, больше об этом никакого разговора, я тебя не видел и ты меня не видел, а дальше поступай, как знаешь.

Я, спрятавшись за забор, отправился обратно к дувалу в котором сидел Сапог. Закиров был нормальным парнишкой, если кто узнает об этом, то ему светит трибунал и большой срок, а я не хотел портить ему жизнь. Что касается Носорога, то он был быком, и рано или поздно все равно бы нарвался на такой исход. В Афгане и раньше бывали подобные случаи, я слышал об одном таком в нашем полку. Одному офицеру бросили под кровать гранату, когда он спал в каптерке, кто это сделал -- так и не нашли, да больно и не искали, отписали, что погиб при исполнении, и точка.

Я заскочил в дувал и крикнул Сапогу:

-- Пошли быстрее отсюда, а то наши уже отошли.

Мы выскочили из дувала и побежали к выходу со двора. Недалеко завязалась перестрелка, кто-то, наверное, нарвался на духов. Мы с Сапогом пригнувшись побежали в сторону от куда доносились выстрелы. Вот и наши показались, через двор, я заметил ротного рядом с радистом, там же были взводный, Хасан, Урал, Грек, Бача и еще кто-то с нашей роты.

Хасан, увидев нас с Сапогом, закричал:

-- Там духи! С этой стороны идите, с этой! -- он показывал рукой, с какой стороны к ним подходить.

Пробегая возле какого-то дувала, я увидел открытую дверь, и

выстрелил туда очередью. У меня в одном магазине закончились патроны, я остановился на пару секунд, чтоб перевернуть магазины и вдруг заметил, как где-то сбоку что-то мелькнуло, я поднял глаза и замер. Из двери одного дувала примерно в ста шагах от нас, выскочил дух с буром, дуло от которого было направленно в меня. А я стою с отстегнутыми магазинами в руке. Это конец, подумал я, и тут рядом раздалась автоматная очередь, я вздрогнул, и закрыл глаза. Когда открыл их, то увидел согнутого пополам духа на коленях, а рядом стоял Сапог с автоматом направленным на духа. Этот дух, скорее всего, был не из банды, он наверно житель этого кишлака, который был обозлен на советских военных, вот и решил хоть чем-то отомстить нам. Но, как бы там ни было, для нас он был дух с винтовкой, а значит враг. И сколько их тут по кишлаку прячутся, неизвестно.

-- Я его убил Юра, я убил его, -- тихо проговорил Сапог.

Я с облегчением выдохнул, придя в себя, повернулся к Сапогу, и громко сказал:

-- Ну, конечно же, ты его убил. Да ты не только духа убил, ты же меня спас от этого душары, Сапог! Какой же ты молодец, черт тебя побери!

Я тряс Сапога за плечи, а он стоял и улыбался. Это был его первый убитый дух, у Сапога был гордый вид и он не скрывал это, к тому же благодаря ему я остался жив.

Отношение к Сапогу я, конечно же, с этого момента переменю, теперь его не будут гонять и припахивать, Сапог будет "черпак", и относиться теперь к нему будут соответственно, я так решил.

-- Ну, чего вы там торчите, как два дурака, бегите быстрее сюда! -кричал нам Хасан.

Я пристегнул магазин, передернул затвор, слегка стукнув по плечу Сапога, махнул ему, и мы побежали к своим.

Ротный метался и громко матерился:

-- Ну надо же, е... твою мать! Довоевались, черт возьми, сколько людей положили и все бестолку, все бестолку! Ну что это за блядство! Скажите мне, а?! Один мудак броню загнал в кишлак, другой огневую поддержку вызвал по своим, эти козлы "зеленые" духам дали выйти (зелеными в Афгане называли сарбосов).

Мы все стояли и с недоумением смотрели на ротного, а он, сняв кепку, швырнул ее на землю и сел, схватившись за голову.

-- Что случилось, командир? -- спросил Грек.

-- Что случилось, спрашиваешь?! А случилось вот что, духи прорвали сарбосовский заслон, и вышли с кишлака. Понял? Почти вся банда съеб...лась, остались, может быть, единицы, кто

не успел слинять, но основная часть ушла нахер. Полкач дал команду выводить людей из кишлака, все, отвоевались. Все бестолку, бестолку. Понимаете?!

-- Да вся эта война бестолку, если честно признаться. Сколько лет уже мудохаемся и никакого толку. И еще хоть сто лет будем тут защищать эту долбанную революцию, и все равно никакого толку не будет. Вот такие вот дела, -- сделал заключение Грек.

-- Ну ладно, хватит рассуждать, давай всем отбой и уходим от сюда быстрее, -- скомандовал ротный.

Из-за дувала показались Закиров и Мосейко, они тащили Носорога.

-- Кого несете? -- крикнул им ротный.

-- Носорога убили, -- ответил Мосейко.

-- Тьфу ты, черт! Ну, тащите его к машинам, там где-то стрекоза стоит, в нее погрузите, и Приходьку тоже заберите. И давайте пошли отсюда все, быстро давайте.

Мы все смотрели, как Мосейко с Закировым тащат Носорога, они тащили его за руки лицом вниз. У Носорога было две дырки одна в спине, одна в затылке. Проходя мимо, Закиров посмотрел в мою сторону, взгляды наши встретились, он сразу опустил глаза.

Да, не плохо Закиров приложил его, подумал я, глянув на Носорога. Потом я подошел к Хасану с Уралом.

-- Хасан, а ты знаешь, что я сейчас живой, благодаря Сапогу.

-- Не понял. Ты про че? -- спросил Хасан.

-- Я говорю, что Сапог меня от смерти спас.

И я рассказал пацанам, как это произошло. Все начали хвалить Сапога и дружески похлопывать его по плечу. В общем, Сапог был реабилитирован, теперь к нему все будут относиться по-другому.

Откуда-то нарисовались разведчики, Пипок с Серегой, и подошли к нам.

-- Ну, как дела, соляра? -- с приколом заявил Пипок, раскинув пальцы на руках как урка.

-- Сам ты кто? -- спросил его Хасан.

Мы не спеша направились обратно, к расположению полка.

-- А это кто? -- спросил Серега, показывая на убитого Приходьку.

-- Прапор, командир третьего взвода, -- ответил Урал.

-- Ну че, духи дали вам просраться? -- спросил Серега.

-- А вам не дали? -- спросил я в ответ.

-- Да так, немного потрепали. Сане кисть оторвало пулей от ДШК. Когда к вертолету подъезжали, БМПшка развернулась боком к кишлаку, а оттуда залп из ДШК. Саня хотел люк

захлопнуть, руку высунул и в это время ему пулей по руке и шарахнуло. Но это ерунда, в первой роте пятеро погибли, и ротного контузило. Мы недавно их видели, -- рассказал Серега.

Ихнего ротного, наверное, контузило, когда только в кишлак входили, это, похоже, рядом с ним мина разорвалась, рассуждал я про себя. Потом спросил Серегу:

-- А кто погиб, не спросили?

-- Три узбека, годки, я их не знаю. Один дембель, тезка мой из Кишинева, Пипка земляк, и ара -- Ваган, вроде, зовут. Знаешь таких?

-- Да так, близко не общались, иногда, бывало, заходил к ним в роту по делам, там встречались.

-- Да, жалко Саню, на гитаре он классно играл, -- с сожалением промолвил Урал.

-- А летчики живы остались? -- спросил я.

-- Да, их вертушка забрала. А у вас-то как дела? -- спросил Пипок.

-- Хреново, Пипок, хреново, -- ответил я ему.

-- Мы слыхали, что вас САУшки бомбили. Правда, да?

-- Да, черт возьми. Чуть не забомбили, суки. Хорошо мы не успели дальше продвинуться, -- ответил Хасан.

-- Это первая рота их навела, они там нарвались на засаду, четыре точки с ДШК по ним влупили. Они отошли и дали координаты артдивизиону, а замполит сдуру броню в кишлак заслал. Один танк кумулятивкой сожгли, водила погиб, остальным повезло, они сидел на трансмиссии.

-- Сарбосы мудаки, банду упустили. Слышали да? -- обратился я к Сереге.

-- Да слышали, конечно. Тут что-то нечисто с этими сарбосами, по-моему, все это было спецом устроено. И сарбосы не зря левый фланг прикрывать вызвались, там ущелье за кишлаком, в него духи и проскользнули. У этих сарбосов, наверно, наполовину духи служат, да и все они там духи, все друг другу родня, их хрен поймет там. Одно ясно, вояки с них никудышные.

-- Да оно и понятно, мы, возможно, когда-то покинем Афган, а им здесь оставаться. Так что они особое рвение не проявляют, -- сказал я.

Мы в свою очередь рассказали им, что здесь с нами происходило, кого ранило, кто погиб.

Выйдя с кишлака, мы все погрузились в машины, БТРы в это время подъехали поближе. Тут же не далеко стояла санитарная вертушка, в нее грузили раненых и погибших. Вдоль кишлака мотались три "таблетки". Первая и вторая роты уже погрузились в машины и отъехали, танкисты буксировали из кишлака подбитый

танк.

Вот так и закончилась наша очередная горе-прическа. И на хрена мы вообще в этот кишлак лезли, непонятно, и за что пацаны погибли, тоже вопрос.

НЕБОЛЬШОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Наши БТРы двинулись к дороге, на которой наш полк выстраивался в колонну. Ветер задувал все сильнее и сильнее, техника, маневрируя, поднимала пыль, и без того гонимую ветром. Мы все запрыгнули в десантный отсек и стали сбрасывать лифчики и бронежилеты. Потом Урал с Сапогом залезли на броню, а я и Хасан остались в БТРе.

-- Ну, как вы там, мужики? -- спросил нас Туркмен.

-- Да мы-то нормально, чего нельзя сказать о некоторых других, -ответил я.

-- Да я на рации сидел все время, так что в некотором роде я в курсе, что за бардак был в кишлаке.

-- На рации одно, а в кишлаке совсем другое.

-- Знаете, мужики? Не легко вот так сидеть и ждать, когда вы вернетесь из этого кошмара, все ли вернетесь. Лучше я бы бросил эту чертову машину, и был бы рядом с вами, это намного легче. Сколько мы вместе служим, когда вы на прическе, когда отправляетесь в горы или в зеленку, я все время на нервах и ни на секунду не слезаю с эфира. Когда от танкистов весточку получил, спокойнее на душе стало, хоть и жалко Мамеда с Приходькой, но то, что вы, пацаны, живы, это меня успокоило хоть немного.

-- Все будет нормально, водила ты наш. А пожрать не мешало бы, -выкрикнул Хасан.

-- Давай похаваем, какой базар, -- предложил я Хасану.

-- Да разогреть бы хавку на костре, а то горячего давно не жрал. Запарила уже эта сухомятка.

БТР наш пристроился к колонне и остановился. В люк заглянул Сапог и обратился к Хасану:

-- Хасан, тебя ротный зовет.

-- Где он? -- спросил Хасан.

-- На БТРе своем сидит, впереди нас.

Хасан вылез из люка, и мы с Туркменом остались одни. Туркмен сидел и молчал, положив голову на руль.

-- Да ладно, Туркмен, не переживай, мы всегда возвращались, вернемся и в следующий раз. А когда в Союз вернемся, то обязательно когда-нибудь встретимся вместе, и будем вспоминать этот сучий кошмар уже в прошлом, -сказал я Туркмену и похлопал его по плечу.

-- Пусть слова твои Юра, дойдут до бога, -- сказал Туркмен.

-- Дойдут, дойдут, вот увидишь. Может к медикам заскочим,

проведаем Качка.

-- Ах да, забыл. Качка вертушка забрала с ранеными, у него температура поднялась, заражение вроде пошло.

-- Вот черт, я так и знал, у него температура была еще тогда, я думал это у него от браги.

-- Я подъезжал к вертушке, когда его грузили, вид у него был не важный. Вам привет передавал.

-- Ну ничего, выкарабкается, Качок пацан здоровый.

-- Будем надеяться.

-- Туркмен, а ты знаешь? Если бы не Сапог, не сидел бы я тут с вами.

-- Нет, не знаю, -- подняв голову, сказал с удивлением Туркмен.

И я рассказал Туркмену, как Сапог замочил духа, потом я рассказал, что происходило в кишлаке. Туркмен смотрел на меня и слушал, не перебивая, и не задавая вопросов. Закончив, я спросил Туркмена:

-- Ну, и как ты назовешь все это блядство?

-- Юра, в какие условия нас ставят, в таких условиях мы и действуем. А что касается промашек и потерь, пусть это будет на совести генералов. А мы будем делать то, что нам прикажут, и никуда от этого не денешься, мы давали присягу. Здесь война, на войне умирают, и к сожалению многие гибнут по глупости, если не по своей, то по глупости командиров.

-- Ты, Туркмен, рассуждаешь, прямо как проповедник.

-- Ну, я же все-таки учился в офицерском училище, меня там пропагандой зарядили под завязку.

Тут в люк заскочил Хасан:

-- В общем, так, сейчас колонна выдвигается в Герат, едем сначала в сарбосовскую дивизию, там передохнем и пообедаем заодно, подождем наливники с горючкой, наши за это время смотаются в полк за хавкой и боеприпасами. После куда-то еще рванем, а вот куда -- не знаю.

-- А на хрена нам эти сарбосы? -- спросил я.

-- Да не знаю я, полкач так решил. Наверно, хочет навести разборки за провал в кишлаке. Ротный говорит, что полкач замполита вздрючил, и хотел в расположение отправить, но потом передумал, сами знаете, с замполитами ссориться опасно.

-- Пи...дить их надо. Это в Союзе пусть они политику свою пихают, а тут Афган, здесь другая политика. Черт, как базар про замполитов заходит, вспоминаются политзанятия, и сразу тянет на сон, -- сказал я, и завалился на десантное сидение. Спустя какое-то время я задремал, проснулся от жуткой жары весь мокрый от пота. БТР был раскален как духовка, я глянул на часы,

они показывали пол одиннадцатого дня, проспал я где-то около двух часов. Рядом на сиденье спал Урал.

-- Туркмен, где мы едем?

-- Я не Туркмен, я Хасан.

-- А где Туркмен?

-- Спит рядом с тобой.

-- Это же Урал.

-- Да на полу он спит.

-- Где едем, черт возьми?

-- Окрестности Герата показались, духовский мост уже видно, километра три примерно до него.

-- Спаситель мой где?

-- Сапог, что ли? На броне сидит.

-- У нас, вроде, брага оставалась?

-- Да, там есть пара литров.

-- На привале надо будет допить, а то переиграет и будет сивухой переть, ненавижу этот запах.

-- Конечно, выпьем, неужели ты думаешь, что мы ее обратно в полк привезем.

-- Дай чарса, я косяк заколочу, свой отдал пацанам. Хасан протянул пластинку, я взял у него эту пластинку и заколотил сигарету.

-- Ты будешь? Хотя чего я спрашиваю, когда ты не хотел.

-- Вот именно, и никогда такое не спрашивай.

Я прикурил и, сделав несколько затяжек, передал сигарету Хасану.

-- Юра, ты че гильзу не вставил?

-- Да облом с ней возиться, я не до конца выпотрошил, и забил так.

(Гильза -- это трубочка сделанная из плотной бумаги, ее вставляешь в выпотрошенную сигарету, как фильтр, чтоб табак не попадал в рот. Обычно мы ее делали из картонки из спичечного коробка или из пачки от сигарет.)

Мы выкурили косяк и я, захватив с собой автомат, полез на броню. Сапог сидел и разглядывал окрестности, колонна как змея двигалась по извилистой дороге, пыль относилась ветром в сторону и на броне было более или менее сносно. Жара стояла сумасшедшая, и горячий ветер обжигал лицо, но мы давно к этому привыкли и не обращали внимания. Впереди виднелись окрестности Герата, но это была духовская часть Герата. Полк, конечно, не поедет через город, хотя через него намного ближе, чем в объезд, но есть одно "но", там везде духи и везде мины. Бывали случаи, когда наши пытались таким образом сократить путь, но без происшествий это сделать никому не удавалось, и

приходилось всегда в спешке возвращаться обратно и ехать в объезд, только время зря теряли, а бывало, что людей и технику.

Я обратился к Сапогу:

-- Слушай, Сапог, а как тебя зовут-то? А то постоянно Сапог, Сапог.

-- Андрей, -- ответил Сапог.

-- Значит, тезка Качка?

-- Значит, так.

-- А на гражданке чем занимался?

-- Да ничем, работал сварщиком, потом в армию забрали.

-- А родом откуда?

-- Родился во Фрунзе, там школу закончил и уехал в Казахстан, в город Актюбинск.

-- Родня там, что ли?

-- Да нет, так просто поехал. Да, в общем, долгая история.

-- Да расскажи ты, все равно делать нечего.

-- После окончания школы гуляли мы на выпускном вечере, ну и выпили малость. Там ансамбль наш школьный пел, аппаратура у них была новая, недавно только закупили. Ну, мы с дружками после вечера еще выпили немного, и решили эту аппаратуру свиснуть. Трое нас было, вот мы ночью пришли к школе, выставили окно и залезли в здание, потом прошли в спортзал, там была кладовка и в ней хранилась вся эта аппаратура. Вот мы ее оттуда и уперли, взяли три электрогитары, усилитель, пару колонок, микрофоны и еще всякой дряни по мелочи, барабаны брать не стали, они гремят как кастрюли. Всю эту хрень мы спрятали за гаражами, и решили, когда все утихнет, пихнем все это, новая аппаратура у нас спросом пользовалась. А на другой день в школе начался кипеш, ментов вызвали, начали выдергивать тех, кто был на выпускном. А один мой дружок, Бахыт его звали, кому-то по пьяне проболтался, а тот другому и в оконцовке дошло до ментов. Двоих моих дружков забрали, а я успел смотаться, забрал из дома документы, взял деньги, сколько смог найти в доме, и рванул куда глаза глядят, а из родных ничего никому не сказал, матушка с батей были в это время на работе, а сестренка в школе. Ехал куда попало, сначала на попутках, потом на товарняках, и оказался в каком-то городе, как потом оказалось, это и был Актюбинск. Как раз было время сдачи документов в учебные заведения всякие, я набрел на какое-то училище и сдал документы на сварщика. Год проучился, но домой пока писать боялся, потом уже через полтора года на новогодние каникулы съездил в свой город, и втихаря пришел домой. Дома, конечно, все обрадовались, что я хоть живой оказался, потом разборки устроили, но все в конце концов

обошлось. Батя рассказал, что моих дружков посадили обоих, по два года дали общака, а меня менты сначала искали, спрашивали, а потом вроде бросили это дело, но мне батя посоветовал пока никому на глаза не показываться, а дальше видно будет. Потом я снова уехал в Актюбинск, закончил училище, прошел практику, потом началась отработка и оттуда же призвался в армию. Вот и вся история.

-- Ну ты даешь, Сапог, да ты, оказывается, фестивальщик.

-- Да, было дело.

-- Ну а чего здесь-то опустился так? Ты ведь вроде нормальный пацан, судя по рассказу.

-- Да это с учебки еще. Я с Носорогом в месте в одной учебке был, а у него земляк там служил на постоянке в роте обеспечения, вот они меня и загоняли. А потом когда сюда попал, Носорог меня стал опускать дальше, и сказал, если пикну, то он меня отпидарасит и всем объявит об этом, а я с детства драться не могу и не люблю. Он приставал ко мне постоянно. Ну, ты понимаешь о чем я.

-- Че ты говоришь? Носорог хотел тебя отжарить...? Сапог да ты че, шутишь? -- я обалдел от удивления.

-- Да какие тут шутки. Я ему сказал, что если он это сделает, я застрелюсь. Потом он отстал вроде, но обещал до самого дембеля меня чмырить. К Закирову он приставал постоянно насчет этого, но Закирчик с ним подрался, Носорог был здоровый бык и, естественно, отметелил Закирчика. Но Носорог тебя боялся, ты же земляк Закирова. Но ты дембель, и поэтому Носорог запугивал постоянно Закирчика, мол, уйдут дембеля, я тебя чурку ваще урою.

-- Так значит, Носорог беспределом занимался в роте конкретно?

-- Еще как.

-- Так он же трусливый был, как заяц.

-- Это он перед вами трусливый.

"Да, -- подумал я, -- Носорог оказывается, опускал пацанов по всякому. Ну что ж, он на что шел, на то и нарвался, Закиров оказался пацанчиком не промах. Но если б не Закирчик, так кто-нибудь другой все равно бы это сделал. Так ведь нельзя, здесь же не зона, черт возьми, но даже на зоне беспределом не занимаются."

-- А этот урод пидарасил кого-нибудь в роте? -- спросил я Сапога.

-- Вроде нет, но я по крайней мере, такого не слышал. Но приставал он к чижам постоянно.

-- Ну ты даешь, Сапог, я даже представить себе такого не мог.

А ну, Сапог, пошли в БТР запрыгнем.

Я запрыгнул в люк, и уселся на командирское сидение, Сапог залез за мной и пробрался в отсек, Туркмен с Уралом уже проснулись, и сидели болтали о чем-то.

-- Пацаны, знаете, что я вам сейчас расскажу, а?

-- Ну и что ты нам расскажешь, Юрец? -- спросил Хасан.

-- Я вам сейчас про Носорога, царствие ему подземельное, такую х...ню расскажу, не поверите.

И я поведал пацанам о том, что мне рассказал Сапог. Все слушали с недоумением, никто про Носорога такое не слышал, также как и я.

-- Не пи...ди, -- удивленно произнес Хасан, выслушав меня.

-- Вот свидетель перед вами, Сапог, не верите мне, спросите его.

Хасан посмотрел на Сапога, тот закивал головой. Потом все принялись обсуждать услышанное. Всех перебил Хасан.

-- Машина комбата свернула в кишлак! -- крикнул он.

Мы все вылезли на броню, Хасан отдал руль Туркмену, и тоже вылез с нами. За БТРом комбата в кишлак съехала машина ротного. Из кишлака повыскакивали бачата и побежали в сторону колонны, размахивая открытками, монтановскими сумками и всякой дребеденью, на которую можно обменять у нас еду или что-либо из одежды, у некоторых из них в руках были лепешки чарса, за ними потянулись и остальные обитатели этого небольшого кишлачка, они тащили канистры и ведра для солярки или бензина.

На окраине кишлака находились насколько бедных дуканчиков, в них торговали изюмом, сушеными дынями, гранатами (плод такой), лепешками и виноградом. Колонна остановилась, к машинам сразу же стали подбегать бачата и жители кишлака, началась торговля. Офицеры пытались отогнать бачат от машин, но те, как назойливые мухи, облепляли одну машину за другой. К нам подбежали пара бачат и стали предлагать чарс и всякие побрякушки.

-- Шурави, сумка бери, короший сумка. Мала деньга беру, -- баченок показывал мне три пальца, мол, триста афганей.

-- Да не надо мне твою сумку, пошел вон отсюда! -- крикнул я ему.

Урал подозвал этого баченка и стал предлагать ему сменять шапку на сумку. Хасан менял у другого бачи чарс на кашу из сухпая. Пока эти двое бачат парили нам мозги, третий с другой стороны пытался отвязать ящик с гранатами, которые были привязаны с боку БТРа. Я увидел это и закричал:

-- А ну, быстро пошел вон от сюда, сученок.

Баченок отбежал на несколько метров, потом остановился и стал смотреть на меня. Я навел на него автомат и передернул затвор.

-- Вали отсюда я тебе сказал, не врубаешься что ли.

Баченок скривил мне гримасу и побежал к следующему БТРу. Сапог сидел на башне и наблюдал за происходящим. Я крикнул ему:

-- Сапог, смотри за этими чертятами, а то они весь БТР по гайкам растащат.

К нам подошел старик с канистрой.

-- Масла, масла, -- говорил он и показывал на канистру.

Я поманил его пальцем, он быстро подошел ко мне и стал протягивать канистру.

-- Да убери ты эту канистру, пистолетные патроны есть, цинк. Понимаешь. Пуф-пуф. Понимаешь? Маленький такой, -- я показывал пальцами размер патрончика.

-- Масла, Шурави, -- тыкал он мне канистру.

-- Вот баран, да нахер мне твоя канистра. Хасан! Переведи этому придурку.

-- Че ты хотел? -- спросил Хасан, подойдя к нам.

-- Патроны ему хочу сбагрить, скажи ты ему там по-своему.

Хасан перебросился с этим аксакалом несколькими фразами, тот закивал. Хасан показал ему два пальца, старик ему один.

-- Он берет один цинк, -- сказал Хасан.

-- За сколько?

-- За пятнадцать. Говорит, что два бы взял с удовольствием, но денег на два нету.

-- Так пусть предложит кому-нибудь из своих. Хотя, слушай, поехали подъедем к кишлаку, заодно в дукане возьмем лепешек и винограду.

Хасан вытащил цинк с патронами и показал старику, чтоб подошел с другой стороны. Тот обошел БТР, отдал деньги и забрал цинк с патронами; замотав его в мешковину, он поспешно направился в кишлак.

-- Туркмен! Поехали подъедем к дуканам.

БТР наш тронулся, и мы направились в сторону дуканов. Хасан показал пальцем в сторону кишлака. Там между дувалами стояли две БМПшки.

-- Смотрите, вон разведка стоит.

-- Ну, ни фига себе, они уже там, ну разведчики, шустрые ребята, -удивился я.

-- Сейчас подъедем и узнаем, чего они там торчат, -- промолвил Урал.

-- А ну, покажь сумарь, -- я взял из рук Урала сумку, которую

он выменял у бачи.

-- За шапку выкрутил, да?

-- Пришлось еще ремень отдать в придачу.

-- Ниче, нормально, на дембель покатит, -- я протянул Уралу сумку.

Мы подъехали к дуканам и стали разглядывать их содержимое. Туркмен спрыгнул с БТРа и, подойдя к дуканщику, стал с ним о чем-то болтать, пробуя при этом виноград.

-- Хасан, а давай заберем все, что захотим, а если этот душара будет пи...деть, по башке автоматом долбанем, и все, че зря деньги тратить, -предложил я.

-- Ага, конечно, это уже наша сторона Герата, тут советники где-то недалеко. Сейчас пожалуются царандойцам или ХАДовцам, те особняк подключат, потом разъе...ывайся с ними.

-- Да пошли они нахер эти царандойцы, как воевать, так их нету. К тому же это не наша сторона, здесь пограничная зона.

-- Да какая разница, чья сторона. Скажут, что мародерством занимаемся и все такое.

-- Ну, иди возьми пожрать в дукане, а то Туркмен стоит болтает бестолку и виноград жрет.

-- Пошли вместе.

Мы спрыгнули с брони и подошли к Туркмену с дуканщиком. Потом Хасан пошел к другому дукану, расположенному недалеко от этого.

-- Ну че Туркмен торгуешься? -- спросил я.

-- Да нет, просто болтаем. Зачем торговаться, я и так нахаляву фрукты хаваю.

Я тоже оторвал от кисти несколько виноградинок и стал кидать их в рот по одной. К нашему БТРу снова подбежали двое бачат и стали крутиться, предлагая что-то Уралу с Сапогом. Я хотел крикнуть им, чтоб смотрели за этими гавриками, но Сапог и так бдительно наблюдал за бачатами. Дуканщик неплохо знал русский, и я его спросил:

-- Патроны возьмешь?

-- Какой патрон? -- спросил он.

-- Пистолет -- Макаров.

-- Скока?

-- Цинк.

-- Давай неси, беру.

-- Пятнадцать, -- предложил я.

-- Давай, даю пятнадцать.

-- А двадцать?

-- Нет, двадцать не даю, цена пятнадцать, больше не даю.

К нам подошел Хасан, в руках у него было несколько лепешек

и гора винограда. Туркмен тоже купил пару лепешек, винограда и несколько гранат, и мы направились к БТРу.

-- Тот дуканщик берет патроны, -- обратился ко мне Хасан.

-- Этот тоже берет.

-- Я с тем уже договорился за пятнадцать.

-- Я с этим тоже, да к тому же сюда ближе нести.

Я обернулся, дуканщик шел следом за нами. Потом я увидел, как другой дуканщик тоже бежит к нашему БТРу. После оба дуканщика стали спорить между собой, размахивая руками.

-- Хасан, чего они орут? -- спросил я.

-- Спорят, кто патроны возьмет.

-- Кто больше заплатит, тот и возьмет, че тут думать.

-- Ага, хрен они больше заплатят, будут целый день спорить, а больше пятнадцати ни один не даст.

-- Ну и пошли они тогда нахер, не ждать же, пока они наорутся.

Мы залезли на броню, Хасан достал цинк с патронами, и что-то крикнул им, оба дуканщика сразу заткнулись и уставились на Хасана.

-- Чего ты им такого сказал? -- спросил я Хасана.

-- Предложил, как ты советовал, кто больше даст, того и цинк, и они заткнулись сразу.

Потом Хасан показал пальцем на дуканщика, с которым договаривался я и, говоря ему что-то по-таджикски, указал на меня, после чего протянул ему патроны, тот подошел ко мне и протянул деньги, я взял их и положил в карман. После афганцев деньги можно не пересчитывать, они обычно не надувают, это наши вечно "кидают" духов на каждом шагу. То солидол им спихнут вместо масла, в канистру натолкают солидола, а сверху нальют немного масла, то вместо тушенки пропихнут хрень какую-нибудь в банке. Поэтому духи нам не очень то доверяют, прежде чем дать деньги они говорят: "Шурави, давай контрол", мол, давай проверим.

И так удачно сторговавшись, мы загрузились на броню и направились в сторону, где стояли разведчики, там же недалеко стояли машины комбата и ротного.

-- А че ты своему дуканщику патроны не продал?

-- Тот, с которым ты договорился, таджик по нации.

-- А, ну тогда понятно, родная кровь, значит. Слушай, а ты чарса взял? --спросил я Хасана.

-- Взял, конечно, я чарс всегда в первую очередь беру.

-- Ну тогда забей косяк, что ли.

-- Я уже забил.

-- Ну взрывай.

-- Кто будет? Сапог, курнешь?

-- Не, я не буду.

-- Ну, дело хозяйское. Урал, спроси Туркмена.

-- Нет, он не будет, -- ответил Урал.

Мы втроем курнули косяк, БТР как раз подкатил к БМПшкам разведчиков. Из люка торчал Серега.

-- Серега, где остальные? -- крикнул ему я.

-- По кишлаку шарахаются где-то.

-- А че вы здесь делаете?

-- Комбат здесь со старейшинами базарит о чем-то.

-- А Пипок где?

-- Не знаю, там по кишлаку лазит, только что на горизонте мелькал, потом свалил куда-то.

Мы с Хасаном спрыгнули с брони и направились в кишлак, Урал запрыгнул на БМПшку к разведчикам, а Туркмен с Сапогом остались в БТРе. Километрах в двух виднелись руины старого города, и немного позади видно было духовский мост, вдалеке виднелась бетонка и кусочек нашего моста с заставой, мы находились на возвышенности, и поэтому видели всю окраину старого и нового города.

В кишлаке жизнь била ключом, женщины что-то колдовали возле глиняных печей находящихся во дворах, наверное, пекли лепешки, старики курили чилим и о чем-то судачили между собой. Мужиков и парней в кишлаке видно не было, в основном они были в бандах, а тех, кто не успел уйти в банду, забирали в армию. Жители кишлака смотрели на нас с подозрением, явно они нам не доверяли, да как нам доверять, наши военные частенько заезжая в подобные кишлаки, занимались тут беспределом. Заходили во все дома, забирали все, что понравится, одним словом просто грабили их, и возразить местные ничего не могли, а все делалось под видом того, что, мол, ищем здесь оружие и боеприпасы и тайники душманов. Чумазые как чертята детишки со стороны глазели на наших солдат, а те, что были посмелее, подбегали и протягивали ручки со словами: "Шурави -- бакшиш, бакшиш" (это значит подарок). По всему было видно, что кишлак бедный, это было видно и по одежде обитателей и по постройкам. Зелени тоже здесь было мало, по окраинам кое-где виднелись редкие виноградники, в низине ближе к речке были разбиты небольшие участки огородиков. Рядом с огородами паслось небольшое стадо баранов и пара коров, по кишлаку бродил худой и облезлый верблюд и пара оседланных ишаков.

-- Куда мы идем? -- спросил я Хасана.

-- Да никуда, просто походим по кишлаку, посмотрим, как

люди живут. А че еще делать?

Вдруг рядом с нами прогремел выстрел, потом крик и очередь из автомата. Мы с Хасаном моментально вскинули автоматы и стали озираться. Очередь прервалась, но крик продолжался, в кишлаке сразу все забегали, перепуганные жители начали прятаться по домам, военные держали оружие наготове.

Я заскочил за дувал, и вдруг увидел орущего Пипка, он кричал как дурак, направив автомат на дверь дувала, палец его сжимал курок, но в магазине закончились патроны, и слышен был только его крик. Я подбежал к нему и тряхнул за плечо:

-- Пипок, че ты орешь?! Что случилось?! Черт возьми! -- я развернул его к себе лицом.

-- Не, ты видел?! Мля, Душара, сука рваный! Чуть не замочил, пидор! Не, ты видел? Мля, гад -- падла! Ты видел? Юра, ты видел?! -- Пипок талдычил как сумасшедший.

-- Да успокойся ты, Пипок! -- крикнул я ему в лицо.

Пипок смотрел на меня ошалелыми и перепуганными глазами. Я первый раз в жизни видел перепуганную улыбку.

К нам подбежали бойцы и офицеры, они в непонятках смотрели на нас с Пипком.

Подбежали наш ротный с комбатом и летеха -- взводный разведки.

-- Что здесь происходит?! -- закричал комбат.

Пипок показывал на дверь дувала и повторял дрожащим голосом:

-- Душара, сука, чуть не застрелил -- гад.

Мы все бросились к двери дувала, первым заскочил в дувал комбат, за ним ротный и взводный разведки, за ними зашли мы с Хасаном. В дувале была жуткая картина. На полу лежал старик, рядом валялся бур, рядом со стариком лежала женщина, а возле нее плакал ребенок двух лет примерно. Старик был весь изорван пулями, женщина была тяжело ранена, но еще дышала, ребенок вроде был цел. Пипок от страха выпустил в двери дувала весь рожок на сорок пять патронов.

-- Выходим отсюда! Быстро! Мудаки, е... вашу мать! -- крикнул комбат.

Мы выскочили из дувала.

-- Ко мне иди, Пипонин! -- крикнул Пипку Комбат.

Пипок подбежал к нему.

-- Ну почему с тобой вечно что-нибудь приключается? Росту от горшка два вершка, а чтоб где не случилось, везде Пипонин. Ну, что здесь было? Черт тебя возьми!

-- Душара этот из бура, товарищ майор, пуля по макушке задела, чуть не убил, сволочь такая, -- талдычил Пипок, глядя на

комбата.

-- Кто давал команду бродить по кишлаку?! А ты, лейтенант, какого хрена смотрел?! А-а, -- комбат махнул рукой и крикнул:

-- Все по машинам, и уходим отсюда! Быстро!

Мы все быстро направились к машинам, я посмотрел на Пипка и увидел, что макушка у него обоженная, меня разобрал смех. Пипку повезло с его ростом, этот дед намеривался попасть в лоб первому, кто из военных сунется в дверь его дома.

-- Юра, ну че ты смеешься? Тебе бы так.

-- Не дай бог, Пипок. Если б я был на твоем месте, то дырка была бы у меня, как раз между глаз. Ну, ты не переживай Пипок, живой ведь остался, и благодари бога за свой рост.

-- Ага, не переживай. У меня вон руки дрожат как с похмелья.

-- Ну так похмелись. Сейчас запрыгнешь на минутку на наш БТР, он рядом стоит с вашей БМПшкой.

-- А зачем?

-- Потом узнаешь, а сейчас пошли быстрей на машины.

Мы бегом добежали до своих машин, и запрыгнули на броню.

-- Что случилось? -- Спросил Туркмен.

-- Потом расскажу.

-- Сапог, налей кружку браги побыстрее.

-- Да в чем дело? -- опять спросил Туркмен недоумевая.

-- Пипку надо стресс снять, когда расскажу -- уссытесь.

Сапог налил браги в кружку, Пипок дрожащими руками схватил ее, и с присербом стал пить, выпив, он немного отдышался, потом, поблагодарив мня, побежал к своей БМПшке.

-- Давай похаваем, я жрать хочу, как из пулемета, -- предложил Хасан после того, как БТР наш тронулся.

Мы все расположились в десантном отсеке, разлили брагу и приготовились спокойно поесть.

По ходу мы с Хасаном стали рассказывать, что приключилось с Пипком в кишлаке. Пацаны падали со смеху, когда я рассказывал про перепуганную улыбку и обоженную макушку. После мы помянули мужиков, тех, кто не вернулся с прочески и, сытно поев лепешек с виноградом, расположились немного отдохнуть, а колонна в это время медленно двигалась в сторону бетонки. Кишлак остался позади, позади также остались мертвый старик, смертельно раненная женщина и чудом уцелевший перепуганный ребенок. А мы катили по дороге, не задумываясь о том, какое горе причинили этой семье, близким этих людей, нам было на это наплевать, у нас была другая мораль, а если сказать точнее, то не было ни какой морали, мы просто были на войне.

В ГОСТЯХ У САРБОСОВ

Спустя время колонна выехала на бетонку и, минуя

сторожевую заставу, направилась в центр советского Герата. На въезде в город, по обе стороны бетонки возвышались стройные тополя. Особого внимания жители города на нас не обращали, для них это было обычным делом, наши колонны частенько мотались туда-сюда по бетонке, проходящей через город, патруль постоянно мелькал по Герату, да и район, где находились наши советники, находился прямо в городе.

Центр Герата пестрел дуканами, они располагались по обе стороны бетонки, глаза разбегались от обилия товаров. На витринах красовалась японская аппаратура: двухкассетники и телевизоры рядами были выставлены в стеклах витрин, каких моделей здесь только не было, все сверкало и переливалось. Союз не больно баловал нас импортной аппаратурой, поэтому нам было в диковинку все эти навороты японской техники, за две три тысячи афганей здесь можно было приобрести не плохую магнитолу. Одежды и обуви здесь тоже был широкий выбор, на витринах весели костюмы самых знаменитых западных фирм, от спортивных до строгих. Женского белья тоже было в изобилии, особенно пользовались спросом у наших офицеров "недельки" (это женские трусики, в комплекте на каждый день недели), они брали их своим женам или подругам. Из обуви в основном были кроссовки любого типа и расцветки. Продуктовые дуканы были напичканы разными экзотическими фруктами, в атмосфере витал запах жареных шашлыков. Мы ехали и смотрели на все это, как в музее, Сапог вообще тонул во впечатлениях от увиденного, он же практически не вылезал из расположения полка.

-- Смотри, Юра! -- выкрикнул Хасан, и показал пальцем на женщину в парандже.

-- А че смотреть, баба как баба, только рожи не видно.

-- Да нет, ты посмотри на ее башмаки.

Я глянул на ноги, на этой девке, были одеты модные кроссовки.

-- Да, прикол, сочетание средневековья и цивилизации.

Хасан что-то ей крикнул на своем языке, но она ноль эмоций, даже не взглянула в нашу сторону.

-- Да нахрен ты ей сдался, Хасан, -- сказал я ему.

-- Вот бы напялить ее, у меня скоро яйца взорвутся, -- промолвил с сожалением Хасан.

-- Сначала надо на морду посмотреть, может там страшилище.

-- Да какая разница, мне сейчас похеру, хоть крокодил.

-- Хасан, ну тебя нахер, не дразни меня, лучше про это не думать, а то стояк замучит.

Колонна свернула вправо и покатила в сторону расположения

сарбосовской дивизии. Спустя время мы остановились перпендикулярно дороге, которая вела к воротам с аркой, это был въезд на территорию сарбосовской дивизии. Наш БТР остановился прямо напротив этих ворот, по обе стороны арки на пьедестале красовались две пушки старинного образца. У ворот стояло несколько БТРов и три легковые тойоты, это скорее всего были машины советников.

Дивизия располагалась на склоне горы, чуть правее находился полигон, на нем наши советники обучали сарбосовских призывников обращаться с нашим оружием. БТРы полкача и комбата заехали в ворота дивизии и остановились возле штаба.

Мимо нашей колонны прокатили два джипа и один разрисованный БТР, это была дружественная банда Асифа, они не воевали ни с духами, ни с нашими, и в основном играли роль посредников между воюющими сторонами. Дворец Асифа был в пригороде Герата, приходилось там разок бывать, мы сопровождали туда сарбосовского министра обороны. Одним словом все там, как в восточных сказках, я даже не мог себе представить, что такое может существовать на самом деле. От красоты и сказочности просто дух захватывало, вокруг война, а тут рай в полном смысле слова, и дворец, и озеро с лебедями, и гарем, короче полный комплект атрибутов султана. Да, кто-то воюет -- а кто-то кайфует, парадокс.

Колонна Асифа тоже свернула в дивизию и скрылась за воротами. Потом показался эскорт боевых вертолетов, я насчитал шесть штук, они приближались к нам разбрасывая во все стороны сигнальные ракеты.

-- А это еще что такое? Наверное, "шишка" какая то, -- произнес Урал, показывая на вертушки.

-- Да, ты прав, это кто-то с большими звездами. И летят вроде сюда, даже, по-моему, снижаются, -- ответил я.

-- Да, да, снижаются, -- сказал Хасан.

-- У них здесь сходка какая то, судя по всему.

К нам подъехал комбатовский БТР.

-- Пехота, а ну прочешите окрестность. Вон по тем дувалам пробежитесь, проверяйте все помещения. Сейчас сюда приземлится комдив. Чтоб все вокруг было спокойно. Ясно?

-- Ясно, товарищ майор, -- ответил Хасан.

Если заметите что-нибудь подозрительное, перемещения какие-нибудь, или группу подозрительных людей, сразу доложите. И патрулируйте местность, пока не улетят вертушки. Все, выполняйте.

Комбат поехал дальше, а мы попрыгали на землю и

направились в сторону дувалов, расположенных вдоль дороги.

-- Сам комдив пожаловал, сейчас разборки начнутся. Полкач наверно втык получит за прическу, -- сказал Хасан.

-- Да уж, разгоняй от комдива сейчас все получат за бестолковые потери.

Мы с Хасаном зашли во двор первого попавшегося дома, Урал с Сапогом пошли в следующий. Можно было не беспокоиться, духов тут быть не могло, в этом районе города жили мирные, в основном это дома тех же сарбосов. Но комбата можно понять, мало ли чего, любые недоразумения надо было исключить.

Я открыл дверь и остановился на пороге, прямо у двери посредине комнатушки сидели три старца, в центре дымился большой глиняный чилим с тремя трубками, старики курили гашиш и болтали между собой. Когда я вошел, они замолчали и уставились на меня в недоумении. Прямо и на право находились еще две комнаты, завешанные грязными занавесками. За мной следом вошел Хасан.

-- А ну, старички, дайте пройти, -- обратился я к ним и показал жестом, чтоб они дали мне пройти.

Они что-то начали лепетать по-своему, но с места не двигались. Из ихнего трепа я понял только одно слово, шурави.

-- Хасан, что они талдычат?

-- Говорят, что обижаешь ты их, они старые, им трудно подняться, а ты молодой неуважительно к ним относишься.

-- Ага, значит им задницы трудно поднять. А ну, Хасан, выйдем на минутку.

Мы вышли из этой хибары.

-- Че ты хочешь, Юра?

-- Сейчас узнаешь.

Я вытащил гранату, открутил запал, потом отломал от запала взрыватель и снова закрутил запал в гранату. После чего, я выдернул кольцо и бросил гранату за дверь, раздался щелчок, через секунды три я заглянул в дверь, стариков как ветром сдуло, один чилим дымился.

-- Посмотри Хасан, какие они шустрые, а говорили, что трудно им жопу поднять.

Хасан стоял и уссыкался.

-- Ну, пошли, успокоим дедков, скажи им, что это учебная граната была.

Мы зашли в помещение, я наклонился, подобрал гранату и по ходу сделал пару затяжек из чилима, Хасан тоже курнул пару раз на халяву. Я откинул занавеску дулом автомата и прошел в другую комнату. Два старика забившись в угол, смотрели на меня перепуганными глазами. Я бросил одному из них эту гранату.

Он отбил ее рукой и закричал:

-- Шайтан, шайтан!

-- Сам ты черт! -- крикнул я ему в ответ и меня разобрал дикий смех, гашиш от чилима зацепил меня капитально, я смеялся и не мог остановиться, а как гляну на этих дедков, то вообще отпад. Потом раздался женский визг из другой комнаты, я быстро направился туда.

Возле входа в другую комнату стоял Хасан, третий старикан стоял перед ним на коленях, обеими руками вцепившись в его автомат, а внутри комнаты сидели две женщины, одна из них визжала как сумасшедшая. Хасан что-то кричал этому старику, и пытался вырвать из его рук автомат, но тот вцепился как клещ. Я подбежал к этому старику и схватил его за шею, она у него была худая и тонкая, я даже подумал, если ее с силой сжать, то она переломится. Второй рукой я схватил его за горло и начал оттаскивать, Хасану удалось вырвать из его рук автомат. Старик захрипел, изо рта полилась слюна на мою руку, я отбросил его в сторону и вытер руку об занавеску.

-- Вот вцепился сука, дохлый такой, а цепкий падла, -- произнес Хасан.

-- Че ты ему сделал? -- спросил я Хасана.

-- Да ниче я не делал, хотел войти посмотреть, а тут он возле порога, и как вцепился в автомат. Тут женское отделение, туда мужикам запрещено входить, я знаю это. Но он сука хоть бы сказал, а то кинулся как собака и сразу за автомат. Бля, щас как нае...ну по башке этим автоматом, придурок старый, -- Хасан замахнулся на старика автоматом, тот закрылся руками и заскулил.

-- Пошли отсюда, здесь дурдом какой-то, -- сказал я Хасану, и заехал пинком по чилиму, чилим разлетелся, обрызгав нас с Хасаном водой.

-- Нах...я ты разбил чилим, дурак?! -- возмутился Хасан.

-- А че, ты его с собой тащить собрался?

-- Да, забрал бы.

-- Нахрен он тебе нужен, в БТРе и так места нету, и ты еще эту херовину с тремя стволами туда запрешь. Был бы поменьше размером, тогда я и сам бы его забрал. А то дура такая, чуть ли не на ведро воды.

Мы вышли из этой дурхаты и пошли в соседний двор. Оттуда как раз выходили Сапог с Уралом, мы направились им на встречу.

Вертушки с комдивом приземлились на площадке, недалеко от ворот в дивизию, вокруг вертушек бродили летуны, а комдив, наверное, уже в штабе сарбосовской дивизии.

-- Ну, как у вас? -- спросил я Урала с Сапогом.

-- Да нормально, молока верблюжьего попили и лепешек поели, хозяева оказались неплохими, --ответил Урал.

-- Вот хрень, а у нас какие-то придурки попались, -- пожаловался Хасан.

-- А в полк затариваться кто поехал? -- спросил я.

-- От нас, вроде, БТР Грека поехал, -- ответил Урал.

-- Надо было горный сухпай пацанам заказать, и дрожи с сахаром. Ну да черт с ним.

-- Раньше надо было включиться, -- сказал Хасан.

Я стал рассказывать, как мы гостили в соседнем дворе, и все начали прикалываться. Посидев немного, посмеявшись, Хасан вдруг предложил:

-- Пошли в дукан, вон, оттуда дым валит, может, шашлыков пожрем.

-- Не, не охота, мы пожрали, -- сказал Урал, и обратился к Сапогу:

-- Если хочешь, иди.

-- Нет, я тоже не хочу, я лучше здесь в тени посижу с Уралом, -ответил Сапог.

-- Ну, не хотите, как хотите. Пошли, Хасан.

Мы направились в дукан, который был метрах в двустах от нас.

Дукан был продуктовый, здесь были фрукты, крупы разные, винограду разных сортов было валом, какие-то конфеты с арабскими иероглифами на этикетках и еще уйма всякой хрени. Дукан был не сказать что богатый, но далеко не бедный, видно, торговля шла неплохо. В дукане торчали три сарбоса, на погонах у них были ромбики и скрещенные сабли, наверное, офицеры, но в ихних регалиях я не разбирался. Хасан подошел к ним и начал болтать, дуканщика видно не было. Я бродя по дукану увидел вход в еще одно помещение, закрытый мешковиной, оттуда тянуло жаренным мясом. Я откинул мешковину и заглянул туда, моему взору предстал дуканщик с приветливым выражением лица, он был толстый и маленького роста. Увидев меня, он заулыбался, и сказал на чисто русском языке (этому ни кто не удивлялся, на русском говорили многие афганцы, а дуканщики почти все, особенно в больших городах):

-- О, шурави, ну заходи, заходи, дорогой.

Я зашел в помещение, посреди комнаты стоял мангал, и на нем жарились шашлыки, около десяти шампуров, тут же лежала шкура разделанного барана, вокруг нее вились зеленые мухи. Возле шкуры стоял армейский зеленый бак, видно, купленный у наших, такие баки применялись в походной кухне для разноса первых блюд, в нем дуканщик мариновал мясо для шашлыка.

-- Сколько стоит один шампур? -- спросил я дуканщика.

-- Три чека.

-- А выпить есть что-нибудь?

-- Кишмишовка есть.

-- Нет, ну его нахер этот самогон, слишком жарко для такого пойла. Вино есть?

-- Есть. Какое надо?

-- Да любое. Только не советскую бормотуху, я ее на гражданке напьюсь.

-- Нет, что ты, такой дрянью мы не торгуем.

-- Откуда знаешь, что бормотуха наша дрянь?

-- Я же в Ташкенте учился.

-- А, ну тогда понятно. А на кого учился?

-- На офицера.

-- А че тогда торгуешь, а не воюешь?

-- Ступню оторвало, вашей миной. Лепешка такая серая, знаешь? Вы же их накидали, где попало, -- дуканщик показал мне ногу с протезом вместо ступни.

-- Под ноги надо смотреть, вояка.

-- А, плевать на ногу, зато я теперь здесь торгую спокойно, дом рядом, война меня не касается. Ну что еще надо, такому как я.

-- Дело хозяйское. Ну, когда шашлык-то будем жрать, хозяин?

-- Сейчас, пять минут, еще не дожарился.

-- Вина бутылку принеси.

-- Какое будешь пить?

-- Я не аристократ, чтоб в винах разбираться. Неси которое покрепче. Да, и позови таджика, он там с сарбосами болтает.

Дуканщик вышел, а я закурил сигарету и присел на бак с мясом, от шкуры несло тухлым запашком, да и мух налетело целая куча. Я взял эту шкуру и выбросил ее в окно. Где-то через минуту вошел Хасан.

-- О-о, шашлыки, -- пропел Хасан, и схватив шампур начал хавать мясо.

-- Э, он не готов еще, ты че как дикарь, как будто шашлыков не видел никогда, -- сказал я ему.

-- Я жрать хочу.

-- Че, голодняк пробил?

Вошел дуканщик, он притащил бутылку вина и поставил рядом с нами, потом взял шесть палок шашлыка и собрался выходить, на мангале осталось три шампура. Хасан что-то ему сказал на родном языке.

-- Они заказали шесть, -- ответил на русском Дуканщик.

-- Ну отнеси им четыре, остальные, скажи, мы съели, -- не

унимался Хасан.

-- Они первые заказали, к тому же их трое, -- ответил дуканщик и вышел.

-- Хасан, ты че как голодный. Четыре нам не хватит что ли, -- сказал я Хасану.

-- Тогда мне три, а тебе один.

-- Хрен тебе на воротник, мне два, я тоже жрать хочу.

Я взял бутылку вина и посмотрел на этикетку, там было что-то написано на каком-то мудреном языке. Глянув на пробку, я понял, без штопора тут не обойтись. Ай, да хрен с ним, я подошел к мангалу и отбил об него горлышко. Потом взял шампур, и стал есть шашлык, поставив бутылку на пол.

-- Юра, че ты разбил?

-- Вино открыл, не видишь что ли.

-- Откуда вино?

-- Дуканщик принес.

-- Дай глотну, -- Хасан протянул руку.

-- Рожу порежешь, иди, возьми какую-нибудь тару у дуканщика.

В двери появились Урал с Сапогом.

-- О, Сапог, иди возьми у дуканщика что-нибудь, из чего можно вина выпить, -- обратился к Сапогу Хасан.

-- И еще бутылку вина захвати, и спроси, сколько стоит, -- добавил я.

Сапог ушел, и через минуту появился с большой пиалой и бутылкой вина.

-- Червонец чеками бутылка, -- сказал Сапог, подавая бутылку.

-- Так, значит, двадцать за вино и двенадцать за шашлыки и того тридцать шесть. На афошки это будет?.. Короче, семьсот афошек. Хасан, кто расплатится? Давай ты, а следующий раз я.

-- Хитрый ты, Юра.

-- А че хитрый. Ну, давай я заплачу, раз так.

-- Да ладно, я отдам, просто в следующий раз я сожру побольше.

-- Ты и сейчас сожрал немало, мне один шампур достался, пока я с бормотухой возился.

Я налил всем по очереди вина, и выпил сам, вино было так себе, кисло-сладкое, а может, я просто не разбираюсь в винах. Мы же советские, привыкли пить, чтоб по шарам било, а о вкусе не думали.

-- Берите шашлык, вам одна на двоих, нам с Хасаном три, -- предложил я Уралу с Сапогом.

-- О, мясо я буду, -- сказал с довольным видом Урал.

Урал взял шампур, и они с Сапогом стали его есть на пару, мы выпили вторую бутылку, потом еще курнули косяк, нас немного развезло, и мы сидели мирно болтали о всякой ерунде. Не знаю, сколько прошло времени, когда послышался гул вертолетов.

-- Ну все, пацаны, закругляемся, комдив улетел, и нам пора. Отдохнули мы ништяк, -- заявил я ребятам.

-- Базара нет, -- ответил Хасан.

Мы расплатились с дуканщиком, поблагодарили его за шашлыки и пошли на свой БТР.

Возле нашего БТРа стояла БМПшка разведчиков, рядом с ней стояли Пипок, Серега и Туркмен, мы подошли к ним.

-- Ну как, Пипок, отошел после облома, -- спросил я.

-- Да, нормально.

-- Глухо тебе душара макушку поджарил.

-- Да пошел ты.

-- А вы где лазили четыре часа? -- спросил Туркмен.

-- О-о, мы побалдели нормально, вина попили, шашлыков поели, в одной хибаре на прикол нарвались, -- ответил Хасан, и рассказал, как мы с дедками поприкаловались.

-- А мне что, шашлыка не приперли? -- спросил Туркмен.

-- Сарбосы все сожрали, ну и Хасан неплохо приложился, -- ответил я, и спросил:

-- А наши с полка приехали?

-- Да, вернулись, они на тропосфере затарились, в полк не заезжали. Жратвы привезли и боеприпасов, машины заправили.

-- Куда махнем?

-- На иранскую границу, там будем караваны пасти, Шиндантские духов там где-то мочат, а мы будем караванные тропы держать, чтоб духам снабжения не давать, -- ответил Серега.

-- А Асифу че надо было?

-- Хрен знает, вроде просил, чтоб его караваны не бомбили.

-- Когда выдвигаемся?

-- Да щас поедем, полкач уже в колонне.

-- Откуда ты, Серега, обо всем знаешь?

-- Ну, разведка ведь, это вы, соляра, ни хрена не знаете.

-- Ну ладно, знаток, не очень-то на пехоту наезжай, а то по башке получишь, -- заявил Хасан Сереге.

Из БМПшки вылез водила и крикнул:

-- Поехали, взводный вызывает.

Серега с Пипком запрыгнули в БМПшку и укатили, а мы залезли на броню и стали ждать выдвижения. Через полчаса колонна выдвинулась, а мы, раскумаренные вином, курнули еще

косяк и, поев винограда, завалились отдыхать в десантный отсек. Дело шло к вечеру, и надо было быстрее проследовать горы и выехать к иранской границе, а то ночью катить среди гор -- процедура не из приятных.

Ну что ж, отдохнули мы у сарбосов неплохо, хоть мало, но все-таки лучше, чем ничего.

ПРОГУЛКА ПО ИРАНУ

Я открыл глаза: напротив моего лица под защитным плафоном горела лампочка, равномерно гудели двигатели БТРа, я лежа смотрел на плафон, машина шла мягко -- наверное, двигались по песку, было немного прохладно, но это даже хорошо, а то жара за целый день уже надоела. Приятно было смотреть на сине-зеленый свет. Я представил себя в космическом корабле, мы летим по галактике, а впереди бесконечная голубизна космоса, и хотелось, чтоб это состояние продолжалось, как можно дольше. Глаза мои снова закрылись, и я стал погружаться в сон, продолжая представлять себя в космосе. Я бы, может, еще некоторое время подремал, но где-то рядом раздалась короткая очередь из КПВТ, я очнулся от дремоты и фантазий, вернувшись в реальность. Вот черт, какому-то дураку делать нечего, весь кайф обломал.

С трудом приподнявшись я спросил:

-- Кто едет?

-- Я еду, -- ответил Хасан.

-- А сколько время?

-- Одиннадцать.

-- Юра, хорош орать, спать мешаешь, -- пробубнил сонным голосом Туркмен.

Я перелез через спящих пацанов, и запрыгнул в командирское сидение.

-- Горы проехали?

-- Да, час назад.

-- Давно едешь?

-- Не, час где-то. Как только горы проехали я сел, а Туркмен спать завалился.

-- Не устал? А то давай я поеду.

-- Нет, нормально, сиди отдыхай.

Я одел шлемофон, общий эфир молчал, я погулял по волнам и выловил голос Америки, они вещали на каком-то азиатском я зыке, я снял шлемофон и протянул Хасану:

-- На переведи, что там болтают.

Хасан надел его, через пару минут снял и бросил мне на колени:

-- На узбекском трещат, ничего интересного. Рассказывают,

про обстрел наливников где-то за Гератом.

-- Знаешь левую волну, на которой пацаны сидят?

Хасан снова надел шлемофон и покрутил настройку.

-- Ну, че там? Дай послушаю, -- снял с него шлемофон, и напялил его на себя.

В эфире шел диалог между танкистами и второй ротой.

-- Фазан, заганы чарса на 411-й, у нас вашэ галяк, -- донеслось с эфира.

-- Кто это?

-- Качи-вачи.

(Качи-вачи -- это водила на 411-м БТРе, по нации он грузин, прослужил полтора года и был "дед".)

-- О, салам Качи-вачи. Где вы находитесь?

-- Васмой от комбата.

-- О, далеко. Когда колонна станет, зашлите кого-нибудь.

-- Нэштяк, сдэлаем.

-- Качи-вачи, ответь 472-му. Это Юра, -- подключился я к разговору.

-- О, Юра, салам.

-- У нас возьмите, мы третьи от комбата.

-- О, спасыбо Юра, канэчно к вам блыже, я чижа заганю.

-- Ну, бывай.

-- Чего грузин хочет? -- спросил Хасан, когда я снял шлемофон.

-- Чарса просит. Он с Фазаном договаривался, но танкисты же впереди колонны идут, к ним пока доковыляешь, а мы через пять БТРов от них.

-- Да пусть заходят, жалко что ли.

Сзади что-то стукнуло по БТРу, нас слегка качнуло, я аж вздрогнул.

-- Кто сзади едет? -- спросил я Хасана.

-- Хохол, кто же еще. Опять уснул, мудила.

-- Я завтра пришибу этого Хохла, -- подал голос Туркмен из отсека.

-- Как он до сих пор в пропасть не улетел, постоянно спит за рулем. Как только он едет, так обязательно долбанет кого-нибудь, или его долбанут сзади. Гранату ему кинуть в люк, что ли, -- возмутился Хасан.

-- Ему уже разведчики раз по башке надавали, когда он у БМПшки баки помял. Помнишь, Хасан?

-- Да помню. А ему все равно похер. Надо Греку сказать, чтоб подрочил своего водилу.

-- Ну ладно, Хасан, раз ты мне руль не даешь, пошел я спать.

-- Да посиди, косяк сейчас забьем. Скучно ведь одному.

-- Ну ладно, давай чарс.

Я взял чарс у Хасана, забил косяк и мы курнули.

Колонна остановилась минут через двадцать, и к нам в люк запрыгнул ротный.

-- Сейчас прокатимся вдоль иранской границы, выступим в роли разведки. Я поеду с вами, у моего БТРа левый движок накрылся, на одном тащится. Говорил же этому мудаку Петрухе, проверь движки, проверь движки, еще с прошлого рейда левый барахлил. А ему раздолбаю похер, теперь пусть еб...тся, пока не сделает.

По люку кто-то постучал, я выглянул и увидал чижа с 411-й машины.

-- Меня Качи-вачи послал.

-- Знаю, -- ответил я, и крикнул:

-- Хасан! Иди сюда.

Хасан вылез на броню, увидел чижа и, вытащив пластинку чарса величиной со спичечный коробок, протянул ему. Наверху было сыро и прохладно. Луна горела наполовину, и было не так уж темно, метров за пятьдесят можно было разглядеть контур человека.

-- Ну все, вали отсюда, наш ротный здесь, -- сказал Хасан этому чижу, и залез обратно.

Я тоже запрыгнул в БТР, ротный сел в командирское сидение, и обратился к Хасану:

-- Так, Гараев. Ты поедешь?

-- Да -- я, Туркмен пусть поспит немного.

-- Я, наверно, тоже сейчас завалюсь, вторую ночь толком не сплю. Бережной, иди сюда.

-- Да, я здесь, командир.

-- Слушайте меня, вот карта.

Ротный развернул альбомный лист, на котором были нанесены карандашом условные обозначения местности, на которой мы находились, эту так называемую карту, скорее всего, начертили пять минут назад. Потом ротный продолжил:

-- Мы сейчас находимся вот здесь, -- он ткнул пальцем в полосу нарисованную карандашом, -- Это дорога, колонна движется сюда, к этим горам, часам к трем утра они должны быть здесь. Вот иранская граница, мы же прошвырнемся вот тут, -- ротный провел пальцем вдоль границы.

-- А кто еще поедет? -- спросил я ротного.

-- Три БТРа с нашей роты.

-- Три машины? -- удивился Хасан.

-- Да, три машины. А ты хотел всю колонну с собой захватить, да? -ответил ротный.

-- А задача то какая? -- опять спросил Хасан.

-- Задача, вот здесь соединиться с колонной, вернее нам надо вперед колоны сюда попасть, и уже ждать их здесь, а остальное вас не касается. Едем по-боевому, на броню не вылезать, фары не включать, огонь не открывать. Едем тихо, если что, сразу сваливать, в бой не вступать ни в коем случае. Понятно?

-- Понятно, -- ответил Хасан.

-- Где второй шлемофон? -- спросил меня ротный.

-- Он не работает.

-- А какой работает?

-- Нате, товарищ старший лейтенант, -- Хасан протянул ротному шлемофон.

В люк заглянул Петруха.

-- Товарищ старший лейтенант, БТР сделали.

-- А что там было?

-- Муфта барахлила.

-- Черт, спать охота, и колонну вести надо. Может, Грека проинструктировать, -- начал размышлять вслух ротный.

-- Мы уже однажды тут мотались, товарищ старший лейтенант. Я знаю эту дорогу, -- сказал Хасан.

-- Когда мы здесь были? -- спросил ротный.

-- Вас тогда не было. Колонной командовал зампотех. Разведчики на границе напоролись на караван, а мы стояли на блоке возле духовского моста, нас сняли с блока и мы мотались сюда караван брать. Юра, че, не помнишь?

-- Нет, я помню тот караван, я еще мафон там урвал, но местность я не запомнил.

-- Да здесь это было, мы по этой дороге ехали. Вот дорога где

мы стоим, она идет мимо кишлака, потом вдоль гор. А вот дорога к иранской границе, мы по ней в тот раз проскочили. Там дальше пустой колодец еще будет на развилке, вот там мы этот караван и замочили.

-- Ну раз ты, Гараев, знаешь эту дорогу, тогда поедете первыми, а я перепрыгну на свой БТР. Увидите развилку, свернете налево и дальше дуйте по дороге, не сворачивая, а ближе к горам я уже сам поведу. Постоянно сидите на рации, чуть что, сразу докладывайте, я на пару часов вырублюсь, а то в глаза скоро спички вставлять придется, Петруха меня разбудит, если что.

Ротный вылез из люка, Хасан надел шлемофон и мы начали рассматривать эту самопальную карту. Я с трудом разбирался в этих иероглифах, зато Хасан разложил карту и начал мне рассказывать, водя пальцем по листу с таким видом, как будто он сам рисовал эту карту.

-- Да ладно Хасан, что ты мне здесь втираешь, поезжай, раз знаешь, куда ехать.

-- Я знаю, да и ты, Юра, тоже знаешь.

-- Тогда днем было, а сейчас ночь. Я хрен его поймет. Меня больше интересует, нахрена нас вдоль границы прогоняют?

-- Откуда я знаю. Я слышал, что на стороне Ирана, рядом с границей, как раз в этом районе расположены базы наемников. Стоп, комбат на связи, сейчас выезжаем, -- ответил Хасан.

Хасан еще минуту послушал эфир. Потом запустил движки, и мы, развернувшись, выехали из колонны, и направились в сторону границы. Дорог было накатано по Афгану навалом, где колонна не пройдет, там, считай, уже дорога, и главное было не запутаться в них. Днем еще куда ни шло, а вот ночью, да еще глядя в триплекс, можно было легко куда-нибудь зарулить, как это уже не раз случалось.

Урал, Сапог и Туркмен спали, мы не стали их будить, пусть спят пока. Я открыл защитный щиток с лобового стекла, в лицо мне повеяло сыростью и влагой, так как окно было разбито пулей от ДШК, я опять захлопнул щиток и сказал Хасану:

-- Короче, открывай свое окно и езжай сам, я в триплекс пялиться не буду, тем более ты парень ученый и знаешь, куда ехать.

-- Да сиди спокойно, я сам разберусь с дорогой, на, лучше -- косяк забей, и гераши туда бухни, а то не цепляет.

Я взял у него чарс с героином, и смешав все это, забил в сигарету. Косяк получился конкретный, кое-как мы его докурили, героин сильно драл горло, и приходилось делать маленькие затяжки, но зато прибило нас капитально. Мы катили по темноте куда-то вперед, я смотрел на Хасана и думал, черт возьми,

разбудить Туркмена что ли, а то этот таджик завезет сейчас куда-нибудь, но лицо Хасана излучало уверенность: он рулил, как будто уже сто раз ездил по этой дороге, да у него всегда такая уверенная рожа, пока чего-нибудь не напорет. Я все чаще оборачивался назад и смотрел на пулемет, в голову лезли разные мысли, мне казалось, что вот-вот мы нарвемся на засаду, и я прикидывал, успею ли запрыгнуть на сидение за пулеметы. Было такое ощущение, что на голову мне положили пудовую гирю. Бляха-муха, ну нахрена я так обдолбился? Хотя я тысячу раз задавал себе этот вопрос и ни разу не мог на него ответить, одним словом, обдолбился и все, вот и весь ответ. Из-за сильного сушняка трудно было разговаривать, и мы сидели молча. Я лишь изредка поглядывал на Хасана, он как обычно был не возмутим. Время шло, мы ехали, я начал уже волноваться, что-то мы едем и едем в одну сторону, а налево не сворачиваем, да я еще не вижу ни хрена ничего впереди, открыть люк и выглянуть, облом, да и страшновато, щиток открыть, холодно.

-- Хасан, ты как? -- негромко произнес я.

-- Ништяк, я ништяк, ты не волнуйся, Юра.

-- Когда ты за рулем, я всегда волнуюсь, а тут наш БТР еще и первым едет, так что я волнуюсь вдвойне.

-- Юра, да ладно завязывай, постоянно ты страхуешься.

-- А как ты хотел, мы едем хрен знает куда. Ты хоть видишь, куда едешь?

-- Юра, я знаю, куда еду, тем более, что мы уже здесь ездили. Ты сиди и не волнуйся.

-- А мне больше ничего и не остается, как сидеть, но я все же волнуюсь. Может разбудим пацанов, две головы хорошо, а пять лучше, к тому же, тот раз Туркмен за рулем ехал, может он лучше знает.

-- Да ты на изменах, Юра. Пусть они спят. У нас там пожрать есть?

-- Гранаты остались и виноград.

-- Давай сюда, а то сушняк, аж языком не могу шевелить.

Я полез в отсек, немного пошарив в полумраке, нашел пару гранат и кисть винограда. Мы принялись трескать виноград, это немного заглушило сушняк.

-- Хасан, что-то мы долго едем в одну сторону. Где развилка?

-- Да тебе кажется, что долго.

-- Мне может и кажется, а вот моим часам на руке так не кажется. Да и ваще, я хоть и не помню дороги, но знаю, что иранская граница не так далеко от того места, где мы разъехались с колонной. А мы уже почти час едем в одну сторону.

-- А ты че, хотел за пять минут доехать, да?

-- С тобой Хасан, бесполезно спорить, ты твердолобый какой-то. У тебя в семье все такие у-упрямые.

-- Нет, я один такой.

-- Оно и видно, другого такого вряд ли найдешь.

В отсеке что-то зашевелилось, потом появилась заспанная рожа Урала. Он некоторое время хлопал узкими глазами, потом произнес:

-- Когда приедем?

-- Куда приедем? -- спросил я его.

-- Ну, куда-нибудь.

-- Вот куда-нибудь мы сейчас приедем, это точно. Посмотри, кто шофер.

-- Впереди кишлак, и свет горит. Наверно налево надо свернуть, -произнес удивленно Хасан.

-- Какой кишлак? Какой свет? Ты че Хасан, еб...нулся уже. Где ты видел свет в кишлаке ночью? -- не менее удивленно произнес я в ответ.

-- Да вон, посмотри, впереди нас свет горит в кишлаке.

Я наклонился к Хасану и глянул в водительское окно. Черт возьми, точно, впереди нас находился кишлак, и в нем горело освещение, этого не могло быть, в Афгане ночью в одиноких кишлаках свет не горит.

Хасан свернул влево, и кишлак оказался сбоку от нас.

-- А где колодец? Где развилка? -- спросил я Хасана.

-- Да не знаю я, не было никакого колодца.

Урал смотрел на нас и ничего не мог понять.

-- В чем дело, пацаны? -- спросил он.

-- Да черт его знает, в чем тут дело. Какой-то кишлак, которого быть не должно, -- ответил я.

-- Я сейчас посмотрю в пулеметный прицел, он приближает немного, -сказал Урал и полез за башенные пулеметы.

После минутной возни Урала возле пулеметов, раздалась короткая очередь из нашего КПВТ, и два розовых трассера полетели в сторону кишлака. Мы с Хасаном аж подпрыгнули от неожиданности, Хасан нажал на тормоза и БТР остановился.

-- Ой бля, я не хотел, --выкрикнул Урал.

Оказывается, когда он крутил башню, разглядывая кишлак в прицел, то случайно нажал в темноте на кнопку спуска. Проснулся Туркмен, и начал материться. Потом раздался топот по броне, и стук по люку.

-- Откройте, е..... вашу мать! Быстрее же, а не то я вас всех поубиваю.

Это был голос ротного, он не предрекал ни чего хорошего. Хасана как ветром сдуло с водительского места, я протянул руку

и открыл водительский люк. Ротный как пуля залетел в этот люк, только я глянул на него, как у меня полетели искры с глаз, и сильно заболела челюсть, я хотел чего-то возразить, но получил удар с другой стороны, у меня все поплыло перед глазами.

-- Вы че, козлы, оху...ли вообще! Где этот таджик?! Гараев, сука!

Ротный схватил гранат, который мы собирались съесть с Хасаном, и запустил ею в отсек, потом ротный начал шарить руками, ища что-нибудь подходящее, и нащупав рожок от АКСа, он запустил им в Хасана.

-- Где мы?! Где мы?! Е... вашу мать! -- кричал ротный.

-- Я не знаю, -- ответил я, закрывая руками лицо и отодвигаясь от ротного подальше.

-- Гараев, падла. Ты куда нас завез?!

-- Я ехал, как вы сказали, в сторону иранской границы, но колодца и развилки не было, -- раздался голос Хасана с конца отсека.

Перепуганный, сонный Сапог не мог ничего понять, Туркмен был удивлен не меньше Сапога, да и Урал тоже не больно-то соображал, в чем здесь дело, он вообще перепугался, думая , что это из-за неосторожного выстрела, который он произвел. Хотя, конечно, ротный проснулся как раз из-за этого выстрела, но если б ротный не проснулся, то все могло бы быть намного хуже, хотя неизвестно, что нас еще ждет впереди.

-- Сколько времени мы ехали?! -- опять заорал ротный, глядя на меня.

-- Час, наверно, -- ответил я, потирая челюсть.

-- Е... вашу мать! Да мы уже полчаса, как по Ирану едем, -- произнес приглушенно ротный.

Я заметил, как ротный весь напрягся от злости, это было видно даже в полумраке. Он прыгнул за руль, потом развернул БТР, высунулся из люка и крикнул Петрухе с Хохлом:

-- Быстро за нами! Только быстро, на всех газах. Мы в Иране, в эфир не в коем случае не выходить, и ради бога -- не стреляйте никуда, иначе нам точно пи...дец приснится.

Потом ротный залез обратно за руль, БТР наш рванул с места и, набирая скорость, помчался обратно к границе Афгана.

-- Гараев, сука, я тебя убью. Я тебя урою, так и знай, Сусанин ты х...ев. Дай только выбраться от сюда. Я удивляюсь, как только вы в Тегеран не заперлись, пока я дрых. Господи, это же международный скандал! -произносил сквозь зубы ротный, руки его судорожно сжимали руль машины, движки ревели на пределе.

-- Бережной, посмотри, где наши машины, -- обратился ко мне ротный.

Время было за полночь, я открыл люк, и выглянул наружу, луна освещала местность, справа было видно очертания гор, слева простиралась равнина, сзади за нами мчались с небольшим разрывом оба БТРа , я опять опустился на сидение.

-- Все нормально, они сзади.

-- Все нормально?! Не говори мне, что все нормально. Если, не дай бог, мы нарвемся на иранских военных, они нас с землей сравняют. Вы хоть понимаете, что это такое? Наши СУшки и так регулярно бомбят духовские базы на территории Ирана, и потому они злые на нас, как собаки. А тут нате вам, сами приехали. Гараев, сука, сиди и не вылезай из-за движков, иначе я тебя убью.

Ротный, конечно, был человеком крутым и вспыльчивым, но отходил сразу, ему главное не попасться под горячую руку. Мне с Хасаном не раз приходилось нарываться на его железный кулак, да и не только нам, но в обиде мы на ротного никогда не были, он всегда поступал справедливо, заработал -- получи по роже. Некоторые офицеры или прапора бежали закладывать по инстанциям, если бойцы залетали, а потом учиняли разборки на высшем уровне, в нарядах, мол ,сгноим, на дембель в последнюю очередь, или с АГСом будешь по горам бегать, дисбатом пугали или тюрьмой. А ротный был мужик конкретный, по роже настучит и все становится понятно, и все его уважали. И уважали не из-за страха, а за то, что он был мужиком, а не козлом.

Хасан, конечно, зашарил, успел слинять, а мне пришлось получить пару раз по зубам, ну да хрен с ним, мне это не впервой, хотя немного обидно, конечно, но чего уж тут поделаешь.

Нам удалось выскочить с территории Ирана без происшествий, ротный материл нас всю дорогу, но потом немного успокоился. Развилку с колодцем мы, оказывается, проскочили за километр в стороне, я не знаю, куда там смотрел Хасан, но там, где мы ехали, вообще никакой дороги не было.

Возле развилки мы остановились, ротный повернулся и погрозил кулаком Хасану:

-- Я все равно доберусь до тебя. А ты, Бережной, за один удар по роже спасибо скажи своему другу, и можешь ему вернуть долг за меня. Туркмен, садись за руль, и не давай больше водить машину этому мудаку.

После чего ротный вылез на броню, я вылез за ним, к нам подбежали Грек и Петруха, они толком не могли разобрать, что за гонки мы здесь устроили.

-- Слушайте, мужики. Какой еще Иран? Я чего-то не врублюсь, -- спросил удивленный Грек.

-- Если б нас засекли иранские военные, или мы бы нарвались на какую-нибудь базу, тогда бы ты врубился сразу. Доверил этим

мудакам обдолбленным ехать впереди колонны, а они в Иран заперлись. Черт, да из вас всех, хоть кто ни будь понимает, во что мы чуть не вляпались? -- опять начал заводить себя ротный.

Да оно и понятно, на его ответственности были мы все. Это хорошо, что удачно выскочили с иранской территории. А не дай бог, нарвались бы, тогда мало того, что нам всем были бы кранты, да еще на весь мир раструбили б, что советские военные нарушили границу, да вторглись в Иран, и так далее.

-- Ну ладно, все, заканчиваем базар, мы и так время много потеряли. По машинам! -- скомандовал ротный, и перепрыгнул на свой БТР.

Спустя минуту мы двинулись вдоль границы догонять колонну, наш БТР на этот раз шел последним.

Часа через два мы догнали колонну, которая уже давно ждала нас, хотя все должно было быть наоборот. По прибытию полкач сразу вызвал ротного к себе, скорее всего ротный получит втык за опоздание и ему придется сочинять очередную сказку, оправдывая эту задержку. Но за ротного можно было не волноваться, он наверняка уже придумал отмазку по дороге, ротный был в этой области мастер, да и Грек подтвердит, если что, а Грек ведь в неплохих отношениях с полкачем. Так что все пройдет нормально, мы это знали, главное -- все живы и здоровы, а остальное ерунда.

ГИБЕЛЬ ПИПКА

Хасан всю дорогу оправдывался перед нами за свои запарки, но мы прекрасно знали его характер, с него как с гуся вода, при первой же возможности он снова прыгнет за руль, и еще не раз куда-нибудь заедет. Правда, он извинялся за то, что я получил из-за него по зубам. Но я был на него не в обиде, если б ротный на него нарвался, то Хасану пришлось бы намного хуже, ротный его по броне бы размазал.

БТРы наши пристроились к колонне, комбат объявил, что колонна простоит здесь до рассвета. Мы настроились спокойно поспать часика три, и уже почти расположились, как вдруг услышали стук по броне.

Я выглянул из люка, напротив нас стоял БТР комбата.

-- Гараев здесь? -- спросил комбат.

-- Да здесь, -- ответил я.

-- Может переводчик понадобится, разведчики какой-то караван накрыли, надо разобраться, тут не далеко, пара километров. Поднимайтесь, и поехали за нами, -- приказал комбат.

Хотя, чего нам подниматься, мы ведь еще не укладывались. "Вот суки, не дадут поспать спокойно", пробубнил я себе под нос,

и запрыгнул в люк.

-- Туркмен, прыгай за руль, поехали за комбатом.

-- А че такое? -- спросил Туркмен.

-- Разведчики какой-то караван где-то тормознули, на разоборки надо ехать.

-- А почему мы? Мы ведь и так только подъехали, -- возмутился Хасан.

-- А это Хасан, как раз из-за тебя. Переводчик комбату понадобился.

-- Во второй роте есть два таджика.

-- А вот комбату ты нравишься.

Туркмен запустил движки, и мы двинулись вслед за комбатовским БТРом. Минут через двадцать мы подъехали к месту. Здесь стояли друг за другом три барбухайки и легковая тойота с кузовом, рядом с ними пара БМПшек с разведвзвода, какая-то БРДМка и пара БТРов, но явно они были не с нашей колонны. Видимость была более -- менее хорошая, луна хоть была и не полная, но освещала не плохо. Рядом метрах в ста простирались горы и вверх по ним уходила дорога теряясь в темноте. Та самая горная дорога через перевал, по которой наша рота позавчера спускалась к кишлаку, в котором мы производили прическу. Наш БТР остановился возле БРДМки.

Машина комбата проехала чуть дальше и остановилась возле барбухаек. Мы похватали автоматы, и вылезли на броню, комбат спрыгнул с БТРа, и позвал Хасана. Я тоже спрыгнул на землю и отправился следом за ними. Возле кабины первой барбухайки лежали три мертвых духа накрытые одеялами.

Проходя мимо БРДмки, я увидел водилу, и остановился:

-- Слушай, зема, откуда ваша машина?

-- Шакалов с Особняка привезли. Мы в Герате у советников торчали, а тут х...ня такая, -- ответил тот.

-- А что тут случилось? -- спросил я.

-- О- о, да тут такие заморочки! Короче, разведчики бомбанули благотворительный караван, троих замочили, а караван разграбили. А те, оказывается, направлялись в Иран, агитировать беженцев возвращаться на родину. Ну и везли им вещи всякие, вроде деньги тоже, но бабки не могут найти. Духи кричат, что деньги были, а разведчики говорят, что никаких денег не видели. Короче хрен поймешь, что у них там. Но духи каким-то образом, связались с ХАДовцами и нажаловались им.

-- А БТРы чьи?

-- ХАДовцев, мы с ними приехали.

Мы слышали что-то подобное, про этих беженцев. За время боевых действий много афганцев подались в Иран и Пакистан, а

недавно в правительстве Афгана организовали мероприятие по их возвращению на исконную родину. Собрали пожертвования в виде вещей и денег и снарядили группы из представителей коренного населения, которые должны были этих беженцев уговорить вернуться. Вот на одну такую группу наши разведчики и нарвались. Да, залет капитальный, удастся ли замять такой скандал, сказать трудно.

К нам подошел Туркмен, и спросил:

-- Что здесь происходит?

-- Пошли послушаем, сейчас сам все узнаешь, -- ответил я, и мы направились в сторону разборок.

Там стояли выстроенные в одну шеренгу разведчики с летехой. Комбат построил их, а сам при помощи Хасана болтал с духами, мирных духов было на первый взгляд человек около десяти, трое из них что-то кричали и размахивали руками, то и дело тыкая в сторону бойцов разведвзвода. Тут же стояли два офицера из особого отдела, и человек пять ХАДовцев, они о чем-то оживленно толковали между собой.

Закончив разбираться с духами, комбат подошел к разведчикам, и спросил:

-- Короче так, или вы говорите, где деньги, или если у вас их найдут, тогда вешайтесь сразу.

Разведчики молча стояли с опущенными головами, а комбат прохаживался туда-сюда вдоль шеренги. Потом он подошел к летехе:

-- Лейтенант, смотри на меня.

Летеха поднял голову и посмотрел на комбата.

-- Я жду две минуты, время пошло.

-- Я не знаю товарищ майор, не видели мы ни каких денег.

Потом комбат подошел к Пипку, и посмотрев на него сверху, как на лилипута, произнес:

-- Пипонин, у тебя есть повод растянуть свою глупую улыбку до самого затылка, потому что я тебя сейчас обрадую. На дембель ты уйдешь первой отправкой, но не потому, что ты добросовестный солдат, и не потому что ты отличник боевой подготовки. А потому, что ты меня уже за...бал!

Мы все заржали, а духи смотрели на нас удивленными глазами, так как не понимали прикола.

К комбату подошли два ХАДовца, у них в руках были какие-то пачки, похожие на пачки денежных банкнот. Как потом выяснилось, они нашли эти пачки под кустом недалеко от барбухаек, это были реалы, вроде иранские деньги. Реалы были беспонтовые деньги и большим спросом в Афгане не пользовались, если один чек был равен 20-25 афганей, то одна

афгани ровнялась десяти реалам, вроде так, точно сказать не могу, потому как мы не пользовались такими деньгами.

Подъехали еще два БТРа, из одного выпрыгнул полкач, из другого наш ротный. Полкач подошел к комбату и спросил:

-- Ну, что тут такое?

-- Разбираемся, товарищ полковник. Говорят, что разведчики деньги у них отняли и вещи, -- ответил комбат.

-- Все вернули?

-- Вещи вернули, и нашли в кустах несколько пачек реалов. Но Афганцы говорят, что это не все, у них еще афгани были около пятьсот тысяч.

-- Ну и где эти деньги?

-- Разведчики говорят, что не брали.

Командир прошелся вдоль строя разведчиков и остановившись напротив летехи, негромко обратился к нему:

-- Объясните лейтенант, что здесь произошло, и откуда взялись ХАДовцы?

-- Все произошло как-то неожиданно, товарищ полковник. Мы спустились с перевала, и вдруг перед нами из темноты появляется машина, наводчик влупил очередь по кабине, откуда мы знали, что это мирный караван. Пока разбирались, тойота успела уйти, а примерно через час появились ХАДовцы.

-- Вы хотите сказать, что не заметили, как тайота исчезла. И пока вы грабили караван, она успела слетать в Герат и предупредить ХАДовцев. Так?

-- Так точно, товарищ полковник.

-- А когда здесь появились ХАДовцы и особый отдел, вы поняли, что дело пахнет керосином, и только тогда связались с полком? Так?

-- Так точно, -- пробурчал в полголоса летеха.

-- Почему сразу мне не доложили, что обнаружен караван? Только не говорите, что рация не работала, эту сказку я недавно от Савина слышал.

Летеха стоял и молчал, опустив голову. Командир наклонился к нему, взявшись рукой за подбородок выпрямил голову лейтенанта, и глядя ему прямо в лицо, твердо но не громко произнес:

-- Это не красит разведку, лейтенант. Но я не собираюсь вам здесь мораль качать. Скажу одно, если уж вляпались в историю, то дело надо было делать тихо и без шума. Ясно?

Командир отошел от разведчиков и подозвал к себе комбата, они отошли немного в сторону, и говорили минуты три, потом полкач развернулся и направился к ХАДовцам и особнякам. Мы с Туркменом стояли и наблюдали, что же будет дальше. К нам

подошел Хасан.

-- Ну что там, Хасан? -- спросил его я.

-- Да ниче, афошки куда-то пропали, пятьсот штук.

-- А может они пи...дят, сами затарили куда-то, а на разведку спихнули.

-- А может, у них вообще этих денег не было, -- заявил Туркмен.

-- Да не знаю я, все может быть. Духи говорят, что деньги забрали разведчики, они показали на летеху, Пипка и Серегу. Лично я думаю, что деньги скорее всего у разведчиков, но найти их не могут. ХАДовцы с особняками облазили обе БМПшки, но ничего не нашли кроме шмоток. Шмотки вернули, а денег нет, пятьсот штук это же большая куча, в трусах ее не затаришь. Но Серега хитрый жук, он за такие деньги жопу отдаст на растерзание, но не признается, -- сделал заключение Хасан.

-- Ну, долго там еще? -- спросил Туркмен Хасана.

-- Да откуда я знаю, полкача вон спроси. Такой скандал замять же как-то надо, раз тут ХАДовцы появились, то просто так не отвертишься, бакшишами придется, наверно, откупаться.

-- Гараев! Где ты пропал?! Иди сюда! -- крикнул комбат.

-- Ну ладно, я пошел, батя вон разорался, -- сказал Хасан и побежал к комбату.

Командир подозвал к себе Хасана, и они подошли к толпе афганцев. Мы с Туркменом тоже подошли поближе, ХАДовцы и особняки стояли возле своих машин и о чем-то болтали, построенные в шеренгу разведчики остались стоять на месте.

-- Почему передвигались ночью? -- обратился командир к духам.

Хасан перевел слова командира, и прослушав ответ, доложил:

-- Говорят, что хотели рано утром быть в Иране.

-- Какие у них есть доказательства, что это благотворительный караван?

Хасан снова перевел, и так же прослушав ответ, сказал:

-- Нет у них ни каких доказательств. Они говорят, что это могут подтвердить старейшины из кишлака Гишдулакан.

-- Передай, что плевать я хотел на этих старейшин, и в данной ситуации я имею полное право отдать приказ расстрелять их всех. Так что пусть они разворачиваются, забирают свои три трупа, и дуют обратно, откуда пришли. Все, разговор окончен.

Командир развернулся и крикнул разведчикам:

-- Разведка -- по машинам, и дуйте к колонне.

Разведчики направились к своим БМПшкам.

-- Пипок! -- крикнул я.

Пипок замедлил шаг и оглянулся.

-- Станьте возле нашей роты.

Пипок махнул рукой и запрыгнул на броню, через минуту разведчики исчезли в ночном мраке.

После того как Хасан перевел духам слова командира, те недолго думая забрали трупы, погрузились в машины, и развернувшись уехали в обратном направлении, от греха подальше.

К командиру подошел майор с особого отдела, в руках у него была двадцатилитровая канистра.

-- Деньги здесь в канистре, товарищ полковник. Я наткнулся на нее недалеко от того места, где стояли БМПшки. Мне показалось странным, что один из разведчиков отошел от машины и что-то хотел поднять, но увидев меня, развернулся и побежал обратно. А после того как разведка уехала, я пошел на то место и наткнулся на вот эту канистру. Сначала не понял, зачем там валяется пустая канистра, а когда перевернул, оттуда вылетели пару бумажек свернутых в трубку, оказалось что это афгани в сотенных купюрах. В общем, эта канистра набита афошками.

-- Вот мудрецы. Ну ладно, отдашь эти деньги ХАДовцам, пусть они закроют рот, и забудут про этот случай, -- командир посмотрел на удивленное лицо майора и добавил: -- Надеюсь, вы меня правильно поняли?

Майор молча развернулся и направился к БТРам ХАДовцев.

-- Остальные -- по машинам! -- скомандовал командир и направился к своему БТРу.

Мы тоже попрыгали в машины, и подождав, когда БТР ротного тронется, двинулись за ним.

Урал с Сапогом спали на сидениях, им были пофигу все эти дела. Мне спать не хотелось, от холода весь сон улетучился, я примостился сзади водительского сидения, и накинув на плечи бушлат, произнес:

-- Глухо командир дела разрулил. Я думал, что разборки затянутся до рассвета.

-- Командир наш молодец, долго не базарит, это комбат начал с духами цацкаться, поверил, наверно, что разведчики деньги у духов отняли, -- сказал Хасан.

-- А ты что, сомневаешься в этом? -- спросил я Хасана.

-- В чем?

-- Ну в том, что разведчики отняли у духов деньги.

-- Так ведь неизвестно, кто деньги в канистру натолкал, это могли быть и духи.

-- У духов ума на это не хватит, сейчас приедем и у разведчиков спросим, чего зря гадать, -- сказал я и закурил

сигарету.

Двигаясь вдоль колонны, мы увидали рядом с БТРом Грека БМПшку. Остановившись рядом с ними, мы с Хасаном вылезли на броню. Пипок и Серега болтали о чем-то с Греком, наверное, рассказывали про этот случай. Увидев, как подъехал наш БТР, Пипок с Серегой направились к нам, а Грек пошел к машине ротного. Из колонны периодически велся обстрел по горам, которые находились слева. До рассвета оставался час с небольшим, и основная часть личного состава спала, а на машинах находились только наблюдающие, которые или от нечего делать, или по приказу командира вели беспорядочную стрельбу.

-- Ну, как там все прошло? -- спросил Серега, подойдя к нам.

-- Там все нормально, командир утряс все дела. Вот только про канистру свою можете забыть, -- ответил я.

-- Какую канистру? -- спросил удивлено Серега, и сделал вид, будто не знает, о чем речь.

-- Да про ту самую, в которую вы афошек натолкали.

-- Ты о чем, Юра?

-- Да ладно, Серега, только не надо валенком прикидываться. Не ужели ты хочешь сказать, что это духи в канистру афошек напихали, да они в жизнь не додумаются до такого.

-- А кто нашел канистру? -- спросил Пипок.

-- Майор из особого отдела. Кто-то из вас хотел ее забрать, а он усек. Афошки, в общем, командир отдал ХАДовцам, чтоб они не раздували это дело А караван развернули и отправили обратно, командир сказал, что имеет право расстрелять их всех, они не долго думая завернулись и свалили.

-- Вот сука, рожа ментовская, это я хотел ее забрать, -- сказал с сожалением Пипок.

-- Я же тебе говорил, барану, не лезь туда, шакалы рядом стоят, потом вернулись бы и забрали. Ну какого хера ты поперся за канистрой? Мудак, такие бабки про...бали из-за тебя, -- начал наезжать на Пипка Серега.

-- Да ладно, успокойтесь, поздно уже разбираться. Скажите спасибо полкачу за то, что он вас отмазал, иначе загремели бы вы все. Давайте лучше косяк курнем, -- предложил Хасан.

-- Ну давай, забивай, -- сказал Серега.

Хасан сел под колесо и стал забивать косяк, я сел рядом с ним. Пипок, постояв немного, закурил сигарету и пошел за БТР, наверно отлить.

-- Серега, давай тоже забивай, один на четверых мало будет, - обратился к Сереге Хасан.

Серега тоже сел рядом, достал чарс из кармана и стал

мастырить еще один косяк. Я снял автомат и выстрелил очередью вверх.

-- Юра, тебе че делать не х...й? -- спросил Хасан.

-- А че, все стреляют, и я тоже. Тебе патронов моих жалко что ли?

-- Да заколебал, давай посидим спокойно, а если дуракам делать нех...й, то пусть себе стреляют.

Хасан, забив косяк, прикурил его, и сделав пару затяжек передал мне.

-- А где Пипок? -- спросил Хасан, выпуская дым.

-- По большому, наверно, пошел, -- ответил Серега, прикуривая второй косяк.

-- Пипо- ок! -- крикнул я.

-- Да че он, в горы срать поперся, что ли, -- начал возмущаться Серега.

-- Ну пусть сидит, кто не успел, тот опоздал, -- сказал Хасан.

Мы выкурили оба косяка, но Пипка так и не дождались.

-- Да у него там запор, что ли, пора бы уже по норам рассосаться, а то я начал замерзать, -- сказал я, вставая.

Я поднялся и пошатываясь пошел за БТР, посмотреть, где там Пипок запропастился. Зайдя за БТР я негромко крикнул:

-- Пипок! Черт возми, ты че, уснул что ли?!

Никто не отвечал, я отошел подальше и стал вглядываться в ночную мглу. "Да куда же он подевался? Неужели спать пошел в БМПшку, да вроде не должен, он бы сказал," размышлял я.

-- Юра, ну че там? -- услышал я голос Сереги.

-- Да не знаю, не видно ничего, -- ответил я.

Я направился обратно, и вдруг заметил под колесом силуэт человеческой фигуры, какая-то тревога пронзила меня, сердце бешено застучало. Я медленно подошел к колесу, это был Пипок, он лежал лицом вниз. Я сел на корточки и потряс его за плечо.

-- Пипок, что с тобой? -- тихонько произнес я.

Пипок не шевелился, я перевернул его на спину и на мгновенье остолбенел. На его лице вместо правого глаза была дырка, и струйка черной жидкости стекала на висок. Я смотрел на его лицо и не мог поверить, весь кайф как ветром сдуло. Пипок даже мертвый улыбался, мышцы его лица были устроены так, что уголки губ были загнуты вверх. С первого взгляда даже не верилось, что лицо это уже безжизненно, на нем как будто было написано: "Да что вы? Я шучу. Неужели вы поверили?" Я не отрывал глаз с его лица, "не может быть, не может быть," эти слова проносились у меня в сознании.

Я начал трясти Пипка за плечи.

-- Пипок, вставай, вставай же! -- кричал я, хотя прекрасно

понимал, что Пипок был мертв, но разум отказывался в это верить.

Вот и еще один случай, когда духовский снайпер выстрелил на огонек от прикуренной сигареты. Случай далеко не первый и, к сожалению, не последний.

На мой крик прибежали Хасан с Серегой.

-- Юра, что случилось, ты че кричишь? -- спросил Серега, подойдя ко мне.

-- Пипок мертв, Серега! Понимаешь? Пипок мертв! -- сказал я и закрыл лицо руками, я больше не мог смотреть на это лицо, но в моем сознании как наяву, отчетливо вырисовывались его черты, улыбка, дырка вместо глаза и черная струйка, стекающая на весок.

-- Как мертв? -- еле слышно произнес Серега.

Хасан присел рядом со мной на корточки и стал щупать пульс на уке у Пипка.

-- Да че ты щупаешь, Хасан. У него сквозная дырка в голове, -- сказал я, глядя на Хасана.

-- Хасан, ну как, может он живой, а? -- спросил с надеждой Серега, наклонившись к нам.

Хасан встал и тихо произнес:

-- Да нет, Серега, не живой он. Иди, доложи.

Хасан положил руку на плече Сереги.

-- Суки! -- закричал вставая Серега, и вскинув автомат, выпустил рожок по горам.

Потом он наклонился к мертвому Пипку, и произнес дрожащим от напряжения голосом:

-- Пипок, я этих духов всех с говном смешаю. Слышишь? Всех!

После чего Серега встал и, волоча на ремне автомат, направился в сторону БМПшки.

-- Юра, успокойся, теперь уже ничего не поделаешь, -- обратился ко мне Хасан.

-- Слушай Хасан, только не надо меня утешать, как скорбящую вдову, я все прекрасно понимаю и без твоих слов. Давай лучше отнесем Пипка к БМПшке.

Мы осторожно взяли мертвого Пипка и понесли. К нам подбежали пацаны с разведки, и тоже стали помогать нести, Серега разбудил всех пацанов и рассказал, что случилось с Пипком. Хотя чего там помогать, я бы сам его смог нести, не напрягаясь, он был легким, как ребенок.

Первым подскочила БМПшка с летехой, он выскочил из люка, и подбежал к нам.

-- Пипонина убили, да? Ну как же так? Ну как же так? -- Растеряно проговорил лейтенант, наклонившись над Пипком.

Мы все стояли полукругом возле Пипка и молчали. Туркмен, Урал и Сапог тоже были здесь, их разбудил Хасан и рассказал про Пипка.

Спустя минут пять к нам подъехали машины командира и комбата и с ними "таблетка". Командир с комбатом подошли к нам, потом появились медики, и положив Пипка на носилки отнесли его в "таблетку".

-- Надо было не отпускать караван. Вот только ХАДовцы, принесла их нелегкая, -- сказал вполголоса командир.

-- Вы думаете, это могли сделать из того каравана? -- спросил комбат.

-- Я ничего не думаю, пусть слон думает, у него голова большая. А нам надо было все рассчитать, не исключено, что это могли быть и они. Ну ладно, завтра вызовем вертушку и отправим бойца. Да когда же закончится все это, господи? -- сказал командир и направился в свой БТР, последнюю фразу он уже произнес на ходу, обращаясь к самому себе.

Через полчаса стало светать, наступало утро. Из нас никто больше так и не уснул, все были обеспокоены случившимся. С рассветом прилетела вертушка и забрала Пипка на борт, оказалось, что среди танкистов тоже есть один раненый солдат. У этого танкиста были оторваны два пальца, большой и указательный, он некоторое время скрывал это от офицеров, боясь, что ему "пришьют" членовредительство, так как случилось это по глупости. Несколько танкистов от нечего делать решили на спор посостязаться, кто дольше удержит в руке взведенный запал от гранаты, и успеет до разрыва отбросить его в сторону. Они по очереди брали в руку запал, и выдернув кольцо держали его в ладони, проверяя время по секундомеру на часах. Один из них продержал дольше всех, вот только остался без двух пальцев. Он перебинтовал руку, решив пока не обращаться за помощью, и не говорить офицерам, а когда рука распухла и пошла угроза заражения крови, только тогда он обратился к медикам. Ну что можно сказать по этому случаю? Наверно, находясь в Афгане, пацанам не хватало острых ощущений.

Полк наш отправился дальше. Мы пытались говорить о всякой ерунде, стараясь не затрагивать тему ночного происшествия, но все равно разговор не клеился, было видно, что каждый из нас думает именно об этом. Я рисовал в памяти живое лицо Пипка, а перед глазами, как видение стояла эта мертвая улыбка, дырка в глазу, и черная струйка, стекающая на весок, как я не старался, но все равно не мог избавиться от этого образа, так сильно он запечатался в моем сознании.

За время службы в Афгане мне приходилось часто видеть, как

погибали пацаны: вот был боец, и пусть даже не друг, а просто однополчанин, вроде встречались иногда, и вот его нет. Со временем все забывается, одни события заслоняются другими, и так продолжается изо дня в день. Но совсем другое, когда погибает твой друг, с которым ты постоянно общаешься, время проходит, но ты никак не можешь смириться с тем, что его уже нет. Вот так и с Пипком, и пусть он был не таким близким другом, как, например Хасан, но все же я успел привыкнуть к этому звонкому голосу и вечно улыбающемуся лицу.

Нам жаль погибших друзей, но иногда, шагая по этой проклятой войне, обернешься назад, и задумаешься, а ведь окажись на их месте ты -- уже не видел бы всего этого кошмара, и еще не известно, кого надо больше жалеть, нас, живых, или тех, кого уже нет.

Говорят, что время лечит, и я не буду с этим спорить. Да только хватит ли времени у остатка жизни, чтоб залечить наши рваные души?

ЗАСАДА

Я проснулся, вот черт, даже не заметил, как уснул. В этот раз мне ничего не снилось, просто провалился в пустоту и очнулся, как из бессознательного состояния. Оглядевшись вокруг, я заметил, что пацаны тоже спят. Урал с Сапогом спали облокотившись друг на друга, Сапог к тому же спал, обняв пластмассовую флягу с водой. Наверное, баба снится Сапогу, подумал я. Хасан лежал на противоположном сидении, положив под голову вещмешок, он дрых без задних ног. Один Туркмен не спал, так как был за рулем. В БТРе стояла духотень жуткая, как в духовке, слюна во рту превратилась в густой кисель и выплюнуть ее не представлялось возможным. Я вытащил из рук Сапога флягу и, отвинтив пробку, глотнул из нее, вода была почти горячая, да еще напичканная хлоркой, меня аж передернуло: сука Сапог нахерачил в воду хлористых таблеток, лучше б он нассал туда, и то не так противно было б. Набрав еще раз в рот воды из фляги, я прополоскал горло и, открыв командирский люк, выплюнул воду. Пыль от идущей колонны стояла столбом, и я нырнул обратно в люк, захлопнув крышку. Умостившись на командирском сиденье, я посмотрел на Туркмена.

-- Ну что, выспался? -- спросил он.

-- Да вроде выспался немного. Туркмен, где мы?

-- Да не знаю, еду вот за колонной.

Я глянул на часы, они показывали двадцать минут двенадцатого.

-- Стояли где-нибудь? -- опять спросил я Туркмена.

-- Нет, часа четыре уже катим по пыли.

-- Кишлаки по дороге были?

-- Карезак вроде проехали полчаса назад, но мы его стороной обошли. Там по рации голос Америки трепал про то, как мы по Ирану прокатились.

-- Да ну на х...й! -- удивился я.

-- Да, серьезно, базарят, что наш полк нарушил границу Ирана и обстрелял кишлак в районе города Ездан.

-- Откуда они узнали, суки?

-- Враг не дремлет, хули ты думал.

-- И что теперь?

-- Да ни чего, пошли они на х...й. Кто что докажет, не были мы там, не были и все. Командир ротного вызывал, но ротный хрен признается, ты же его знаешь. Но командир ерунда, замполит там больше всех разоряется. Но и это херня, тут ротный подсел на нашу волну, я ох....ел ваще.

-- Надо поменять волну.

-- Да хрен с ним, ротный что -- ваще долбай? Он все прекрасно знает, лишь бы замполит не вычислил эту канитель.

-- Да и пусть вычисляет, он один хрен не врубится в наши базары.

-- А если врубится, то у него крыша съедет сразу, -- сделал заключение Туркмен, потом добавил:

-- Да, и еще, тот караван, который мы под утро отпустили, он не дошел обратно, его на заре разбомбили вертушки прям на перевале, а я еще удивился, как это командир отпустил их, теперь мне все понятно.

В отсеке что-то загремело, и послышались маты, это проснулся Хасан. Мы с Туркменом обернулись, Хасан отплевывался и материл Сапога.

-- Наверно воды из фляги хапнул, -- сказал я Туркмену.

-- Ну и что?

-- Там хлорки полно, Сапог наверно закинул пять таблеток, как положено, я тоже ее пил, параша жуткая.

К нам подлез Хасан, рожа его была сонная и помятая.

-- Сапог падла, воду запоганил -- сука, -- пробубнил Хасан.

-- Ниче, не сдохнешь, я тоже выпил, живой пока.

-- Ну че, может косяк забьем, а? -- предложил Хасан.

-- Ты как всегда в своем репертуаре. Морду сначала продери и жопу намыль, замполит узнал, что мы в Иран заехали, так что готовься, -- сказал я Хасану.

-- Ни пиз...и.

-- Вот не верит, Туркмен скажи ему.

-- Да, да, голос Америки уже объявил в эфир, -- подтвердил Туркмен.

Рядом с нами появился Урал, он тоже был заспанный, глаза его, и без того узкие, стали еще уже.

-- Дайте воды, наверх лезть неохота, -- промямлил Урал, еле ворочая языком.

-- Сапог спит? -- спросил я Урала.

-- Да спит, калымит так, что хрен разбудишь. Да дайте же воды!

-- Там фляга валяется, где-то возле движков, иди попей пока она холодная, недавно из родника набрали, -- предложил ему Хасан и, достав чарс, стал забивать косяк.

Урал пополз к движкам искать флягу, примерно через минуту из отсека донеслись маты.

-- Ну вот и Татарин воду попробовал, теперь, Туркмен, твоя очередь, -сказал я.

-- Нет не угадали, у меня вот фляга с нормальной водой, -- Туркмен достал из под сидения флягу и, повертев этой флягой у нас перед глазами, засунул ее обратно.

-- Че за х....ня? -- карабкаясь к нам воскликнул Урал.

-- Это вода такая, с хлоркой называется, -- ответил я.

-- Чья это фляга. Черт возьми? -- опять спросил Урал.

-- Сапога, чья же еще.

-- А-а, ну тогда ясно.

-- Туркмен ты будешь чарс? -- спросил Хасан, прикурив косяк.

-- Давай, немного хапну.

Туркмен сделал несколько затяжек и протянул сигарету обратно.

-- Да кури, я два забил, -- отмахнулся Хасан и взорвал второй косяк.

-- Вот черт, опять обкуримся как суки, -- сказал я, беря косяк у Туркмена.

Мы вчетвером выкурили два косяка и прибалдели капитально, я провел рукой по голове, там ничего не было, блин, всегда так, как обкуришься, так кажется, что на голове шапка надета. Я посмотрел на пацанов: Туркмен с невозмутимым видом крутил баранку, Хасан сидел и скалился во весь рот, Урал с довольной "миной" лупал глазами. Я смотрел на них и думал, как мы стали близки друг другу за время службы, и как хорошо, что мы вместе, едем вот так в БТРе по этой проклятой афганской земле, обдолбленые, в насквозь пропотевшем ХБ, с потрескавшимися от ветра и палящего солнца лицами, небритые и немытые, но живые. Жаль, что нет с нами Качка, но Качок хоть живой, пусть ранен, но живой, а вот Пипка уже нет, и никогда мы больше с ним не встретимся, разве, что на том свете. Пипок был не в нашем экипаже, и поэтому мне казалось, что Пипок живой и

катит в своей БМПшке где-то рядом, а то, что его убили, это просто страшный сон. Как хотелось верить, что это был всего лишь сон.

-- И что там сказали эти буржуи, что это я за рулем был, да? -- спросил Хасан, вспомнив недавний разговор насчет Иранской прогулки.

-- Ну, так прямо не сказали, но это ведь не трудно выяснить. Международный скандал поднялся, ротного уже арестовали. Мы все скажем, что спали и ничего не знали, а тебе -- труба. Наденут на тебя наручники, и покатишь ты по этапу. Хотя нет, по законам военного времени тебя расстреляют, прямо возле БТРа. Так что считай, что ты выкурил свой последний косяк, и помолись перед смертью. Может тебе муллу позвать, он отходняк прочитает?

-- Да хоть папу римского, мне похеру.

-- А ты татарин чего уставился, тебе ваще пиз...ец, ты там пол Ирана из пулемета завалил, когда случайно на спуск нажал, -- подколол я Урала.

-- Да пошел ты, Юрка, гонишь всякую ху...ню, -- сказал Урал и повалился на сидение в отсеке.

-- Слушай, Хасан, ты же мусульманин? -- спросил я.

-- А че, ты сомневаешься, да?

-- А в Аллаха ты веришь?

-- Да он в Будду верит, Аллах че, у Аллаха две руки и он за раз всего лишь один косяк забить может, а вот у Будды шесть рук, тот за раз сразу три заколачивает, -- ляпнул Туркмен.

Мы все заржали так, что аж Сапог проснулся и уставился на нас в непонятках.

-- Туркмен, ну ты и сморозил, а главное прям в точку попал, -- я закатывался и не мог остановиться.

-- Юрка, на, сядь за руль, а то я уже запарился, пойду в отсек поваляюсь немного, -- предложил Туркмен вставая из сидения.

-- Дай я поеду, -- подпрыгнул Хасан и полез на место Туркмена.

-- Да пошел ты, на ишаке сначала научись ездить, -- ответил Туркмен и оттолкнул его рукой.

Я стал перелазить на место Туркмена, когда Туркмен убрал ногу с педали газа, БТР замедлил ход. Садясь на его место, я резко надавил на педаль -БТР дернулся, и чуть не стукнулся в машину, идущую впереди нас, я чуть сбросил газ.

-- Осторожно, а то скажут, что уснули, -- предостерег меня Туркмен, и завалился на десантное сидение, а Хасан в это время запрыгнул в командирское кресло.

Я закурил сигарету и начал подстраиваться под скорость колонны, чтоб не въехать во впереди идущий БТР, или чтоб сзади

идущий БТР не долбанул нас. В окно практически ничего не было видно из-за пыли, временами ее сдувало ветром и показывался зад впереди идущего БТРа. Управлять машиной в таких условиях было трудно, если брать в расчет, что я не водила.

-- Ну как? -- спросил Хасан.

-- Видимость нуль, машину веду по приборам, -- ответил я ему.

Я по раскумарке прикололся к управлению машины, и уже не слышал, о чем там болтали пацаны. Глаза мои были прикованы к окошку, где иногда на пару секунд появлялся передний БТР, а уши мои были заняты монотонным гулом движков. Я опять представил себя в космическом корабле, только вместо синевы космоса передо мной виднелась серая масса пыли. Докурив сигарету, я несколько раз ткнул окурком в лобовое стекло в разных местах, представляя, что это звезды, виднеющиеся в иллюминатор моего корабля. Я бы еще долго так прикалывался, если бы сзади не послышались сигналы машин, и не раздалась автоматная очередь. Я очнулся от мечтаний и заметил, что пыли в окне не видно, а передо мной простираются афганские просторы с виднеющимися вдалеке горами, и несколько точек на лобовом стекле, якобы звезды. Нажав на тормоз я остановил машину, колонны впереди не было, тьфу черт, вот я замкнул.

-- Что такое? -- спросил Хасан.

-- Да х...й его знает, сейчас посмотрим, -- ответил я, и открыв крышку люка высунулся из него.

Колонна стояла в полукилометрах от нашего БТРа, а точнее -- это наш БТР стоял в полукилометре от колонны.

Из командирского люка высунулся Туркмен.

-- Юра, ты че? -- удивленно спросил он.

-- Да замкнул короче, колонна свернула, а я прямо поехал.

-- Да вы меня уже заеб...ли вместе с Хасаном, лучше я Сапога надрочу за рулем сидеть, -- начал возмущаться Туркмен.

-- Да ладно, Туркмен, не разоряйся, я че, спецом что ли.

-- Спецом, не спецом, а разбираться с шакалами сам сейчас будешь, вон, смотри -- комбат кулаками машет, вылезай давай, сядешь, когда растормозишься.

Я перелез на командирское сидение, а Туркмен сел за руль и, развернув БТР, направил его в сторону колонны.

Подъезжая к колонне, я вылез из люка на броню, и приготовился получать пизд...лей в случае чего. Комбат спрыгнул с брони и подбежал к нашему БТРу. Мимо меня пронесся шквал отборных матов, из которых я понял, что мы и уснули и замкнули, и еще много чего в этом роде.

-- Это я был за рулем товарищ майор, задумался немного и не

заметил, как колонна свернула, -- начал я оправдываться заплетающимся от сушняка языком.

-- Я сейчас так пере....бу автоматом по твоей думалке, что она у тебя через жопу вылетит, еще одна такая запарка, и вы у меня пешком за колонной бежать будете.

Комбат, погрозив нам кулаком, развернулся и направился в сторону своего БТРа, а ротный, сидя на броне своей машины, показывал нам непристойные жесты, сопровождая их беззвучным шевелением губ. Что он имел ввиду, нетрудно было догадаться, все остальные, кто на броне, кто из люков, наблюдали за этой сценой и прикалывались над нами. Спустя время мы пристроились на свое место, и колонна двинулась дальше. Я перевел дух, как все-таки мне повезло, что комбат в данный момент был не пьяный, а уж как он по пьяни челюсти крушит, это я знал не понаслышке.

-- Ну что водила, прокатнулся? -- со смехом спросил меня Хасан, когда я залез в БТР.

-- Нас здесь двое таких, так что не очень то прикалывайся, -- ответил я ему и повалился на десантное сидение.

-- Я думал комбат тебе по башке настучит, -- сказал Урал.

-- А ты Татарин был бы рад посмотреть, как комбат меня метелит.

-- И не только я.

-- Хасан, надо было тебя подставить на этот раз, а то ведь, когда ты нас в Иран завез, я за тебя от ротного по роже получил.

-- Ну а чего ты на броню выскочил и начал кричать, "это я ехал, это я ехал!" -- ответил Хасан.

-- Следующий раз буду кричать, что это ты ехал.

-- А вот х...й вам обоим, следующий раз вы за руль не сядете, можете и не мечтать, -- ляпнул Туркмен.

-- Я сяду, -- вмешался Урал.

-- Ну уж нет, тебя только здесь не хватало, хватит мне и этих двух дураков.

-- Жрать когда будем, меня уже голодняк пробивает, -- предложил я пацанам.

-- Сапог доставай сухпайки, хавать будем! -- крикнул Хасан Сапогу.

-- И слетай на броню, воды зачерпни, -- добавил я.

-- А че будем хавать? -- спросил Сапог.

-- Две банки тушенки и три каши достань, -- предложил я Сапогу.

Сапог достал банки из коробок и открыл их, потом он залез на броню и набрал в котелок воды. Мы размешали в воде сахар, так как вскипятить воду для чая не было возможности, и

приготовились к обеду.

Поев каши с тушенкой и запив все это сладкой водой, мы повалились кто куда. Хасан развалился в командирском сидении, Урал с Сапогом уселись в отсек на десантное сидение и о чем-то стали болтать.

Я тоже приготовился завалиться на десантное сидение, но Туркмен меня окликнул:

-- Юра садись за руль, я посплю.

-- А не боишься, что я опять запарюсь?

-- Да ладно, не выпендривайся, садись, не Хасану же руль давать.

-- А почему мне не поехать, Юрке, значит, можно, а мне нет, да? -спросил с возмущением Хасан.

-- Юрка один раз запарился, к тому же он в Иран еще не заезжал, вот когда заедет, тогда и ему тоже больше руль не дам. В Иране мы не окажемся? -- спросил Туркмен, глядя на меня.

-- Нет, в Иране мы уже были, теперь в Пакистан поедем, -- ответил я.

-- Ну, до Пакистана еще далеко, так что садись давай.

Я опять перелез за управление, а Туркмен полез в отсек спать, Хасан, успокоившись, немного посидел молча и закемарил, свесив голову на грудь.

Проехав около часа в раздумьях я почувствовал, что кто-то меня тычет в правую руку, я посмотрел на Хасана, он показывал мне жестами, дай, мол, я поеду.

-- Ну на езжай, мне не жалко, -- ответил я ему и мы поменялись местами, я перелез на командирское сидение.

У Хасана была слабость управлять техникой, он всегда рвался порулить, иногда он ходил к своему земляку на танк, и там у механика выпрашивал рычаги управления, ему не важно чем управлять лишь бы по рулить.

Мы проехали чуть больше часа, вдруг где-то впереди раздался глухой хлопок, колонна сразу остановилась, потом раздался еще один взрыв чуть ближе к нам, сопровождаемый пулеметной очередью, но стреляли не из колонны. Я сразу прыгнул за башенные пулеметы, а Хасан напялил шлемофон и стал слушать эфир, Урал схватил гранатомет и открыл десантный люк, Туркмен взял ручной пулемет. Развернув пулеметы в сторону выстрелов, я заметил небольшую сопку: до нее было примерно с полкилометра. Скорее всего, духи палили из-за этой сопки, больше не откуда. Ни гор, ни зеленки поблизости не было, вокруг простиралась полустепь-полупустыня, кишлаков поблизости тоже не было видно, только за сопкой справа от нас была низина, но что в ней, видно не было, может, там был

кишлак может зеленка, а ближайшие горы были за этой низиной километрах в десяти от нас. Я выстрелил короткой очередью по сопке, духов видно не было, да они и не дураки, чтоб мелькать на виду у нас, из колонны уже велся обстрел из пулеметов и автоматов.

-- Ну, че там базарят? -- спустя время спросил я.

-- Танк подорвался на фугасе, а из-за сопки духи обстреляли комбатовский БТР, командир приказал прекратить огонь, БМПшки уже туда ломанулись, сейчас погонят нашу роту, -- ответил Хасан.

-- Какой танк подорвался?

-- Второй, кто-то из танкистов ранен, в этом экипаже два моих земляка, я пойду схожу туда.

Хасан, бросив шлемофон, схватил автомат и выскочил в люк, я тоже выглянул из люка -- Хасан бежал в сторону танкистов. Мимо нас промелькнула "таблетка", направляясь в сторону впереди идущих танков. Две БМПшки отделились от колонны и помчались в сторону сопки, это был разведвзвод. Танки несколько раз влупили по сопке из пушек.

-- Третья рота, быстрее к сопке! -- крикнул ротный, и его БТР, выехав с колонны, направился туда.

-- Ну вот, чуть что, так сразу третья рота, -- возмутился я и залез в отсек.

Туркмен прыгнул за руль, а я расположился за башенными пулеметами и стал наблюдать в прицел за БМПшками, они в это время подъезжали к сопке. Вдруг одну БМПшку развернуло на 90 градусов, и она остановилась, разведчики попрыгали с брони, а вторая БМПшка, обогнув сопку, скрылась за ней.

Мы проскочили мимо стоявшей БМПшки, экипаж крутился возле нее, вроде все живые, там же был и летеха с разведвзвода.

-- Че там такое? -- спросил я Туркмена.

-- Разулась, наверно из гранатомета по гусянке ебан...ли, -- ответил Туркмен.

БТР ротного, заехав за сопку, остановился, мы подъехали к ним и остановились рядом, дальше был крутой спуск, а внизу глубокая расщелина в несколько метров шириной, уходящая вниз по склону. Вдалеке -- километров пять от нас -- виднелся небольшой кишлак, радом было маленькое озеро и зеленка. Сверху хорошо просматривалась вся местность в низине, но на технике пробраться туда было нельзя, из-за крутого спуска, на краю которого мы стояли. Вторая БМПшка слетела со спуска и стояла, врывшись в глину рядом с расщелиной, одна ее гусянка и пара катков валялись рядом, а разведчики вели огонь из автоматов, спрятавшись за броню. Духи были в расщелине, и,

судя по всему, успешно смывались, отстреливаясь от разведчиков. Ротный махнул рукой, показывая вниз, и мы, попрыгав с брони, начали спускаться с откоса.

Разведчики, прекратив стрельбу, собрались в кучу, наверное, кого-то убило или ранило. Спустившись вниз, я заметил в стороне двух убитых духов, один валялся весь искореженный, наверное, ему досталось из башенной пушки БМПшки, рядом с ним валялся ручной гранатомет.

-- Татарин, возьми вон духовскую трубу, прикрутишь к своей, и будет двустволка! -- крикнул я Уралу.

-- Там у разведчиков что-то случилось, -- сказал Урал, показывая в их сторону.

-- Да вижу, сейчас узнаем, -- ответил я.

Мы подбежали к разведчикам, Серега сидел на земле закрыв лицо руками, руки у него были в крови, рядом стояли Артиков и Царев, а Андрей сидел перед Серегой с медицинским пакетом и пытался разглядеть его рану. Андрей тщетно пытался оторвать Серегины руки от лица, тот не давался и стонал. Рядом лежал Семен с забинтованной головой, Семен был водилой на БМПшке.

-- Что случилось? -- спросил я пацанов.

-- Сереге вроде челюсть пулей разворотило, медиков надо, я его промедолом вмазал, но этого мало, не могу перевязать, он вцепился в лицо руками, хрен оторвешь, -- ответил Андрей.

-- А с водилой что? -- опять спросил я.

-- Башкой об люк ебн....лся, когда с откоса слетели, но с ним все нормально, кусок шкуры с лобешника вырвало, но череп целый.

Я достал оставшуюся ампулу с морфием и протянул Андрюхе.

-- На, морфием вмажь Серегу. "Баян" есть?

-- Да есть, но все равно медиков надо.

К нам подбежали ротный, Грек, Закиров и Хохол.

-- Ну, че здесь такое? -- спросил ротный.

-- Да вот пуля в челюсть попала, "таблетку" надо вызвать, -- сказал кто-то из разведчиков.

-- Ну так чего же не вызовите?

-- У нас в БМПшке рация не пашет.

-- У них там всего одна "таблетка", она к танкистам уехала, вторую духи спалили в кишлаке, который мы чесали, да и медиков там осталось три человека, капитан, водила и сержант, -- сказал я ротному.

-- Ну, давайте, берем раненых и наверх, сейчас к колонне прилетит вертушка из Шинданта, -- скомандовал ротный и спросил: -- Семенов сам может идти?

-- Да я смогу, -- глухим голосом произнес Семен.

-- Закиров, помоги Семенову взобраться наверх.

Андрей ширнул Сереге укол в вену и перевязывал ему лицо. Замотав ему челюсть бинтом под самый нос, он взял его под руки.

-- Ну, давайте, потащили, чего смотрите, -- обратился к нам Андрюха.

Царев взял Серегу за ноги, и они его потащили к БТРам.

-- А как вас сюда угораздило? -- спросил ротный Артикова, показывая на БМПшку.

-- Из-за сопки выскочили, а тут обрыв, Семен по тормозам дал, но поздно уже было, пока очнулись, машина уже в глине торчит, и Семен на сиденьи весь в крови. Когда с откоса летели, я увидел в стороне духов человек десять, я развернул пушку и влупил по ним очередью, духи, отстреливаясь, начали прыгать в расщелину, Серега, выскочив с автоматом на броню, стал стрелять по ним, и в это время какой-то дух его прошил. Пока мы повыскакивали, духи уже смылись, вот успели только двоих замочить, остальные смотались по расщелине, -- закончил свой рассказ Артиков.

-- Ну, ничего, сейчас подтянем авиацию, и пусть они перепашут эту расщелину вместе с тем кишлаком и зеленкой. Бляха-муха, вот БМПшку надо выволакивать как-то отсюда, -- высказался ротный.

-- Сейчас тягач подъедет и вытащит, мало будет тягача -- танк подключим, -- предложил я.

-- Бережной, какой ты умный. А трос где ты такой возьмешь? Тут метров триста, не меньше. Или, может, ты ее на горбу до откоса дотащишь? -- глядя на меня, сказал ротный.

"Да, действительно, а где же такой трос то взять?" -- подумал я и спросил:

-- Ну, а что тогда делать с ней?

-- Взорвать ее нах...й, больше ни хрена ни чего не сделаешь. Сейчас доложу командиру, он решит.

Мы взобрались наверх и стали расходиться по машинам, Серегу с Семеном посадили на БТР ротного, ротный подошел к нашему БТРу и обратился ко мне:

-- Бережной, вы пока с разведчиками здесь оставайтесь, а я там решу с командованием, что делать дальше.

-- Хорошо, решайте, -- ответил я и взобрался на броню.

Машины нашей роты, отъехав, направились в сторону колонны, разведчики уселись в тень от БТРа, а я залез в отсек и, развернув пулеметы, направил их в сторону БМПшки, Урал с Сапогом в это время рассказывали Туркмену, что произошло внизу.

-- Туркмен, надень шлемофон, может, будут вызывать, --

обратился я к Туркмену.

Он надел шлемофон и стал слушать эфир.

-- Не дай бог, нас сейчас погонят в тот кишлак, километров пять мотать до него, -- сказал с сожалением Урал.

-- Не ссы, Татарин, не погонят, время у нас нету с этим кишлаком возится, колонна до темна должна прибыть на место, -- успокаивал я Урала.

-- Да хорошо бы так, а то ведь х...й поймешь, что у них там на уме.

Минут через двадцать показалась санитарная вертушка и села возле танков, потом от колонны отделились пара БТРов и БМПшка разведчиков, они направились к нам.

Когда они приблизились, я заметил, что это были машины ротного и Грека, Хасан тоже ехал с ними, он сидел на броне рядом Греком, они о чем-то болтали.

Первым к нам подкатила БМПшка разведчиков, летеха спрыгнул с брони и подошел к разведчикам, мы с Туркменом вылезли на броню БТРа.

-- БМПшку эту будем бросать, сейчас прилетят "крокодилы" и начнут бомбить местность и БМПшку тоже разх....ярят заодно, а сейчас пойдем и снимем с нее все что надо, время у нас полчаса.

Разведчики направились к БМПшке, а мы остались ждать их. Хасан запрыгнул на броню своего БТРа.

-- Земляка моего ранило, -- выпалил он.

-- Кого? -- спросил я.

-- Шавдета, на гражданке жили рядом, даже встречались иногда, он был из соседнего аула, мы туда на танцы ходили, бывало, бакланили с ними.

-- Про Серегу с Семеном слышал?

-- Да я видел их, Серегу с Шавдетом погрузили в вертушку, а Семен отказался лететь, говорит, что нормально себя чувствует и в госпиталь не хочет. Блядь, Шавдета жалко, пизд...ц ему наверно.

-- А че так? --Спросил Хасана Туркмен.

-- Да ему по затылку траком уеб...ло, череп проломился, вроде в сознании, но это шок, а так не знаю, что будет. Капитан медиков как-то так посмотрел на него после перевязки, по лицу капитана было видно, что ничего хорошего Шавдета не ждет.

-- А как это ему траком угораздило?

-- По броне он в это время лазил, а в тот момент, когда мина е...нула, он на подкрылке стоял, как раз над этим катком. Если даже выживет, один х...й дураком останется.

-- Да все мы дураками отсюда вернемся, кто-то больше, кто-то меньше, -сказал Туркмен.

-- Но мы-то хоть целые пока, -- сказал я, глядя на Туркмена.

-- Да целые, и вроде нормальные, но это мы здесь нормальные, а там, на гражданке, мы для всех дураки, вот посмотрите, -- ответил Туркмен.

-- Это почему еще? -- спросил я удивленно.

-- Почему? Да потому! Вот представь, вернешься ты на гражданку, ну там встреча, пьянка и так далее. Начнешь со своими корешами о житье-бытье базарить, они будут тебе рассказывать, как они на танцах балдели, баб снимали, смеяться будут, веселится. А ты что им расскажешь? Может про то, как ты здесь пыль глотал вперемешку с песком и свинцом, да? Про выжженные кишлаки расскажешь, про эти проклятые горы. А может, ты им расскажешь, как друзей своих хоронил? Ну, может, ты им про это все и расскажешь в пьяном бреду. Но поймут ли они тебя? Да, они будут слушать тебя, развесив уши, и может даже посочувствуют, но через пять минут они про эти твои рассказы забудут. А ты сам забудешь все это когда-нибудь? Я думаю, навряд ли. А насчет баб, что ты им расскажешь? Вот твоя баба, -- Туркмен дернул за ствол моего АКСа. -- Вот ее ты каждый день обнимаешь, с ней засыпаешь, с ней просыпаешься, гладишь ее, ухаживаешь за ней, и нет для тебя ближе ничего, кроме вот этого автомата. Помните, я вам рассказывал про пацана из моего города, который пришел из Афгана в восемьдесят первом? Он по началу тоже был веселый такой, про Афган иногда рассказывал, а потом замкнулся в себе, начал бухать беспробудно, а в оконцовке пошел в горы, забрался на скалу, прыгнул с нее и разбился. Я тогда думал, что это он по пьяне замкнул, или у него крыша съехала, но теперь я понимаю, почему он это сделал. Вот так, мужики, мало с войны живым вернуться, надо еще после нее жить как-то. И молите бога, что вы родились не в этой проклятой стране, а то бы бегали сейчас по расщелинам и кяризам вон от этих вертушек, -- Туркмен показал на приближающиеся со стороны Шинданта вертушки, их было четыре. -- А кто его знает, может завтра война придет и в наш дом, -- закончил Туркмен и залез в водительский люк БТРа.

Мы сидели с Хасаном и молча смотрели друг на друга. На Туркмена, бывало, находили философские заходы, я особенно не придавал значение его душевным порывам, просто мне было наплевать, что будет завтра, но в такие моменты мы не спорили с Туркменом, может потому, что в его словах все таки была доля правды.

Разведчики поснимали со своей машины все необходимое и взобрались наверх, потом они погрузились в оставшуюся БМПшку, и мы двинулись к колонне. Спустя полчаса колонна двинулась дальше, уже отъезжая, мы наблюдали, как одна

вертушка отделилась от остальных и, описав круг, выпустила несколько ракет в место, где находилась брошенная БМПшка, после чего она взяла курс на кишлак, догоняя своих, и скрылась из виду.

ЧАЙ С КАЙФОМ

Проехав несколько километров, Туркмен снова отдал мне руль и полез в отсек отдыхать, Хасан тоже завалился на десантное сидение, и вскоре они с Туркменом мирно уснули. Урал перелез на командирское сидение и, достав из кармана письма, стал их перечитывать, а Сапог, сидя на вещевом мешке, что-то шил, то ли подменную куртку от ХБшки, то ли штаны.

Я глянул на Урала, читающего письма, -- меня в очередной раз взяла жуткая тоска, как все-таки много значат для солдата письма из дома, и как тоскливо, когда эти письма не получаешь; я уставился в лобовое стекло и постарался отогнать эти тоскливые мысли, но они цепко сидели у меня в голове. Не зная, как отогнать от себя эти мысли, я взял шлемофон и надел его, эфир молчал, далее я прогулялся по волнам, -- голос Америки трепался о какой-то ерунде, навроде того, что, мол, афганское правительство приняло ряд чрезвычайных мер по борьбе с мятежниками и, в общем, всякая хрень в этом роде, я снял шлемофон и бросил его на колени.

Колоннна повернула немного восточнее, и пыль сдувалась ветром в сторону, теперь хорошо было видно впереди идущий БТР и ориентироваться стало легче. Но долго это не продолжалось, примерно через час колоннна опять взяла прежний курс, и снова пыль заволокла окно.

К вечеру ветер стал утихать, и жара спала, колоннна въехала на горную дорогу, и километров пять мы ехали над обрывом, я поначалу хотел разбудить Туркмена, чтоб он сел за руль, но, немного подумав, не стал его будить, пусть спит, когда проснется -- сам сядет за управление. Местами дорога была настолько узкая, что камни из-под колес улетали в пропасть. Техника двигалась по горной дороге очень медленно, на поворотах танки передвигались небольшими рывками, эти пять километров мы преодолевали больше двух часов. Но вот наконец-то колоннна вышла в долину, а горы остались где-то сбоку, командир объявил в эфир, что примерно через час колоннна будет на месте.

Колонна развернулась перпендикулярно горам и направилась в сторону Иранской границы. Проснулись Туркмен и Хасан, Туркмен сел за руль, а мы с Хасаном вылезли на броню, почти все экипажи БТРов сидели на броне. Ветер окончательно стих, и пыль больше не стояла столбом над колонной, солнце тоже начинало закатываться за горизонт, и жара совсем спала. На земле Афгана

наступила благодать, вечерело, снаружи не холодно-не жарко, лишь изредка ощущалось легкое прохладное дуновение, очень красиво смотрелся закат солнца. На броню вылезли Урал с Сапогом, они уселись рядом с нами.

-- Ну что, Сапог, как тебе видуха Афгана. Красиво? -- спросил я Сапога, показывая на зарево заката.

-- Да, нормально, -- ответил Сапог.

-- Э-э-х! Ну что, пацаны, может обдолбимся на фоне этой красоты?! -воскликнул Хасан, после чего достал чарс и пару сигарет.

-- Забивай, Хасан, забивай, сейчас не грех курнуть, никаких тебе обломов, ни жары, ни ветра, ни стрельбы, -- ответил я ему и спросил Сапога: -- Сапог, а давай курни немного плану, а то ведь так и не поймешь всей этой жизни до конца.

-- Ну ладно, попробовать можно, -- ответил, колеблясь, Сапог.

-- Курни-курни, Сапог, а то ведь не познаешь настоящего кайфа, -добавил Хасан, забивая сигареты.

-- Туркмен, а ты как насчет курехи? -- крикнул я в люк.

-- Не, я не буду, мне и так ништяк.

-- Ну, как хочешь, наше дело преложить.

Хасан прикурил одну сигарету и передал мне, я пару раз затянулся и передал косяк Сапогу.

-- На, Сапог, держи, втягивай дым вместе с воздухом. Видел, как я делал?

Сапог кивнул и взял косяк, он его повертел, потом поднес к губам и начал втягивать дым.

-- Сапог, ну че ты ссышь, ближе подноси "гильзу", не бойся косяк тебя не укусит, -- сказал я.

Сапог затянулся и стал кашлять.

-- Я же тебе говорю, с воздухом тяни, дурак.

Откашлявшись, Сапог сделал еще одну затяжку, но уже послабее, выпустив дым он произнес:

-- Я слышал, что с первого раза обычно не цепляет.

-- Где это ты слышал? -- спросил Хасан, и затянулся дымом от второго косяка.

-- На гражданке еще, -- ответил Сапог.

-- Это на гражданке с первого раза не цепляет, а в Афгане цепляет еще до того, как косяк забьешь, -- сказал я, смеясь.

-- Почему? -- спросил Сапог, выпуская дым, и одна бровь его резко поднялась вверх.

Я заметил, что Сапога уже начало накрывать, но он об этом пока еще не знает.

-- Да ты передавай косяк дальше, а то с брони свалишься, -- сказал я Сапогу.

-- Че?

-- Косяк, говорю, передавай Татарину. Замкнул что ли?

-- А-а. А почему? -- вдруг ляпнул Сапог, отдавая косяк Уралу.

-- Че почему? -- я уставился на Сапога.

-- Почему в Афгане сразу цепляет?

-- Потому что на гражданке беспонтовая солома, а здесь чарс. Понимаешь? -- ответил Хасан.

-- А-а.

-- А где твой автомат? -- спросил я Сапога.

-- В БТРе.

-- Ты посмотри, -- вот мой автомат, у Хасана, вон, автомат с собой, у Урала, -- я посмотрел на Урала, и не увидев у него гранатомета спросил: -- А где твоя труба, Татарин?

-- Да ну ее нах...й.

-- А если духи?

-- Ну и х...й с ними.

-- Татарин, ты че, давай тащи свою трубу сюда.

-- А на хрена она мне?

-- Будешь духов ею глушить, как булавой, ты же потомок Чингиз-хана.

-- Да отвяжись ты, Юра, лучше Сапогу, вон, мозги парь.

Сапог в это время пытался втиснуться в люк, у него это получилось, правда, с трудом, после этого мы его на броне в этот вечер больше не видели. Видно тяжко было Сапогу, на измены упал, но ничего страшного, по первой такое случается со всеми.

Мы остались втроем на броне, и тут я вспомнил одну историю по гражданке.

-- Пацаны, хотите, один прикол расскажу?

-- Ну давай, приколи, коль не шутишь, -- прошипел Хасан.

-- Один мой знакомый по гражданке рассказывал, -- он жил рядом с нашим детдомом и часто к нам забегал, его мать у нас в столовой поварихой была. Говорит, раз захотелось плану курнуть. Ну, думает, надо слетать, как стемнеет за анашой, пока бабки есть. А планом банковал на хате один барыга, жил он в соседнем квартале. Ну, тот цепляет червонец и к барыге на хату, цепанул пакет плану и пошел домой. Домой пришел, план затарил, а перед сном решил накуриться ништяк. Разделся, забил косяк, свет в комнате вырубил и пошел на балкон курить. Ну, рассказывает, курнул я косяк, походил по комнате, чую -- не цепляет ни хрена, я второй забиваю, и его тоже курнул, подождал, никакого понту. Ну, думаю, кинул меня барыга еб....ный, сейчас я с ним разберусь, беру пакет и валю к нему на хату разборки наводить. Пришел, звоню, дверь открывается, на пороге стоит этот барыга и смотрит на меня вылупив шары. Я ему пакет сую со словами: "Ты че, мол,

туфту мне толкаешь, план твой ни хрена не цепляет, ты че меня за черта считаешь, что ли, на, забирай свою солому и гони мне мои бабки ". Тот подождал, пока я заткнусь, и говорит уссыкаясь: "Да ты на себя посмотри", и тычет мне пальцем в живот, я глаза опустил и оху...л, на мне были надеты всего лишь трусы и носки. Ну, ни хрена, думаю, заморочки, а я ведь почти два квартала по городу так прошагал.

-- А дальше че, дальше че? -- спросил смеясь Хасан.

-- Да ниче, этот барыга дал ему напрокат трикошку с рубахой и домой отправил.

Колонна в это время проезжала между двумя кишлаками, жители кишлаков стояли вдоль дороги, размахивая всякой дребеденью для продажи или обмена, в основном это были чумазые бачата, некоторые из них подбегали вплотную к БТРам и что-то выкрикивали. Проезжая мимо них я развел руками и помахал, мол, ничего не надо, они корчили нам рожи, и показывали языки. Мы, глядя на них, стали закатываться смехом, эти бачата были похожи на чертиков, я даже представил их с рожками и хвостиками, ну -- натуральные чертята. Вот вырастут из этих чертят большие черти, и будут потом стрелять в нас из засады, я даже начал представлять, как эти бачата превращаются в злых и страшных душманов. Я посмотрел на свой автомат, блин, перестрелять бы их, пока еще они маленькие, промелькнула у меня в голове страшная мысль, но какая-то внутренняя сила сдерживала меня от такого безумного выпада, значит, мы еще не превратились в законченных злодеев.

Минуя кишлаки, колонна направилась к горам, которые простирались вдоль границы с Ираном, но горы эти находились на афганской территории, Иран был за ними. Справа от нас был крутой спуск в низину, а примерно в километре протекала небольшая речка, рядом с речкой были брошенные огороды, которые заросли травой, немного в стороне находился небольшой разрушенный кишлак, по всему было видно, что в нем уже давно никто не живет.

Подъезжая ближе к горам, технику начали расставлять на блоки, ротный нас обрадовал по рации, оказывается, наш БТР планировали поставить на крайний блок, у подножия горы, еще ротный передал, что по прибытию на место мы должны будем окопаться вместе с БТРом. Беспокоиться нам было о чем, крайний блок -- он все-таки крайний, да к тому же рядом с горой, ночью стоять наблюдающим в таком месте не очень завидная перспектива, ну да хрен на него, такое случалось уже не в первый раз, так что постоим еще, главное -- ловушек побольше наставить.

Но вот мы стали подъезжать к этой горе, осталось три БТРа,

наш, взводного и машина Грека.

БТР взводного стал на краю спуска в долину, машина Грека отъехала на полкилометра назад и остановилась у какого-то полуразваленного дувала, мы направились к горе и стали у ее подножья, на краю спуска в низину, как и БТР взводного, который стоял напротив, примерно в километре от нас.

В пятидесяти метрах от нас находился овраг, а за ним гора, овраг был небольшой -- метров тридцать шириной и примерно десять метров в глубину.

Мы стали думать, как бы нам поудобнее окопаться, -- находясь на крайнем блоке, есть такая возможность выбрать, как и где тебе окапываться. Это если находишься где-то в середине, когда рядом располагаются машины комбата или замполита, вот тогда они подъезжают и начинают указывать, где копать, как копать. А наш блок был крайним, обычно на крайние блоки редко кто подъезжает, и поэтому сам себе хозяин, только рацию слушаешь, и на все указания по ней отвечаешь, "да, так точно, понял", а про себя думаешь, -- да пошли вы все, -- и делаешь по своему.

-- Ну что, Хасан, где копать будем? Скоро стемнеет, а еще пожрать надо, -- спросил я.

Туркмен спрыгнул с брони и сказал:

-- Давай так решим, Урал с Сапогом пойдут ставить ловушки, я буду рыть ямы под колеса БТРа, а вы с Хасаном копайте вон там яму, -- Туркмен показал на яму в виде воронки, которая находилась чуть правее БТРа, метрах в двух вниз по крутому спуску в низину, и добавил: -- Потом натянем брезент, и будет как в бункере, там и будем торчать.

Мы все согласились с этим предложением, действительно эта воронка была удобно расположена, оставалось только немного ее углубить и бункер готов, а кусок брезента, метра три на три, мы всегда с собой возили для подобных случаев.

-- Ладно, Туркмен, так и сделаем, а завтра выкопаем каждый себе небольшие окопчики для отмазки, и можно тут жить, я думаю мы сюда надолго стали, -- ответил я Туркмену, и мы с Хасаном полезли в отсек за лопатками.

Урал с Сапогом набрали гранат и, взяв катушку с веревкой, пошли к оврагу устанавливать ловушки, раньше мы натягивали медную проволоку, ее было навалом везде, но проволока эта отсвечивала при лунном свете, и ловушку можно было без труда обнаружить, поэтому мы возили для такого случая веревку. Через несколько минут все были заняты своими делами, мы с Хасаном углубляли воронку, а Туркмен копал ямы под колеса БТРа, у него была для этого случая штыковая лопата, а у нас саперные.

Минут через сорок вернулись Урал с Сапогом. Туркмен уже выкопал ямы и загнал в них БТР. Я взял у него большую лопату и стал копать ей. Яма была уже почти готова, оставалось только подравнять стены и сделать ступеньки для подъема из откоса наверх, к БТРу.

-- Ну как, Татарин, все готово, духи не пройдут? -- спросил я Урала.

-- Не ссы, не пройдут.

-- Сколько поставили? -- спросил Хасан.

-- Двенадцать.

-- Завтра покажите нам, где они стоят, а то кто-нибудь, не дай бог, взлетит на воздух. А сейчас хватайте лопаты и копайте, а то мы уже запарились.

Урал с Сапогом спустились вниз и, взяв у нас инструмент, стали копать.

-- Я спущусь к огородам и посмотрю, может, там растет какая-нибудь съедобная ху...ня, -- сказал Хасан и, взяв автомат, стал спускаться вниз к речке. Я в это время взял открытый цинк с патронами и, вытащив оттуда остатки пачек с патронами, приспособил его к разогреву каши вместо котелка.

Туркмен, вытащив брезент, спустился к Уралу с Сапогом, они как раз заканчивали ровнять стены.

Минут через двадцать появился Хасан, в руках у него был большой пучок какой-то зелени. Туркмен, Урал и Сапог как раз заканчивали мастрячить халабуду.

-- Хасан, че за травы ты нахапал? -- спросил его я.

-- Дурак, это витамины -- петрушка, лук и укроп, там этой дряни валом.

-- Да ну не пи...ди. Дай посмотрю.

Я глянул на эту траву -- укроп и лук среди этой зелени я узнал.

-- А это че? -- я ткнул пальцем на незнакомую мне траву.

-- Петрушка это, калхарь.

-- А ее жрать можно?

-- Да ты че, ваще тупой, петрушку ни разу не видел?

-- Я слышал, что есть такая ху...ня, но ни разу не видел.

-- Ну так на, смотри, -- Хасан ткнул мне пучком в рожу.

-- Дай попробую.

Я оторвал листочек и пожевал его, вкус мне показался каким-то странным.

-- Тьфу, камыш какой-то, -- я выплюнул остатки петрушки.

-- Да ты не шаришь, если ее добавить в пищу, она вкусная.

-- Туркмен! -- крикнул я.

-- Ну, че тебе? -- Туркмен направился к нам, за ним подошли

Урал с Сапогом.

-- Посмотри, Хасан вон травы какой-то припер, говорит петрушка.

Туркмен, Урал и Сапог посмотрели на пучок.

-- Вот укроп и лук, -- проговорил Урал, показывая пальцем.

-- Да я, Татарин, и без тебя знаю, что это такое. Ты мне скажи, что вот это за трава?

-- Похожа на петрушку, -- ответил Урал и, отщипнув листочек, начал его жевать.

-- Да, это петрушка, чего там пробовать, -- подтвердил Туркмен.

-- Да-да, петрушка, --с казал Урал.

-- А ты знаешь, что это такое? -- я посмотрел на Сапога.

-- Петрушка, у нас дома растет такая, -- ответил Сапог.

-- Выходит, я один дурак среди вас.

-- Конечно, дурак, чего здесь удивительного, -- заявил Хасан.

-- А помидоры там растут, или огурцы? -- спросил Урал.

-- Ага, и бананы тоже есть, вон -- пальмы торчат. Видишь?

-- Ну ладно, хорошь пизд...ть, жрать пора готовить. Сапог сломай пару ящиков из под цинков, костер будем разводить, -- предложил я.

Пока Сапог орудовал с дровами, мы открыли банки с кашей, и вывалили эту кашу в цинк, а сверху набросали половину нарезанной зелени. Урал в это время выкопал небольшую ямку для костра и, положив в нее дрова, мы разожгли их бензином и стали готовить ужин, рядом в кашей мы подвесили котелок с водой для чая. Пока готовился ужин, Хасан усердно забивал косяк, -- если кто и забывал про чарс, то Хасан помнил об это всегда.

За БТРом послышался гул моторов, и через минуту появилась машина ротного, ротный сидел на броне, глаза его блестели, наверное, браги хапнул или еще чего. Голова Петрухи торчала из водительского люка, рожа его тоже сияла, но явно от другого кайфа, больше на БТРе никого видно не было.

-- Ну, как успехи, воины?! -- крикнул ротный.

-- Да нормально, командир, ужин вот готовим, -- ответил Хасан, пряча в ладони незабитый косяк.

-- А это что за хибара неуставная? -- ротный показал пальцем на нашу яму под брезентом.

-- Окоп, товарищ старший лейтенант, -- ответил я.

-- Я ща вас похороню в этом окопе. Вы че, хотите, чтоб меня комбат вые....ал за эту вашу ху...ню? Короче, следующий раз приезжаю, и вижу выкопанные окопы. Понятно? Если вы забыли как окапываться, будем тренироваться. Ясно?

-- Все ясно, командир! -- браво ответил Хасан.

-- А ты, таджик хитромудрый, будешь дох...я пиз...еть, заставлю траншею рыть, вон до той горы.

Пока ротный с Хасаном препирались, ко мне подошел Петруха и тихонько произнес заплетающимся языком:

-- Юра, у нас чай есть с кайфом.

-- Какой чай с кайфом? -- удивленно спросил я.

-- Чай, заварка. Понимаешь?

Голос его был каким-то странным, говорил он со слегка заметной растяжкой и наслаждением, как будто на голой бабе лежал.

-- Ни х...я не понимаю, ты про че гонишь, Петруха?

-- Чай мы в караване взяли, два мешка. Помнишь тот караван с ранеными духами?

-- Ну.

-- Так вот, чай мы в этом караване взяли, два мешка.

-- Да че ты заладил, чай два мешка, чай два мешка. Чего чай два мешка?

-- Чай этот с кайфом.

-- Не понял, Петруха, че ты паришься, объясни толком.

-- Да заеб...л ты, Юра, чай, говорю, у нас есть с кайфом каким-то, мы сами не знали, взяли его просто так, а когда заварили и выпили, то улетели все. Понял? Я до сих пор балдею.

-- Да ну, не может быть, я такое первый раз слышу.

-- И мы тоже оху...ли.

-- Ротный знает?

-- Нет, он не пил, они с Греком брагу квасят со вчерашнего дня.

-- Где этот чай, в БТРе?

-- Да, здесь.

-- Тогда отсыпьте немного.

-- Да забирайте мешок, нахрена нам столько.

-- А еще кто-нибудь знает кроме вас?

-- Нет, мы сами его час назад попробовали. Блин, вот такая вещь, я отвечаю!

-- Да я вижу по твоей роже. Давай, короче, кончай пизд...ть, мешок тащи.

Мы с Петрухой направились к БТРу.

-- Петруха, погнали к Греку! -- крикнул ротный.

-- Сейчас чай пацанам выкину.

-- Быстрее давай, заеб...ли вы со своим чаем, я его щас ваще весь выкину нах...й! -- кричал ротный.

Петруха запрыгнул на броню, достал из-за баков с водой целлофановый мешок с чаем, бросил на землю, махнул нам

рукой, и они укатили в сторону, где стояла машина Грека.

Мешок -- это, конечно, громко сказано, скорее всего, это был небольшой тюк, ведра на два заварки, но для нас этого было больше чем достаточно. На этом тюке было приклеено что-то вроде этикетки, на которой была надпись арабскими иероглифами. Я подошел к этому тюку и, немного надорвав целлофан, взял оттуда щепотку заварки: на вид это была обычная заварка, похожая на индийскую, запах, вроде, тоже чая, я пожевал немного этой заварки, ну что сказать, чай как чай, и ничего более.

Ко мне подошли пацаны.

-- Че эт такое? -- одновременно спросили Хасан с Туркменом.

-- Чай, -- спокойно ответил я.

-- Какой еще чай? -- спросил Хасан.

-- Петруха нам задарил этот тюк, говорит, что с каравана взяли.

-- А на хрена нам столько чая? -- спросил с удивлением Урал.

-- Как на хрена, пить будем, -- ответил я ему.

-- Юра, правда, на хрена Петруха нам припер этот мешок, он че, гонит что ли? -- опять поинтересовался Туркмен.

-- В общем так, Хасан, -- тебя касается. Я сейчас скажу, что это за чай, только, Хасан, обещай, что ты его потом за ночь не схаваешь.

-- Да че я, корова что ли, траву эту хавать.

-- А мы вот его сейчас заварим и попьем, а потом видно будет. И если Петруха не пизд...т, то чарс нам больше не нужен будет. Ясно?

-- Да ни черта ничего не ясно, объясни толком, че за ху...ню ты городишь. Ну чай, это понятно, а при чем здесь чарс? -- удивился Хасан.

-- Хасан, давай заварим и попьем, а потом видно будет, я пока сам ни хрена не пойму. Петруха говорит, что они от него улетели капитально и уже час тащатся.

-- От чего, от чая? -- поразился Туркмен, и все остальные тоже посмотрели на меня как на дурака.

-- Ну, дослужились пацаны, уже от чая прутся, -- промолвил Хасан с ухмылкой.

-- Петруха говорит, что этот чай с кайфом каким-то. Понял ты, дубина таджикская?

-- Это ты, Юра, дубина, Петруха тебя подъеб...ул по раскумарке, а ты нам тут эту туфту прогоняешь.

-- Да че мы зря порожняки гоняем, давайте заварим и проверим, -- я взял тюк и потащил его к нашему БТРу. Вода в котелке в это время начинала закипать. Я про себя подумал -- ну,

сука Петруха, если подколол меня насчет чая, по башке получит, гад. Надрезав в мешке с заваркой дырку побольше, я взял оттуда полную жменю заварки и бросил в котелок, подумав, что если кайфа не будет, то хоть чифиру нахлебаемся.

-- Юра, ты че делаешь, куда ты навалил столько заварки?! -- тряс косяком перед моим лицом Хасан.

В котелке начала подыматься пена от заварки, я схватил тряпку и снял котелок с огня.

-- Хасан, не мешай, лучше за кашей, вон, смотри, а то сгорит, и костер пора тушить, темнеет, вон, сейчас какой-нибудь душара из трубы шарахнет, и придется на том свете чифирить. У-ух, прохладно становится. Сапог, доставай бушлаты, ложки, кружки и сухари тащи! -- крикнул я.

Сапог полез в люк и стал выкидывать бушлаты, потом он притащил все остальное, мы приоделись, затушили костер, и расселись вокруг цинка с кашей.

-- Ну че, может сначала чайку Петрухиного похлебаем? -- предложил я.

-- Давай, наливай, -- ответил Туркмен, подвигая ко мне свою кружку, все остальные тоже поставили рядом свои кружки.

Я налил всем по полкружки чая, он был темного цвета, в общем, заварился капитально.

-- Пускай остынет, давай пока косяк курнем, -- заявил Хасан.

-- Спрячь свой косяк, а то чая не поймем, давайте похаваем сначала, а чай пока остынет, -- предложил я.

Хасан добавил в кашу остатки нарезанной зелени, и мы, похватав ложки, принялись за трапезу. Покончив с кашей, мы принялись за чай, он был горьким от излишка заварки.

-- Может, водой разбавим, а то пить невозможно, -- сказал Урал.

-- Дурак ты, Татарин, кто ж чай сырой водой разбавляет, пей так, -ответил я ему.

Отхлебав половину налитого в кружку чая, я почувствовал какое-то странное состояние, мне становилось как-то легко, кайф был мягким и приятным, вокруг все казалось интересным. Это был не такой кайф, как от чарса, ничего не давило на голову, не было сушняка, я не делал ни каких резких движений, даже наоборот -- движения мои были слегка замедленными и плавными, голова работала на удивление ясно. Все происходящее вокруг казалось плавной и приятной мелодией, даже выстрелы из блоков не раздражали, очереди из автоматов и пулеметов отдавались в голове слегка замедленным эхом. Никакой усталости не чувствовалось, все как рукой сняло. Блин, что за канитель подогнал нам Петруха, довольно таки неплохая штука.

Я посмотрел на пацанов, они все как на подбор блаженно улыбались.

-- Это опиум, бля буду, этот чай с опиумом замешан, я узнаю этот кайф, -- пролепетал Хасан.

-- Ну еще бы ты не знал, что это за кайф, ты спец по любому кайфу, -ответил я Хасану.

-- А мне наплевать, что это за кайф, но заеб...сь-то как, -- пропел Урал.

-- Прикиньте, пацаны, у нас этого кайфа целый тюк, я просто глазам своим не верю, -- сказал Хасан с радостным видом.

-- Короче, никому не говорим, не дай бог, прознают в полку про это, тогда целая очередь будет стоять возле нашего блока, и в оконцовке шакалы заберут все, -- заявил Туркмен.

-- А мы никому ничего не скажем, а если узнают, скажем выпили все, а если не поверят, скажем Хасан сожрал, тогда поверят точно, Хасана в полку все знают, -- сказал я.

-- А я точно все сожру, сожру -- как пить дать, -- ляпнул Хасан.

-- Короче, так -- Хасана наблюдающим не оставлять, и как минимум двоим круглосуточно за ним наблюдать, -- провозгласил с подколкой Туркмен.

Сапог тем временем сидел тише воды ниже травы, он только улыбался, медленно переводя взгляд то на одного из нас, то на другого, в зависимости от того, кто начинал говорить.

-- Хоть бы духи не обломали, -- произнес с сожалением Урал.

-- Да я тогда снесу нах...й эти горы вместе с духами, -- заявил я.

-- Пацаны, только не увлекайтесь, а то улетим капитально, я знаю эту вещь, кайф должен быть в меру, остальное допьем позже, а сейчас надо подумать, кто и когда наблюдающим будет стоять. Как, с десяти начнем, как обычно? -- предложил Туркмен.

Туркмен всегда в подобных случаях выписывал нам тормоза. Как хорошо, что хоть один был с понятием в нашем экипаже, иначе все эти кайфовки могли когда-нибудь нам боком вылезти. Хоть "замком" был и Хасан, но в экипаже, да и в роте тоже, слушались больше Туркмена. Ротный это тоже знал, он не раз уговаривал его на должность замком взвода, но Туркмен не соглашался, ему больше нравилось быть водилой в нашем экипаже. Да ротный слишком и не напирал, он знал, если Туркмен сказал нет, значит -- нет, а если надо было что-нибудь серьезное поручить экипажу, то ротный и так в большинстве случаев обращался к Туркмену.

А что касается кайфа вообще, то это была одна из тех немногих отдушин в этом аду, надо же было как-то отвлечься, хотя бы для того, чтоб не сойти с ума. Офицеры разряжались

спиртным, ну и кайфом тоже многие младшие офицеры баловались, да и некоторые старшие были ни без греха. Мы же в основном расслаблялись разным кайфом, ну иногда спиртным при случае, вот так и протекала наша служба для тех, кто еще оставался жив в этой проклятой стране.

-- Давайте я первый буду, -- предложил я и посмотрел на часы, время было пол девятого.

-- Я тебя сменю, -- сказал Хасан.

-- Нет, первый пусть стоит Сапог, мы еще спать в это время не будем, а потом Юра, ты его сменишь, ну и так далее, -- спокойно сказал Туркмен.

-- Ну хорошо, я не против, остальные, думаю, тоже, -- ответил я Туркмену.

Все согласились с этим предложением, Сапог все-таки первый раз в рейде, поэтому ему и стоять наблюдающим с десяти часов до полпервого, спать в это время не сильно тянет, хреново тому, кто попадал под утро, в это время самый сон, на этот раз последним стоять выпало Уралу. Мы стояли по два с половиной часа, и как раз получалось до восьми утра.

-- Ну что, может, в картишки перекинемся. Хасан тащи карты! -- крикнул я Хасану, он в это время шарился по отсеку БТРа.

-- В че играем? -- спросил Урал, потирая руки.

-- В тысячу неохота, там писанина запарит. Может в очко? -- спросил я.

-- Да ну это очко, давайте просто в дурака скинемся, -- предложил Туркмен.

-- Ну, че решили? -- спросил, подойдя, Хасан, в руках у него была колода карт.

-- В дурака давай, там меньше думать надо, а то под кайфом мозгами шевелить неохота.

-- Ну, давайте в дурака, -- сказал Хасан, и стал раздавать карты.

Мы увлеклись игрой в карты, и просидели за ними часа два, после чего я предложил:

-- Может, чайку хапнем?

-- Блин, разогреть бы его, жаль, что стемнело, -- сказал с сожалением Хасан.

-- А давай в халабуде нашей небольшой костер разведем? -- предложил я.

-- Отсвечивать будет, -- сказал Туркмен.

-- Да не будет. Думаешь, духи заметят?

-- Если духи не заметят, то шакалы увидят, все равно пиз...ы получим, -- ляпнул Урал.

-- Да ладно, чего вы шугаетесь, не холодный же хлебать, да и

разбавить его кипятком не мешало бы. Давай так -- кто первый в карты проиграет, тот и чай подогревает, -- внес я предложение.

-- Ну ладно, давай, Юра, раздавай, -- согласился Туркмен.

Первым вылетел Урал, он молча встал и пошел готовить кипяток. Полкотелка воды закипели быстро, мы добавили в кружки с крепким кайф-чаем кипятка, и стали его не спеша хлебать.

Около двенадцати часов пацаны накайфовавшись, стали собираться спать.

-- Сапог иди спи, я постою, все равно через полчаса менять тебя.

Взяв автомат и подсумок я взобрался на броню и стал наблюдать за ракетами и трассерами, летящими с наших блоков, под кайфом было интересно наблюдать за этим зрелищем. Утром мы все проснулись, это значило, что ночь прошла спокойно, а больше нам ничего и не надо. Главным для каждого из нас было утром проснуться живым.

Продолжение следует

Собственно, продолжение пишется, последняя версия версия по мере написания выкладывается на сайте "Art Of War".

Автор будет рад получить мнения читателей на email vova@dux.ru